

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО

ФИЛОСОФИЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научный журнал
Том 1 (67). № 1

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского»
является историческим правопреемником журнала «Ученые записки
Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2015

Печатается по решению Ученого совета Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского, протокол № 17 от 4 декабря 2015 г.

Главный редактор – Шоркин Алексей Давыдович, д-р. филос. н, проф.,
КФУ им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Редколлегия:

Берестовская Д.С..	д-р. филос. н., проф., КФУ им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Вигель Н.Л.	д-р. филос. н., проф., РГМУ (Ростов-на Дону)
Грива О.А.	д-р. филос. н., проф., КФУ им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Катунин Ю.А.	д-р. ист. н., проф., КФУ им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Кузьмин П.В.	д-р. полит. н., проф., КФУ им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Лазарев Ф.В.	д-р. филос. н., проф., КФУ им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Морозова Е.В.	д-р. филос. н., проф., ГПГУ (Краснодар)
Николко В.Н.	д-р. филос. н., проф., КФУ им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Романова А.П.	д-р. филос. н., проф., Гуманитарный институт, АГУ (Астрахань)
Рыскельдиева Л.Т.	д-р. филос. н., проф., КФУ им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Сенюшкина Т.А.	д-р. гос. упр., проф., КФУ им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Фёдорова М.М.	д-р. полит. н., Институт философии РАН (Москва)
Юрченко С.В.	д-р. полит. н., проф. КФУ им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Ответственный секретарь – Иванова Р.А.

Редакторы электронной версии: Страхов В.В., Шкорубская Е.Г.

Техническая корректура: Кузьменко Н.С., Семерей А.В.

Ответственные за выпуск:

Коротченко Ю.М., к. филос. н., доц., КФУ им. В.И. Вернадского
Цветков А.П., к. филос. н., проф. КФУ им. В.И. Вернадского

Контакты с редакционным советом серии:

Тел.: +7-978-736-7713 Факс: +7 (3652) 54-52-46
E-mail: raisaivanova2013@yandex.ru
Сайт: <http://www.anacharsis.crimea.edu/>

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 1 (67). 2015. № 1. С. 3–13.

УДК 316.3

ТРАДИЦИИ, ИННОВАЦИИ И СОЦИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

Антипов Г.А.

Основное направление статьи – обоснование задачи разработки общей теории социальной эволюции. Существующие теоретические модели, хоть в какой-то степени могущие претендовать на подобный статус, явно не соответствуют критериям научности. Формационная теория Маркса некритически переносит на социальную историю модель эволюции Земли Чарльза Лайеля, а так называемый «цивилизационный подход» вообще чужд идее эволюции. Автор исходит из того, что теорию социальной эволюции следует разрабатывать с учётом основных аспектов дарвинизма. Но как в биологии дарвинизм был синтезирован с представлениями о механизмах биологической наследственности, так и в социальном анализе необходимо ориентироваться на исследования механизмов социальной наследственности. В статье данный тезис обосновывается в контексте анализа феномена традиции.

Ключевые слова: традиция, ценности, деятельность, социальная память, эволюция

Побудительным мотивом для последующих рассуждений стало предложение организаторов Одиннадцатых Таврических чтений «Анахарсис» обсудить тему, сформулированную следующим образом: «Динамика культурных традиций и риски инноваций». И первое, что пришло на память в данной связи – это чеканная фраза К.Маркса из «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта» о том, что «традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых». Она позволяет сделать общий и принципиальный вывод относительно онтологического статуса традиции, как он представлялся создателю коммунистической доктрины. Традиция пребывает исключительно в плане ментальности, никоим образом не становясь фактором, обуславливающим характер процессов социального развития. Она есть обитатель мира прошлого, царства мёртвых. К будущему она не имеет никакого отношения.

Содержательно традиции – это идеалы, художественные формы, иллюзии и прочие, по Марксу, предметы «суеверного почитания старины». Его интерпретация, таким образом, радикально отличается от того, как традиция трактуется в современной антропологии: анонимная, стихийно сложившаяся система образцов,

норм, правил и т.п., которой руководствуется в своём поведении достаточно обширная и устойчивая группа людей. Согласно же Марксу, традиции суть формы ложного сознания, призванные, допустим, прикрыть романтическим флёром убого прозаическую и скучную реальность. Так, деятели французской революции находили в традициях Римской республики «идеалы, и художественные формы, иллюзии, необходимые им для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно-ограниченное содержание своей борьбы, чтобы удержать своё воодушевление на высоте великой исторической трагедии» [6, с. 13].

В данной связи отнюдь не натяжкой будет выглядеть отсыл к пушкинским строкам: «Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман». Однако по контексту пушкинского «Героя», откуда взяты эти строки, видно, что поэт воспринимает подобные «иллюзии» иначе, чем Маркс. «Низкие истины» здесь, так сказать, – это принципы реальности, не «художественные формы», а формы, в которые отливаются практические действия в сфере политики, хозяйствования и т.п. Здесь доминирует прагматика, это – бизнес и «ничего личного». Поэту же дороже истины, кроющиеся в таких понятиях как честь, совесть, вера, любовь, героизм, справедливость.

В первом приближении, кажется, что великий экономист и великий поэт согласно воспринимают традиции как проявления ложного сознания (обмана и самообмана). На самом же деле между их позициями имеется существенное различие. Действительно, по Марксу, все эти обманные иллюзорные формы должны быть отброшены во имя дела, дела революционного преобразования мира, ускорения поступательного движения нации. «Социальная революция XIX века, – писал он, – может черпать свою поэзию только из будущего, а не из прошлого. Она не может начать осуществлять свою собственную задачу прежде, чем она не покончит со всяким суеверным почитанием старины. Прежние революции нуждались в воспоминаниях о всемирно-исторических событиях прошлого, чтобы обмануть себя насчёт собственного содержания. Революция XIX века должна представить мёртвым хоронить своих мёртвых, чтобы уяснить себе собственное содержание. Там фразы были выше содержания, здесь содержание выше фразы» [6, с. 15].

Иначе у Пушкина. Его «Герой» вовсе не читается в смысле рекомендации решительно отбросить «возвышающий обман» во имя присвоения того, на что нацеливают «низкие истины». Что вообще скрывается за этим «обманом»? По контексту понятно, имеется в виду, что действие, которое воодушевлено любовью, справедливостью и самопожертвованием ради «друзья своя», не может быть обосновано прагматически. Подобные феномены существуют вне мира, изменения которого определяются прагматическими установками. Подчинив свои практические действия исключительно этим устремлениям, успеха на деле не достигнешь, обманешься, хотя и «возвышенно». Поэт, таким образом, ставит вопрос об иерархии ценностей их соотношении в человеческом бытии. Налицо та же модальность, что и в вопрошании Сальери: «А гений и злодейство – две вещи несовместные. Не правда ль?»

Итак, речь должна идти о коллизии ценностей. Хорошей демонстрацией возникающих здесь трудностей может служить обсуждение допустимости принципа «цель оправдывает средства» в контексте политической практики. Кстати сказать, наш великий поэт был не чужд обращению и к данной коллизии, допустим, в драме «Борис Годунов»

Едва ли не штампом общественного сознания является представление, что политика – весьма сомнительная в моральном отношении область человеческого бытия, дело достаточно грязное. У политика отсутствуют постоянные принципы («возвышающий обман»), постоянны лишь его интересы. Теоретическим коррелятом подобного обыденного представления выступает принцип «цель оправдывает средства».

Как известно, первым, кто последовательно и чётко вынес политику с её прагматизмом за скобки морали, был Макиавелли. Вот один из советов, который этот титан Возрождения даёт политическому деятелю в своём трактате: «Излишне говорить, сколь похвальна в государе верность данному слову, прямота и неуклонная честность. Однако мы знаем по опыту, что в наше время великие дела удавались лишь тем, кто не старался сдерживать данное слово и умел, кого нужно обвести вокруг пальца, такие государи, в конечном счёте, преуспели куда больше, чем те, кто ставил на честность. Надо знать, что с врагом можно бороться двумя способами: во-первых, законами, во-вторых, силой. Первый способ присущ человеку, второй – зверю; но так как первое часто недостаточно, то приходится прибегать ко второму. Отсюда следует, что государь должен усвоить то, что заключено в природе и человека, и зверя... Разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам, и если отпали причины, побудившие его дать обещание. Такой совет был бы недостойным, если бы люди честно держали слово, но люди, будучи дурны, слова не держат, потому и ты должен поступать с ними так же. А благовидный предлог нарушить обещание всегда найдётся» [4, с. 351].

И всё же – вторая сторона парадокса – найдётся ли ещё какая-либо область жизни, столь же подверженная моральным оценкам? Или обратимся к судьбе самого Макиавелли, к судьбе его наследия? Даже имя его стало нарицательным, – синонимом недопустимого аморализма.

В целом же по поводу проблемы цели и средств в политике можно сказать следующее. Политика есть вид деятельности, сфера практического решения задач определённого типа. С этой прагматической точки зрения принцип: «цель оправдывает средства» абсолютно адекватен. Несоответствие одного другому всегда будет вести к неудаче на практике. Ценностью, регулирующей человеческую практику в любом её виде, выступает не добро (благо), а польза («для пользы дела»). Но мораль – это не деятельность и не нормы деятельности, а нормы поведения; это – основания выбора целей, а не предписания к их реализации. В этом смысле практика находится «по ту сторону добра и зла», её ориентиры – объективные свойства подвергаемого обработке материала, закономерности изменения данных свойств. Совершенно справедливо на данное обстоятельство указывал Бертран Рассел: «Однако политика включает в себя также вопрос о

средствах. Бесполезно преследовать политическую цель при помощи методов, заведомо обречённых на неудачу; если цель признаётся хорошей, то мы должны избрать такие средства, которые обеспечивают её достижение. Вопрос о средствах можно рассматривать в чисто научном плане, безотносительно к тому, являются ли цели хорошими или дурными. «Успех» – означает достижение намеченной вами цели, какой бы она ни была. Если существует наука успеха, то её можно изучать на примере успехов порочных людей не хуже, чем на примере успехов людей добродетельных, – даже лучше, чем примеры добивающихся успехов грешников более многочисленны, чем примеры добивающихся успехов святых. Однако такая наука, будучи раз установлена, пойдёт на пользу святому точно так же, как и грешнику, ибо святой, если он вступает на поприще политики, точно так же должен жаждать достижения успеха» [8, с. 528-529].

Итак, отношение политики и морали противоречиво и даже, в определённых отношениях, антиномично. И это – объективная коллизия человеческого бытия. Здесь недостижима абсолютная гармония. Возможна лишь относительная, релятивная комплиментарность, достижимая при данных конкретных условиях. Это вопрос о границах, за которыми начинается либо крах политики, либо крах личности, и значит, общества в целом. Универсального средства для разрешения морально-политической дилеммы не существует, как не существует лекарства от всех болезней. Эта дилемма всегда разрешается (если разрешается) в зависимости от уровня моральности общества, его реальных моральных ценностей. Во всяком случае, «возвышающий обман» есть необходимая «компонента» социальной практики. И нужно отчётливо осознавать её «вертикальное» отношение к практике в любых её проявлениях.

«Политику, – писал Томас Манн, – называют «искусством возможного», и политика и в самом деле является сферой, близкой к искусству, поскольку она, подобно искусству, занимает творчески-посредническое положение между духом и жизнью, идеей и действительностью, желательным и необходимым, мыслью и действием, нравственностью и властью. Она включает в себя немало жестокого, необходимого, аморального, немало от expediency (целесообразности, выгоды) и низменно-материальных интересов, немало «слишком человеческого» и вульгарного, и едва ли существовал когда-либо политик, государственный деятель, который, поднявшись высоко, мог бы без всяких колебаний по-прежнему причислять себя к порядочным людям. И всё же: в сколь малой мере человек принадлежит одному только миру природы, столь же мало политика связана с одним только злом. Не становясь дьявольской, губительной силой, не превращаясь во врага человечества, не извратив свойственный ей творческий импульс до постыдной и преступной бесплодности, политика никогда не сможет полностью избавиться от идеального и духовного начала, никогда не сможет отбросить нравственный и человеческий элемент своего существа и свестись к безнравственности и подлости, ко лжи, и убийству, обману, насилию. В таком случае она была бы уже не искусством, не творчески посредствующей и созидающей иронией, а слепым и бесчеловечным бесчинством, самоубийственным в своём всеуничтожающем нигилизме, который ничего не способен создать и

одерживает лишь мимолётные зловещие победы. Поэтому народы, призванные к политике и рождённые для неё, неосознанно стремятся сохранить политическое единство мысли и действия, духа и власти: они занимаются политикой как искусством жизни и власти, невысказанным без использования жизненно-полезного злого, сугубо низменного начала, но никогда не упускающим из виду более возвышенную сферу – идею, общечеловеческую порядочность, нравственность. Таково их «политическое» сознание, и на этом пути они примеряются с миром и с самими собой» [5, с. 317-318].

Логика предыдущих рассуждений не может не приводить к гносеологически принципиальному вопросу о статусе феномена ценностей и их месту в действующих механизмах социального бытия. Дело в том, что контексты практики, социального творчества и связанный с ними аспект научной рациональности, с одной стороны, радикально отличны от того мира, в котором пребывают ценности, нас «возвышающие обманы». Данное обстоятельство впервые обнаружил и зафиксировал Давид Юм. Он попытался, опираясь на эксплицированные веком раньше Френсисом Бэконом фундаментальные постулаты научной рациональности, представить, так сказать, исследовательскую программу науки о человеке. Это привело его, однако, к парадоксальному выводу, тем не менее, имевшему фундаментальное значение для всей традиции философской антропологии и вполне справедливо характеризовавшемуся Юмом как «новое открытие в философии». Открытие состояло в том, что нравственность (моральное добро и зло, долг и т.п., в коих он видел основное проявление человеческой природы) невозможно вывести и обосновать средствами и методами научного анализа, опираясь на опыт и его теоретическую интерпретацию. Следовательно, к моральным феноменам не применим общенаучный критерий истины: «невозможно, чтобы они были признаны истинными или ложными, а, следовательно, либо противоречили разуму, либо согласовывались с ним». С логической точки зрения это означает, в частности, что из суждений существования не следуют суждения долженствования. Д. Юм писал: «Я заметил, что в каждой этической теории, с которой мне до сих пор приходилось встречаться, автор в течение некоторого времени рассуждает обычным способом, устанавливает существование Бога или излагает свои наблюдения относительно дел человеческих, и вдруг я, к своему удивлению, нахожу, что вместо обычной связки, употребляемой в предложениях, а именно – есть или не есть, не встречаю ни одного предложения, в котором не было бы в качестве связки должно или не должно. Подмена эта происходит незаметно, но, тем не менее, она в высшей степени важна. Раз это должно или не должно выражает некоторое новое отношение или утверждение, последнее следует принять во внимание и объяснить, и в то же время должно быть указано основание того, что кажется совсем непонятным, а именно того, каким образом это новое отношение может быть дедукцией из других, совершенно отличных от него. Но так как авторы обычно не прибегают к той предосторожности, то я позволю себе рекомендовать её читателям и уверен, что этот незначительный акт внимания опроверг бы все обычные этические системы и показал бы нам, что различие порока и добродетели не основано исключительно на отношениях между объектами и не познаётся разумом» [12, с. 618].

Человек, как выяснилось (и о чём говорит Юм), принадлежит к двум не сводимым друг к другу мирам: природному миру «отношений между объектами» и вне природному, на который законы природы не распространяются и который не подлежит объяснению на основе только идеалов научной рациональности. Это – мир ценностей, предельных оснований человеческого выбора. Он находится, как указывал Кант, за границами разума. Впервые к особому гносеологическому контексту обращение к миру ценностей отнесли неокантианцы баденской школы, противопоставив индивидуализирующий и генерализирующий методы познания. Первый характеризует, прежде всего, историографию. Доминирование здесь индивидуализирующего метода освоения действительности обусловлено, согласно Риккерт, особенностями её эмпирического материала. «В отношении метода, – писал он, – отдельные науки являются либо генерализирующими, либо индивидуализирующими. Их материал состоит либо из объектов природы, т.е. действительности, утратившей всякую связь с ценностями, либо из явлений культуры, т.е. действительности, отнесённой к ценностям» [9, с. 72]. Вопрос в том, насколько правомерно использование понятия «наука» в обоих случаях. Ответ, как полагал бы даже и Юм, должен быть отрицательным. Наука в собственном смысле имеет дело с объективной реальностью, «вещами самими по себе». То, о чём толкует Риккерт, должно быть определено как мемориальная практика, функция которой – формирование исторической памяти [1]. Основной формой существования исторической памяти является нарратив, а не научное описание, существующее в общей гносеологической перспективе выявления законов того или иного аспекта реальности. Так что пресловутое разделение наук у неокантианцев – методологическое недоразумение.

Вернёмся теперь к рассуждениям Маркса по поводу традиций. В отличие от Пушкина, для него доминантой выступают «низкие истины», а «возвышающие обманы» должны быть отброшены перед лицом задач революционного преобразования общества. Что это? Макиавеллизм в полной его красе? Однако, если обратиться к историческим судьбам движения, осенявшего себя брэндами марксовой проповеди, легко заметить, что традиции одних «мёртвых поколений» тут же замещаются традициями не менее мёртвых поколений.

Полагаю, обсуждение сущности данного феномена следует отнести к общему контексту социальной памяти. Правда, в современной антропологии, как можно было видеть, в трактовке традиции акцентируется аспект «программирования» её формами человеческой деятельности и поведения. Важнее, однако, здесь план передачи, трансляции социального опыта от поколения к поколению, которые сменяют друг друга во времени. Обращение же к категории памяти позволяет не терять аспекта стационарности, устойчивости данных процессов.

Согласно М.А.Розову, традиции – это социальные эстафеты, т.е. процессы воспроизводства образцов деятельности и поведения, следования данным образцам: «Человек всегда действует по имеющимся у него образцам, являясь актуальным или потенциальным участником огромного количества эстафет. И именно это определяет постоянное воспроизводство социального целого, воспроизводство языка и речи, форм социального поведения и практической деятельности» [10, с. 71-

72]. Поскольку социальные эстафеты «движутся» по сменяющемуся материалу, их можно уподоблять волнам. В этом смысле эстафеты являются «куматоидами» (от греческого kuma – волна). «Социальный куматойд, – писал М.А.Розов – это объект, представляющий собой реализацию некоторой социальной программы поведения на постоянно сменяющем друг друга материале и в этом плане отдалённо напоминающий одиночную волну на поверхности водоёма, которая в своём движении заставляет колебаться всё новые и новые частицы воды» [10, с. 52].

Предлагаемая метафора не кажется плодотворной не только по своей натуралистической нагруженности, но, главным образом, потому, что не открывает каких-то новых подходов и путей к пониманию особенностей социальных процессов. В известном фильме «Солярис» фигурирует океан, которому свойственны, конечно, волновые процессы, но это всё-таки мыслящий океан. В ходе анализа автором постоянно делаются ссылки на примеры, взятые из конкретных социально гуманитарных исследований, например, на «Исторические корни волшебной сказки» В.Я.Проппа, и все эти сюжеты представляются как демонстрации адекватности теории социальных эстафет. Но мы не найдём ни одного примера нетривиальных выводов из самой теории социальных эстафет.

Существенно не столько то, что деятельность и поведение реализуются по образцам, а то, что существуют такие структуры, которые «заставляют» воспроизводить деятельность и поведение по совершенно определённым образцам. К числу подобных структур и относятся традиции. Хорошим примером может служить феномен парадигмы в том именно смысле, который данной категории придавал в своей концепции науки Т.Кун. Прежде всего, это общепризнанные, догматически воспринимаемые образцы решения некоторых задач. Скажем, в физике начинают с изучения одних и тех же образцов: задачи – наклонная плоскость, конический маятник, кеплеровские орбиты, инструменты – верньер, калориметр, мостик Уотсона. Овладевая этими классическими образцами, учёный глубже постигает основы своей науки, обучается применять их в конкретных ситуациях и овладевает специальной техникой изучения тех явлений, которые образуют предмет данной научной дисциплины и становятся основой деятельности учёных в периоды «нормальной науки». Кроме того в дисциплинарную матрицу входят ценности и образцы формулировок теоретических положений в науке.

При полностью позитивной оценке факта введения М.А.Розовым в контекст методологического анализа «социальных эстафет», тем не менее, общий фон возможных здесь интерпретаций следует изменить. И главное – перевод анализа в план категории «социальная память». Образцы поведения и деятельности, действительно, выступают в качестве базисных форм её существования и функционирования. В данном плане «образцы» вполне сопоставимы единицам-репликаторам культурной информации, подобным генам в теории мемов Ричарда Докинза. В общем смысле репликатор – это массив закодированной информации, способный создавать свои точные копии, иногда совершая при этом ошибки – «мутации». У Докинза – мемы суть единицы культурного наследования. И весь ход его анализа меметики, особенно те примеры, на которых он основан, убеждают в правоте предлагаемой параллели: «образцы» – «мемы» [3, с.245-259].

Сказанное позволяет сделать общий, хотя и парадоксальный, на первый взгляд, вывод относительно появления новаций, инноваций и т.п. в культуре. Их можно толковать как ошибки копирования образцов, своего рода мутации. С этой точки зрения нельзя не обратить внимания на множество примеров, демонстрирующих роль классических образцов в творчестве подлинных новаторов в тех или иных областях культуры. Это и по их собственным признаниям и по мнениям исследователей их творчества. Понятно, речи нет о целенаправленном сознательном искажении классических образцов. Скорее, это то, на что обращал внимание Мишель Полани.

Как он говорил, искусство (*techne*) не может передаваться с помощью «писанных правил», в безличной отчуждённой форме. Научение мастерству возможно только посредством личного примера, посредством включения в традицию. Ученик следует за учителем, потому что верит в то, что он делает, даже если он не может рационально проанализировать его действия. «Наблюдая учителя и стремясь превзойти его, ученик бессознательно осваивает нормы искусства, включая и те, которые неизвестны самому учителю. Этими скрытыми нормами может овладеть только тот, кто в порыве самоотречения отказывается от критики и всецело отдаётся имитации действий другого» [7, с. 87].

Нужно сказать, что использование в вышеприведённых рассуждениях понятий «ген», «репликатор», «мутации» с логической необходимостью ведёт к дарвиновской модели в её современном варианте. Применительно к биологической эволюции это выглядит так: число репликаторов с хорошими способностями к размножению растёт за счёт уменьшения числа репликаторов с худшими способностями к размножению. В этом, собственно, и заключается естественный отбор. Но в нашем анализе речь идёт вовсе не о естественном отборе. Принципиальная позиция, заявленная так или иначе выше, требует отказа от любых попыток редукционизма в интерпретации социальных явлений. Это означает, что требуется переход в план научной теории социальной эволюции. Но вот незадача, таковой на сегодняшний день не существует. Существуют лишь её наукоподобные эрзацы.

На первое место, конечно, следует поставить материалистическое понимание истории, хотя напрямую создатели этой теории эволюции не называли. Но фигурирующее в синодике Маркса сравнение его с Дарвином достаточно красноречиво. Впрочем, сам эволюционный подход Маркс заимствовал не у Дарвина. Действительно, уже беглый взгляд на становление материалистического понимания истории свидетельствует о том, что мысль здесь двигалась по путям, параллельным тем, по которым несколько раньше прошла геология. Свой подход Маркс буквально заимствовал из «Принципов геологии, являющихся попыткой объяснить прошлые изменения поверхности Земли путём соотнесения с причинами, ныне действующими» Чарльза Лайеля – этого «лорд-канцлера естествознания», как охарактеризовал его Дарвин. История человечества у Маркса стала представляться как «закономерный» процесс наслоения одних формаций над другими, подобно слоям в земной коре.

Сейчас данную позицию, характеризующую как «формационный подход» принято противопоставлять «цивилизационному подходу», не замечая логико-гносеологической абсурдности подобного противопоставления: ведь второе понятие взято отнюдь не из эволюционного контекста, к которому явно относится первое.

Однако, предложенной Марксом модели социальной эволюции не суждено было приобрести в социологическом дискурсе масштабов влияния, подобных тем, которые обрела в естествознании дарвиновская модель, а в геологии модель Лайеля. Более того, произошёл поворот к додарвиновскому типу интерпретации социальных изменений – катастрофизму. Согласно Кювье, создателю данной модели, смена видов происходила вследствие периодически происходивших крупных геологических катастроф, уничтожавших на больших территориях животных и растительность. Восстановление флоры и фауны происходило за счёт видов, пришедших из небольших местностей, не подвергшихся или слабо подвергшихся катастрофе. Катастрофизм в социокультурном дискурсе проявился в отрицании общей «закономерной» смены типов общественной организации. Наиболее известными и влиятельными представителями подобных представлений в Европе стали О.Шпенглер и А.Тойнби. Конечно, у них нет достаточно явных коннотаций катастроф, но они встречаются у других историософов. Можно сослаться на трактовку сущности революции у Бердяева: «В нашем греховном злом мире оказывается невозможным непрерывное, поступательное развитие. В нём всегда происходят процессы разложения. Слишком часто бывает так, что в обществе не находится положительных, творческих сил. И тогда неизбежен суд над обществом, тогда на небесах постановляется неизбежность революции, тогда происходит разрыв времени, наступает прерывность, происходит вторжение сил, которые для истории представляются иррациональными и которые, если смотреть сверху, а не снизу, означают суд Смысла над бессмыслицей, действие Промысла во тьме» [2, с. 107].

Но не всё так просто. Ведь высказывается же мнение, что Чарльз Дарвин пришёл к своему великому открытию благодаря чтению Адама Смита. И в социокультурном дискурсе двадцатого века эволюционные модели дарвиновского типа так или иначе присутствуют. Наиболее характерным примером мне представляется концепция «расширенного порядка» (расширенного порядка человеческого сотрудничества) Фридриха Августа фон Хайека. Эволюция социумов понимается у него как культурная эволюция. В теории коннотируются основные аспекты дарвиновской модели. Говоря его словами, суть «расширенного порядка» заключается в следующем: «Этот расширенный порядок сложился не в результате воплощения сознательного замысла или намерения человека, а спонтанно: он возник из непреднамеренного следования определённым традиционным и, главным образом, моральным практикам. Ко многим из них люди испытывают неприязнь, осознавать их важность они обычно не в состоянии, доказать их ценность неспособны. Тем не менее, эти обычаи довольно быстро распространились благодаря действию эволюционного отбора, обеспечивающего, как оказалось, опережающий рост численности и богатства именно тех групп, что следовали им» [11, с. 15].

Тем не менее, для получения современного варианта научной теории социальной эволюции простого переноса дарвиновской модели в интерпретации социальной реальности ещё не достаточно. Необходим ещё один шаг в этом методологическом движении. В биологии таким шагом, приведшим к формированию синтетической теории эволюции, стала экстраполяция в эволюционизм моделей генетики. Нечто подобное должно произойти и с теорией социальной эволюции. Правда, аналога генетики – социальной генетики на сегодняшний день вовсе не существует. Её предстоит только создать. На обоснование решения данной задачи всё изложенное в статье только и может претендовать.

Список литературы

1. Антипов Г.А. История как память и история как наука // Эпистемология и философия науки. – 2014. – Т.42, №4. – С. 124-142.
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
3. Докинз Р. Бог как иллюзия. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 512 с.
4. Макиавелли Н. Избр. соч. – М.: Худож. лит., 1982. – 473 с.
5. Манн Т. Соч. В 10-и т. Т. 10. – М.: Гослитиздат, 1961. – 542 с.
6. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта / К.Маркс, Ф.Энгельс. Сочинения. Т.8. – 2-е изд – М.: Госполитиздат, 1957. – 701 с.
7. Полани М. Личностное знание. – М.: Наука, 1985. – 398 с.
8. Рассел Б. История западной философии. – М., 1959. – 935 с.
9. Риккерт Г. Философия истории. – СПб., 1908. – 311 с.
10. Розов М.А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. – Смоленск, 2006. – 439 с.
11. Хайек Фридрих Август фон. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. – М.: Изд-во «Новости», 1992. – 304 с.
12. Юм Д. Соч. – В 2-х т. – Т.1. – М., 1996. – 847 с.

Antipov G. A. Traditions, Innovation and Social Evolution // Scientific Notes of Crimea Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 1. – P. 3-13.

The main idea of the article is to justify the objective to develop a general theory of social evolution. The existing theoretical models, which can to some extent be qualified for such status, definitely do not meet the criteria of scientific character. The Marx' theory of formations transmits uncritically the model of the evolution of the Earth, elaborated by Charles Lyell, onto the social history; and the so-called "civilizational approach" is alien to the idea of evolution in principle. The author believes that the theory of social evolution should be developed on the basis of the main aspects of Darwinism. However, in biology Darwinism was united with the theory of the biological mechanisms of heredity, and so similarly the social analysis has to focus on the study of the mechanisms of social heredity. The article justifies this thesis in the context of the analysis of the phenomenon of tradition.

Keywords: tradition, values, activity, social memory, evolution.

References

1. Antipov G.A. History as a Memory and the History of Science//Epistemology and Philosophy of Science. 2014. T. 42, no. 4. 124-142 p.
2. Berdyaev N.A. Origins and Meaning of Russian communism. Moscow: Nauka, 1990. -224 p.
3. R. Dawkins. The God Delusion. Spb.: Abc, Abc-Atticus, 2015. 512 p.

4. Machiavelli N. Fav. op. Moscow: Khudozhestvennaya lit., 1982. 473 p.
5. T. Mann T. In 10-and t. t. 10. M.: Gospolitizdat, 1961. 542 p.
6. Marx K. Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte / K. Marx, F. Engels. Compositions. T. 8.2 Ed. M.: Gospolitizdat, 1957. 701 p.
7. Polanyi M. Personal Knowledge. M.: Nauka, 1985. 398 p.
8. Russell B. The History of Western Philosophy. M., 1959. 935 p.
9. Rikkert G. Philosophy of History. SPb., 1908. 311 p.
10. Rozov M.A. Social Theory Relay Races and Problems of Epistemology. Smolensk, 2006. 439 p.
11. Friedrich August von Hayek. Fatal Conceit. The Errors of Socialism. M.: Izd-vo "News", 1992. 304 p.
12. Hume D. -In 2-piece t.T. 1. M., 1996. 847 p.

УДК 316.7

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПАРИЖСКОЙ ШКОЛЫ¹

Ваккасова М.В.

В данной статье рассматривается изменение значения понятия культурной безопасности в рамках Парижской школы. Безопасность является одной из базовых потребностей человека, поэтому усложнение ситуации с Чужим в рамках процессов глобализации делает необходимым определение термина «культурная безопасность». Окончание холодной войны привело к транснациональным процессам, которые, по мнению французского политолога Дидье Биго, породили атмосферу страха и нестабильности, а меры безопасности, которые поначалу представлялись временными и исключительными, стали применяться постоянно. Данная точка зрения привела к пересмотру понятия культурной безопасности и возникновению нового направления в рамках критических исследований. Целью статьи является анализ специфики основных направлений исследования понятий «безопасность» и «культурная безопасность» в работах представителей Парижской научной школы. В результате исследования были выявлены основные подходы к определению понятия «культурная безопасность» и его изучению.

Ключевые слова: безопасность, культурная безопасность, иммиграция, идентичность, Парижская школа безопасности.

Введение

Долгое время понятие «безопасность» ассоциировалось, в основном, с военной угрозой и изучалось, преимущественно, с точки зрения политики. Сегодня, по выражению А.В.Торкунова, происходят существенные изменения в способах раздела мира, принципах его функционирования, что ведет к изменению значений таких, отражавших основы международных отношений, понятий как «безопасность», «территориальная неприкосновенность», «государственный суверенитет», «лояльность власти» [16].

Изменения в системе международных отношений после окончания «холодной войны», усиление глобализации, возникновение новых угроз и вызовов обусловили

¹Работа выполнена при поддержке РГНФ15-33-11172а (ц) «Культурная безопасность в условиях гетеротопии»

появление новых теоретических подходов к осмыслению безопасности. Альтернативу традиционному пониманию данного концепта представляют положения так называемых «критических исследований» (critical security studies). В Европе, с известными оговорками, данный подход разделяют три научные школы: Уэльская, Копенгагенская и Парижская.

Сторонники нового направления существенно расширяют рамки безопасности (включая в это понятие помимо военной также экологическую, экономическую, политическую и общественную), а в качестве объекта защиты рассматривают не только государство, но и различные учреждения, отдельных людей, группы и даже биосферу.

Исследуемая нами в данной статье Парижская школа безопасности была основана на работах французского политолога Дидье Биго, который, в свою очередь, считал, что окончание холодной войны привело не к новому мировому порядку, а к возникновению эры беспорядка – распространению международного терроризма. По мнению Биго, война с терроризмом породила атмосферу страха и нестабильности, а меры безопасности, которые поначалу представлялись временными и исключительными, стали применяться постоянно [7].

Подвергая критике определение секьютеризации как риторической структуры, исследователь предлагает рассматривать данное понятие с точки зрения постоянного, каждодневного взаимодействия представителей органов власти различных стран в области столкновения их интересов и возможной конкуренции в погоне за ресурсами [5]. Данный подход совершенно противоположен точке зрения сторонников Копенгагенской школы, для которых секьютеризация является результатом успешного публичного акта.

Стирая разделения между внутренними и внешними аспектами, Биго и его последователи трактуют безопасность как процесс «секьюритизации или инсекьюритизации границ, идентичностей и представлений о порядке», а образ «нового врага» политолог видит в лице угрозы с Юга и иммиграции [7].

Представители Парижской школы отмечают неразрывный парадокс в отношении личной инсекьюритизации, которая в равной степени угрожает и, в то же время, зависит от государства. Так, Й. Хейсманс выражает мнение о том, что «безопасность многих людей на планете более под угрозой недостатков их правительства, чем от наполеоновских амбиций своих соседей» [12]. Сам Дидье Биго вводит понятие «профессионалов безопасности» – сотрудников полиции, таможни, судей, военных и дипломатов, из практики которых и формируется континуум безопасности. В зависимости от отношения власти и принятых ею мер формируется наличие и отсутствие безопасности [6].

Кроме того, Биго и его последователи уделяют внимание такому понятию, как «континуум безопасности» – системе представлений о тесной взаимосвязи между такими угрозами как нелегальная иммиграция, организованная преступность, наркоторговля и терроризм [5]. Важно отметить, что тема иммиграции рассматривается Д.Биго как метапроблема, объединяющая в себе преступность, шпионаж, безработицу и экономический кризис, влияние на национальную идентичность, угрозу культурной безопасности.

Подходы к культурной безопасности

Термин «культурная безопасность» появился в связи с возникшей в 60-70-е годы XX века идеей глобализации, а также переосмыслением проблемы взаимоотношений с Другим/Чужим. Современная концепция данного понятия зародилась в 1988 году на ежегодной конференции медсестер народа Маори в Новой Зеландии и описана в рекомендации «Совета по Уходу в Новой Зеландии» (Nursing Council of New Zealand) [15]. Культурная безопасность (cultural safety) понималась как деятельность, которая вызывает доверие к культурной идентичности и процветанию индивидуумов, поддерживает и уважает их, дает им возможность выражать свою идентичность, идет навстречу их культурным нуждам. Интересен факт, что «культурно небезопасным», по определению Nursing Council of New Zealand, является любое действие, которое подрывает культурную самобытность и благополучие отдельного индивида [9].

Неоценимый вклад в развитие данной концепции внес П.Будье, исследуя безопасность культурного пространства и тиражируя понятие «культурного капитала», понимая под ним накопление достижений в сфере культуры, культурное богатство страны, которое складывается веками и создает культурный имидж государства на мировой арене [13].

Чаще всего, по мнению Бурдьё, в культурный капитал превращаются такие элементы культуры, как язык, знания, навыки, опыт, квалификация, самые разнообразные знаки и символы, традиции, устойчивые нормы, ценности [13]. Основываясь на данном понятии и рассматривая культуру как знаковый код, в котором каждый индивид представляет региональные и национальные, профессиональные и социально-классовые культуры, Биго определяет культурную безопасность как «способность социума поддерживать его уникальный характер в меняющихся условиях или присутствии потенциальных миграций. Более всего это относится к устойчивости необходимых условий для развития культуры, религии и национальной идентичности в общем» [7]. В частности, культурная небезопасность может проявляться как в массовом импорте чужой материальной культуры, так и в интеграции общества или массовом потоке беженцев.

Биго подчеркивает, что сам термин безопасность используется в различных сферах, от социологии до криминалистики. При этом, в каждом из направлений используются не только различные методы, но и разные трактовки данного термина. Поиск наиболее точного определения, которое будет охватывать существенное значение понятия, будет, по выражению самого политолога, напоминать отрывки из поэмы Льюиса Кэрролла «Охота на Снарка» [6].

Большинство исследователей международной безопасности не уделяли внимание антропологии и культурологии, за исключением представителей структурализма, которые обращали внимание на историко-социологические процессы. Конечно, некоторые авторы могут с удовольствием изучить этнографические описания для того, чтобы получить один или два примера, являющиеся, на их взгляд, существенными. Однако, в таких случаях они отказываются принимать во внимание основные принципы антропологических исследований. Дидье Биго, развивая свою концепцию безопасности, говорит о

необходимости применения подобных методов для нахождения различий между двумя наборами культурных кодов и выдвижения гипотез о потенциальной опасности одного кода для другого [6].

Этой же точки зрения придерживается другой исследователь безопасности Ксавье Гийом, который, кроме того, уделяет особое внимание деталям повседневной и культурной жизни, видя в них центральное значение для понимания процесса безопасности [10, с.136-149].

Л.Буве, основываясь на концепции секьюризации Биго, предлагает рассматривать понятие культурной безопасности в двух направлениях. С одной стороны, это экономический и социальный вопрос, который предусматривает связь между культурной безопасностью и социально-экономическим кризисом. Буве видит в наплыве мигрантов основную угрозу вывода населения из состояния эксплуатации. С другой, по его мнению, необходимо изучение секьюризации в рамках проблемы «Своего» и «Чужого» [11, с.83-118].

Задаваясь вопросом «Кто выигрывает от глобализации и европейской интеграции?» Люсьен Буве пересматривает понятие идентичности и изучает культурные вопросы, связанные с иммиграцией и теми изменениями, которые она приносит в образ жизни народа.

Интересен социально-экономический подход, применяемый Буве к исследованию культурной безопасности. Согласно его мнению, степень культурной небезопасности индивида определяется разницей между «верхом» и «низом» общества [11, с.193-215]. Так, человек, живущий в бедном районе, более доступен для большинства иммигрантов, более всего подвержен влиянию культуры со стороны другого народа. Необходимо отметить, что основную угрозу культурной безопасности и Биго и Буве видят в глобализации, воспринимая данный процесс с точки зрения исчезновения границ и давления миграции.

О влиянии глобализации на инсекьюризацию заявил и антрополог Арджун Аппадураи, вопрос о принадлежности которого к Парижской школе является спорным – он более известен разработкой теории воображаемых ландшафтов (*imaginary landscapes*), чем исследованиями в сфере безопасности [11, с.23-24]. Аппадураи утверждает, что глобализация приводит к возникновению страха у большинства стать меньшинствами, – как в социально-экономическом, так и в культурном планах [с.367-416].

Но наиболее существенный вклад по данному вопросу внес один из самых ярких представителей Парижской школы безопасности – Б.Бади. Профессор института политических исследований выделяет три признака глобализации: во-первых, закономерный исторический процесс, развивающийся на протяжении многих веков; во-вторых, жизнь по единым принципам, ценностям, нормам поведения, гомогенизация мира и стремление к универсализации мира; наконец – размывание национальных границ [4, с.37-62]. Бади склонен считать, что такая тенденция приведет к «подрыву, разрушению национального государственного суверенитета под напором действий новых акторов общепланетарной системы, которые взаимодействуют на равных основаниях с государствами и друг с другом» [4, с.83].

Развивая свою теорию, в середине 90-х годов XX века Бади выдвигает теорию «конца территории», суть которой в том, что территория как базовая категория политической реальности исчезает из-за глобализации и окончания холодной войны, разрушившего систему биполярности [с.102-108]. Иначе говоря, изымается значительная часть территориальной идентичности, пространство освобождается от связи с традиционным понятием нации как культурно-идеологического феномена. Главное действующее лицо этой теории – свободный от национально-ментального фона индивид.

Интересен факт, что для Бади «размывание границ» – это, прежде всего, увеличение объемов различного рода обменов и взаимодействия за пределами государственных границ, ведущее к формированию мирового рынка товаров и услуг и трансграничное взаимодействие. Дидье Биго, в свою очередь, видит в ослаблении роли границ становление более жестких барьеров между этническими, расовыми и другими группами, что ведет к осложнению межэтнических отношений и возникновению новых угроз.

В то же время, возводя глобализацию в статус одной из главных угроз безопасности, сторонники Парижской школы подчеркивают, что безопасность, сама по себе, никогда не бывает абсолютной, вне зависимости от сферы охвата. Огромное полотно сигнификаций безопасности в рамках различных сфер знания вызывают ложные представления о данном понятии, поэтому, в связи с тем, что до сих пор, по мнению Биго, нет универсального определения безопасности, исследователем было предложено рассматривать данное понятие как двоякую структуру по типу «Инь» и «Янь» или «Ленты Мебиуса» [8]. Биго считает, что при таком рассмотрении термина становится ясным, что при любой трактовке неизбежна неуверенность даже внутри безопасности, т.е. рост безопасности не всегда ведет к уменьшению чувства незащищенности, чем больше безопасности, тем сильнее ограничивается свобода.

Заключение

В процессе исследования культурной безопасности мы выделяем базовые подходы. Так, основываясь на исследованиях миграционной политики через дискурсивный подход, Биго определяет культурную безопасность посредством культурного кода, а именно – способностью поддерживать свою уникальность под влиянием другой культуры, уделяя внимание присутствию иммиграции.

Акцент на повседневной жизни общества делает Ксавье Гийо, для которого культурная безопасность – это сохранение привычного для индивида уклада в его бытовой жизни в меняющемся мире.

Социально-экономический подход Буве рассматривает культурную безопасность через вопросы, связанные с иммиграцией и изменениями, которые она приносит в образ жизни народа. Нужно сказать, что Буве впервые выделяет понятие «степень культурной небезопасности», под которым понимается уровень влияния иммиграции на индивида в зависимости от его социально-экономического положения.

Схоже с дискурсивным подходом Биго направление исследований Б.Бади, который вводит понятие «конца территории». Глобализация и размывание границ, к которому она ведет, приводит к тому, что пространство освобождается от связи с традиционным понятием нации как культурно-идеологического феномена. Бади подчеркивает, что такой процесс ведет к потере идентичности, к возникновению свободного от национально-ментального фона индивида.

Таким образом, концепт культурной безопасности рассматривается представителями Парижской школы в рамках транснациональных процессов, возникших после окончания «холодной войны». Наблюдая в иммиграции основную угрозу как для индивида, так и для общества в целом, Биго и его сторонники рассматривают иммигранта как основной объект секьюризации, подразумевая при этом каждодневную деятельность государственной власти [5]. Кроме того, отличительной чертой концепции Парижской школы является рассмотрение в качестве субъекта «профессионалов безопасности», распространяя свои воззрения на Еврокомиссию и Совет ЕС [8].

Список литературы

1. Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis, 1996. – 229 p.
2. Appadurai Arjun. *Condition de L'homme Global*. Paris: Payot, 2013. – 421 p.
3. Badie B. «Le jeu triangulaire», in Birnbau P.(dir.), *Sociologie des nationalisms*. Paris: Presses universitaires de France, 1997.
4. Badie B., Smouts M. – C. *Le Retournement du monde*. Sociologie de la scene internationale. Paris: RFNSP et Dalloz, 1995.
5. Bigo D. "Les Conflits Post Bipolaires: Dynamiques et Caractéristiques." *Cultures&Conflits*. 1992. №8. P.3-14.
6. Bigo D. "Les Jeux du Politique et de la Transnationalité." *Cultures & Conflits*. 1992. №5. P.20-21.
7. Bigo D. "Sécurité(s): Intérieure et Extérieure: le Ruban de Möbius (version française et anglaise présentées à la 38th ISA conference)." // *Cultures & Conflits*. 1997. №5. P.23-27.
8. Bigo D. "Security and Immigration: Towards a Governmentality of Unease." *Alternatives // Culture&Conflits*. 2002. №27. P.63-92.
9. Bouteillet-Paquet D. *Passing the Buck: A Critical Analysis of the Readmission Policy Implemented by the European Union and its Member States* // *European Journal of Migration and Law*. 2003. Vol. 5, issue 3. P.359-377.
10. Bouvie L. *L'Insécurité culturelle. Sortir du Malaise Identitaire Français*. Fayard, 2015.
11. Guillaume Xavier, and Jef Huysmans. *Citizenship and Security: the Constitution of Political Being*, PRIO new security studies.
12. Huysmans J. *The European Union and the Securitization of Migration* // *Journal of Common Market Studies*. 2000. Vol. 38, №5. P.751-777.
13. Бурдые П. *Формы капитала* // *Экономическая социология*. 2002. – Т. 3. – № 5.
14. Романова А.П., Мармилова В.О. *Культурная безопасность как важнейший фактор национальной безопасности* // *Человек, сообщество, управление: Науч.-информ. Журнал*. – 2008. – № 2.
15. Романова А.П. *Культурная безопасность и страх перед чужим* // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. – 2013. – № 2 (35). – С.228-237.
16. *Современные международные отношения. Учебник* / Под. ред. А.В. Торкунова. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. – 584 с.

Vakkasova M.V. Problems of Cultural Safety in the Research of Parisian School // Scientific Notes of Crimea Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 1. – P. 14-20.

This article is concerned with the change of the notion of cultural safety in the framework of Paris School. Safety is one of the basic human needs, that is why with the processes of globalization it is taken into account as the complication of the situation with the Stranger makes it necessary to define the term «cultural safety». The end of the Cold War stimulated the transnational processes that, according to French political scientist Didier Bigo, created the atmosphere of fear and instability, and the safety measures, which were considered temporary and exceptional, started to be adopted constantly. This standpoint made scholars to review the notion of cultural safety and boosted the appearance of the whole new trend within the framework of critical research. The aim of this article is to analyse the specific character of basic trends in research of the notions «safety» and «cultural safety» in the works of the representatives of Parisian Scientific School. The study identified the main approaches to the definition of "cultural security" and his research.

Keywords: security, cultural security, immigration, identity, Paris School of safety.

References

1. Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. - Minneapolis, 1996. 229 p.
2. Appadurai Arjun. Condition de L'homme Global. – Paris: Payot, 2013. 421 p.
3. Badie B. «Le jeu triangulaire», in Birnbau P.(dir.), Sociologie des nationalisms. – Paris: Presses universitaires de France, 1997.
4. Badie B., Smouts M. – C. Le Retournement du monde. Sociologie de la scene internationale. – Paris: RFNSP et Dalloz, 1995.
5. Bigo D. "Les Conflits Post Bipolaires: Dynamiques et Caractéristiques." Cultures&Conflits. 1992. №8. P.3-14.
6. Bigo D. "Les Jeux du Politique et de la Transnationalité." Cultures & Conflits. 1992. №5. P.20-21.
7. Bigo D. "Sécurité(s): Intérieure et Extérieure: le Ruban de Möbius (version française et anglaise présentée à la 38th ISA conference). // Cultures & Conflits. 1997. №5. P.23-27.
8. Bigo D. "Security and Immigration: Towards a Governmentality of Unease." Alternatives // Culture&Conflits. 2002. №27. P.63-92.
9. Bouteillet-Paquet D. Passing the Buck: A Critical Analysis of the Readmission Policy Implemented by the European Union and its Member States // European Journal of Migration and Law. 2003. Vol. 5, issue 3. P.359-377.
10. Bouvie L. L'Insécurité culturelle. Sortir du Malaise Identitaire Français. – Fayard, 2015.
11. Guillaume Xavier, and Jef Huysmans. Citizenship and Security: the Constitution of Political Being, PRIO new security studies.
12. Huysmans J. The European Union and the Securitization of Migration // Journal of Common Market Studies. 2000. Vol. 38, №5. P.751-777.
13. Bourdieu P. The Forms of Capital // Economic sociology. 2002. Vol. 3. № 5.
14. Romanova A.P., Marmilova V.O. Cultural Safety as the Most Important Factor of National // Individual. Community. Management: Scientific and information journal. – 2008. – № 2.
15. Romanova A.P. Cultural Safety and Fear of the Stranger // The Caspian Sea region: politics, economy, culture. – 2013. – № 2 (35). – p. 228-237.
16. Modern International Relations. Text book / edited by A.V. Torkunova – M.: Russian political encyclopedia (ROSSPEN publishing house), 1999. – 584 p.

УДК 316.3; 304.2

ВИДЕНИЕ СОЦИО-КУЛЬТУРНЫХ ИННОВАЦИЙ И РИСКОВ В МНОГОСЛОЙНОЙ МОДЕЛИ КУЛЬТУРЫ¹

Липкин А.И.

Предлагается многослойная модель культуры, в которой выделяются слои народной, национальной, цивилизационной, массовой, глобальной культуры, которые взаимодействуют друг с другом и с социо-политическими слоями. В каждом культурном слое можно выделять соответствующего типа «культурные ядра» и объединяющиеся вокруг них сообщества. В цивилизационном культурном ядре сосредоточены базовые смыслы и идеалы (которые могут вырождаться в коллективные идеологии), в национальной – национальная история и типы личностей и отношений, народном – коллективный миф, фольклор и особенности быта. К массовой культуре мы относим, в первую очередь, явления типа различных шоу. Сюда еще следует добавить глобальную культуру, где происходит взаимодействие между различными цивилизациями. Кроме того, вводятся два типа политико-экономических систем, отвечающих двум принципам: «договорному», предполагающему права у обеих сторон, и «приказному», где права есть только у одной стороны.

Еще одна важная группа понятий связана с различием типов общностей: индивидуально-прагматического, индивидуально-идеалистического и коммунитаристского.

На основании этой системы понятий рассматриваются риски: мультикультурности в процессе глобализации; национализма при формировании нации; демократизации в «приказных» политико-экономических системах.

Ключевые слова: нации, цивилизации, мультикультурность, мультикультурализм, демократизация

1. Слои культуры

Есть множество определений культуры. Мы будем исходить из следующей модели.

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ проект 14-03-00687 («Динамика взаимоотношений науки, техники и общества в США и России на протяжении XX века»).

Культура – это то, что противопоставляется биологическому как искусственное – естественному, и при этом имеет надындивидуальный характер. В ней, во-первых, как правило, можно различить материальную и нематериальную сферы. В интересующей нас последней можно выделить слои экономической, политической и «духовной» (в расширительном смысле) культуры. Последний слой мы расслаиваем на «подслои» народной, национальной, цивилизационной, массовой, глобальной. В каждом слое можно выделять соответствующего типа «культурные ядра» и объединяющиеся вокруг них сообщества.

В цивилизационном культурном ядре сосредоточены базовые смыслы и идеалы (которые могут вырождаться в коллективные идеологии), в национальном – национальная история и литература, где заданы типы личностей и отношений, в народном – коллективный миф, фольклор и особенности быта (типа кухни, одежды и т.) [9; 10]. К массовой культуре мы относим, в первую очередь, явления типа различных шоу. Сюда еще следует добавить глобальную культуру², где происходит взаимодействие между различными цивилизациями.

Составляющие содержание этих слоев и подслоев феномены (структуры, процессы, механизмы и т.п.) в определенное время формируются, после чего функционируют и изменяются в ответ на исторические изменения и вызовы, переживают периоды взлета, стагнации, упадка.

2. Процесс индивидуализации общества и «мировые религии»

В предлагаемом подходе слои взаимодействуют друг с другом путем возникновения обратных связей взаимоподдержки (типа запроса на...) или, наоборот, взаимопогашения, но не путем линейного следования (детерминации), подобно отношению «базис – надстройка». Т.е., один слой для другого выступает как благоприятная (или неблагоприятная) почва или среда.

Приведу пример такого взаимодействия из древней истории [2; 7]. В исходном состоянии в «духовной» культуре древних цивилизаций Средиземноморья (Шумер, Египет, гомеровская Греция) были представления: (1) о коллективном назначении людей обеспечивать своими жертвоприношениями и службами-праздниками богов, (которые, в отличие от людей, обладали такими атрибутивными качествами, как бессмертие и праздный образ жизни, квинтэссенцией которого служил пир); (2) об эпических героях, которые, представляя данное общество в целом, наделялись таким качеством, как свершение подвигов, способностью достигать недостижимое.

Эти два коллективных представления существовали параллельно в обществе, жившем на основе традиции и не испытывавшем потребности в индивидуальном смысле (предназначении) жизни. Однако, в результате возникновения в социополитическом слое социальных катаклизмов, возникает кризис традиционного общества и запрос на индивидуальный смысл жизни. Этот запрос удовлетворяется в результате достаточно сложного процесса в слое «духовной» культуры на базе столкновения двух указанных коллективных образований – богов и эпического

² Или культуры, поскольку возможно, что на основе разных цивилизаций создаются разные глобальные культуры.

героя, одно из которых индивидуализируется, становится образцом индивида. Эпический герой, согласно Е.М. Мелетинскому, превращается в лирического героя. Это демонстрирует «XI песнь о Гильшамеше» (Шумер), где герой пытается завоевать бессмертие, но в ответ боги ему объясняют, что из двух их атрибутов человеку доступен только пир, бессмертие же недоступно. Поэтому первым индивидуальным смыслом жизни становится гедонистический смысл жизни. Т.е., взаимодействие здесь выглядит так: появляется потребность-запрос из социально-политического слоя, который, возможно, стимулирует интенсификацию поиска в слое духовной культуры, но, главное, поддерживает (и этим выделяет) определенные новообразования в этом слое.

Однако данное новообразование не способствует социо-политической стабильности общества, ибо усиливает его разобщенность. Поэтому на этом процесс не заканчивается. Устойчивость возникает либо на пути возвращения к традиционному состоянию, либо на пути к скачку в «осевое время» путем создания своего варианта «мировой религии» (в широком ясперсовском смысле, включая идеалистические философии типа Платона).

В слое духовной культуры кризисность гедонистического идеала фиксируется, во-первых, в новом уровне переживания смерти – «во веки веков», ибо гедонизм чрезвычайно драматизирует старость и смерть. Во-вторых, в его антиобщественности, это выражается в «плаче» о потере добродетели и справедливости (у этих понятий своя сложная история индивидуализации [2]). Ответ на это противоречие дают мировые религии в форме идеи «посмертного воздаяния» («широкий путь») или идеи прекрасности (высшего наслаждения) добродетели и справедливости самих по себе («узкий путь», указанный философией Платона и мистиками). На этой базе возможно стабильное индивидуализированное общество, где индивиды ориентируются на идеалы, направленные «от индивида», – отсюда идеалы любви, творчества, долга, альтруизм.

Указанные примеры демонстрируют процесс «этической индивидуализации – переход от доэтического (у гомеровских богов нет этических принципов) и доиндивидуализированного коллективистского состояния в индивидуализированное, в котором выделяются две формы (и фазы): «индивидуально-эгоистическая» (гедонистическая, в первую очередь) и «индивидуально-идеалистическая»³.

3. Риски глобализации. «Диалог» или «столкновение» цивилизаций?

Поскольку ядро «локальных цивилизаций» и субцивилизаций, согласно введенным выше понятиям, определяют высшие смыслы, включая смысл жизни, то здесь могут возникать очень серьезные проблемы, ибо о смысле жизни договориться сложно, если вообще возможно. Чужой смысл можно понять, но понять – не значит принять, что предполагает смену (или расширение) собственного смысла жизни. Эту ситуацию ярко демонстрирует Реформация и порожденные ею

³ Близким к последнему оказывается «коммунитаризм» конца XX века [1].

религиозные войны в Европе в 16-17 вв. Выход из этой ситуации (после пролития рек крови) Европа нашла в установлении светского национального государства. В нем вопрос о смысле жизни, связанный с религией, вынесен в приватную сферу – в этом суть принципа «свободы совести», а публичная сфера регулируется светским правом и светским национальным единством, где место религии занимает «национальная история» и национальная литература. И та, и другая, как и мировая религия, адресованы индивиду.

Исходя из изложенного, довольно понятно, что такое «столкновение» цивилизаций, но не столь понятно, что такое «диалог» цивилизаций. Последнее понятие требует ряда уточнений. Во-первых, принципиально разным является ситуация, в которой одна из сторон является коллективистской в указанном выше смысле. Подозреваю, что диалог возможен только между индивидами, во всяком случае, сама возможность диалога и его смысл, в котором одна из сторон является коллективистской, требует особого критического обсуждения. Во-вторых, диалог приводит к пониманию, возможно, терпимости, но не к принятию. Следовательно, в случае возникновения мультикультурности цивилизационного уровня у «столкновения» возможно решение европейского типа на основе светского права и принципов светского индивидуализированного общества и светского единства, как в случае национального государства. Но в этом плане нереформированный, средневековый по своей сути ислам является серьезным препятствием (которое усиливается шариатом, где отсутствует принцип «богу – богово, кесарю – кесарево»).

Вызванная процессами глобализации (тип «инновации») уже вторая волна иммигрантов из исламского мира в Европу представляет для нее серьезный «вызов» («риск»). Эта проблема недавно фиксировалась как проблема мультикультурализма. Однако, во-первых, здесь надо отличать мультикультурность как явление от мультикультурализма как определенной политики. Во-вторых, надо отличать внутриападную мультикультурность 1960-80-х гг. от полицивилизационной мультикультурности после 1990-х [4; 6]. Политика мультикультурализма была разработана для первой и оказалась абсолютно неэффективной для второй, что отразилось в утверждении «мультикультурализм провалился» у ряда европейских руководителей. Современная вторая волна эмиграции ставит эту проблему особенно остро, Европе ее придется решать. Особое взаимодействие Германии и Турции⁴ создает своеобразный котел, где, возможно, появится ответ на этот вызов. Аналогичная проблема существует и для России, где близким аналогом Турции является Поволжье, особенно Татарстан. Как создать здесь условия, которые бы способствовали сосуществованию и взаимообогащению, а не конфликту?

4. Риски национализма. «Диалог» или «столкновение» наций?

⁴ С одной стороны, в Германии много иммигрантов из Турции, которая рвется в Евросоюз, а в связи с проблемой беженцев может себе это выторговать, с другой – в Турции после реформ Ататюрка относительно мягкий (неэкстремистский) ислам и сильны светские традиции.

Нации задаются, как было сказано, в другом слое, и, во-первых, надо уточнить это понятие, отделив его от понятий цивилизации, этноса [5; 9; 10] и других.

Исходя из того, как мы задали понятие нации в [5; 9], нации – это одна из светских форм народа, возникающая в Европе довольно поздно. При этом для первых наций – англичан и шедших по их стопам французов – явно просматривается ряд фаз или ступеней. 1) Объединение вокруг короля (подданство). 2) Объединение вокруг особой формы религии (вариации, имеющей отличимые особенности), которая связывается с королем (право назначения епископов, в первую очередь). На этой стадии формируется надсословная общность – народ, особым представителем которой становится король. 3) Превращение народа в нацию, объединенную светскими историей и высокой (связанной с образованием) культурой. Как правило, существенным фактором для этого перехода являются религиозные войны. Более поздние нации («второго эшелона») формируются в XIX-XX вв. вокруг создаваемой к этому времени национальной истории и культуры (как в Германии и Венгрии). В России имели место оба процесса [8]. Процесс формирования наций проходит в двух слоях – формирования культуры и истории и формирования государства. Поэтому можно ввести понятия культурной и политической нации, которые в нормальном состоянии совпадают.

Важную роль в формировании наций играли межгосударственные войны, которые ведутся в Европе чуть ли не с XIV в. (Столетняя война). При этом в Новое и Новейшее время с атрибутами наций (историей и высокой культурой), как до этого с мировыми религиями в религиозных войнах, происходит вырождение – они превращаются в коллективистские символы, в идеологии, которые разделяют на своих и чужих. Апофеозом этой линии стали мировые войны XX в. В случае наций «второго эшелона» часто наблюдается фаза деиндивидуализации национальной истории и литературы (национального «культурного ядра»), сводящая их к идеологии, делящей на «наших» и «ненаших». Это состояние заслуживает названия национализма. Фашизму отвечает похожий процесс, в котором в качестве коллективного мифа выступает не высокая культура, а более примитивная коллективная мифология, основывающаяся на расовом или этническом мифе (думаю, что этим отличается национализм по М.С. Грушевскому от национализма по С.А. Бандере в Украине).

Ужас мировых войн XX в. и сплочение Европы в холодной войне практически исключают «горячие» межнациональные войны среди европейских наций сегодня. Более того, ЕС обозначает процесс их объединения по цивилизационному основанию. В рамках ряда концепций глобализации утверждается о конце национальных государств, однако последнее утверждение на основе современных событий выглядит несколько преждевременным. Границы даже европейских государств сегодня существуют в сферах социальной защиты, экономического развития, демократических институтов, и эти границы становятся весьма ощутимыми во время кризисов.

С другой стороны, 1990-е годы показали, что процесс формирования наций «второго эшелона» не закончен и что он может быть кровав (Югославия и др.). При этом он сегодня происходит в глобальном контексте: т.е., с одной стороны, открыт

влиянию третьих географически удаленных сторон, а, с другой стороны, протекает в рамках правовой коллизии между правом нации на самоопределение и нерушимостью границ, существующей в международном праве со Второй мировой войны.

5. Риски демократизации

Теперь еще об одном типе современных инноваций – о попытке смены в неевропейских странах авторитарных режимов на демократические. Эти попытки, обоснованные убеждением, что второе лучше первого, к сожалению, приводят, как правило, к весьма плачевным результатам: развалу государств и разгулу насилия.

Причина этого, с нашей точки зрения, состоит в непонимании структуры многих незападных государств.

В [3; 7] проведено деление больших (по сравнению с городом-государством) государств в мировой истории на два типа в соответствии с двумя принципами политико-экономических систем: «договорном», предполагающим права обеих сторон (он культивируется в Европе со времен установления вассально-сеньориальных отношений) и «приказном», где права есть только у одной стороны («вертикаль власти»). Важной особенностью приказной системы, политическая сторона которой выражается различными формами авторитаризма, состоит в том, что она поддерживается снизу массами, которые делегируют «правителю» решение макровопросов (т.е. вопросов о жизни государства) и ответственность за их решение, а также разрешение возникающих конфликтов («барин нас рассудит»). Характерным свойством таких систем являются бунты (как попытки решить накопившиеся системные противоречия), результатом которых, в случае победы, является восстановление того же типа системы. Попытки превратить такую систему в демократическую путем свержения правителя, в силу того, что ее основа не сверху, а снизу, приводит либо к ее разрушению (хаосу), либо к восстановлению (как и в случае бунта). Возникающие, во многом в результате взаимодействия с Западом, демократические настроения, реально, как правило, имеют основание только в относительно тонком слое незападных стран, поэтому они оказываются не в состоянии удержать власть после того, как она к ним попадает в результате помощи извне. К сожалению, демократия – это очень нежное растение, которое выросло на Западе в очень специфических условиях. Пока только немногие из незападных стран смогли перейти от «приказной» к «договорной» системе.

Из этого, с одной стороны, следует, что культурную толерантность надо дополнить политической. Но, с другой стороны, опыт Японии и Южной Кореи показывает, что это возможно без изменения цивилизационной основы. Т.е., нет абсолютно жесткой связи между «модернизацией» и «вестернизацией», хотя определенное давление имеет место, ибо принципы современной глобальной экономики тесно связаны с западной культурой «общества потребления», представленной «шоу-культурой». Принципиальная возможность такого перехода особо важна ввиду того, что современная «инновационная» экономика, по-видимому, требует среды, отвечающей демократическому правовому обществу, т.е. «договорной» системе. Поэтому переход от «приказной» к «договорной» системе

является обязательным условием для стран, претендующих на вхождение в круг «развитых» стран с инновационной экономикой.

Список литературы

1. Кимлика У. Современная политическая философия. Введение / У. Кимлика. – М.: ГУ ВШЭ, 2007. – 589 с.
2. Липкин А.И. Духовный кризис и национальное возрождение (Попытка культурноисторического анализа). Философский очерк / А.И. Липкин. – Н.Новгород: Изд-во Волго-Вят. кадрового центра, 1993. – 55 с.
3. Липкин А.И. (2012 б) Россия между несовременными «приказными» институтами и современной демократической культурой / А.И. Липкин // Мир России. – 2012. – №4. – С. 40-62.
4. Липкин А.И. (2012 в) Социокультурные аспекты глобализации и проблема полицивилизационной мультикультурности / А.И. Липкин // Международный научно-практический журнал партнерство цивилизаций. – 2012. – №4. – С. 81-94.
5. Липкин А.И. (2012 г) К вопросу о понятиях "национальной общности" и национального "культурного ядра" / А.И. Липкин // Вестник российской нации. – 2012. – №4-5. – С.155-176.
6. Липкин А.И. Типы мультикультурности в современном мире / А.И. Липкин // Международный научно-практический журнал партнерство цивилизаций. – 2013. – №4. – С. 72-79.
7. Липкин А.И. «Духовное» и «политическое» «ядра» «локальной цивилизации» и их столкновение в истории России. / А.И. Липкин // Россия как цивилизация: материалы к размышлению. – М.: Лаборатория сравнительного анализа развития полстсоциалистических обществ, 2015. – С. 143-189.
8. Липкин А.И. Россия между нацией и субцивилизацией. Сравнение с Францией / А.И. Липкин // Вестник российской нации. – 2014. – №6. – С.133-153.
9. Липкин А.И. (2015а) К определению понятий этнос, народ, нация и национальное государство / А.И. Липкин // Нации и этничность в гуманитарных науках. – Спб.: Алетейя, 2015. – С. 36-43.
10. Липкин А.И. (2015б) Определение понятия этнос: методологический анализ / А.И. Липкин // Актуальные проблемы становления и развития этнофилософии. Матер. Междун. Научно-практич конф. Чебоксары, 4-5 дек. 2014 г. – Чебоксары, 2015. – С. 40-47.

Lipkin A. I. The Vision of Social and Cultural Innovation and Risks in a Multicultural Model // Scientific Notes of Crimea Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 1. – P. 21-28.

A multi-layer model of culture is proposed. There are distinguished layers of folk, national, civilizational, mass, global culture. They interact with each other and with socio-political sectors. In each layer of culture, you can select the appropriate type of "cultural core" and joining together the community around it. There are basic meanings and ideals (which can degenerate into collective ideology) in the civilizational cultural core, national history and literature (with definite types of personalities and relationships) in the national cultural core, collective myth, folklore and features of everyday life in the folk cultural core. We consider the phenomenon of different shows as the main feature of mass culture. You should add a global culture where there is interaction between different civilizations. In addition two types of politico-economic systems with two principles are introduces. The principles are: the "contractual" involving the rights of both parties and "command based " ("mandatory"), where the rights has only one side.

Another important group of concepts associated with the distinction of collectivist and three individualized types of communities and individuals: individually-pragmatic; individually-idealistic; communitarian. Based on this paradigm we examine risks of: multiculturalism in the globalization process; nationalism in nation-building; democratization in "command based" politico-economic systems.

Keywords: nation, civilization, multiculturality, multiculturalism, democratization

References

1. Kymlicka Will, Contemporary Political Philosophy. An Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2002.
2. Lipkin A. I. Spiritual Crisis and National Revival (Attempt of Cultural-History Analysis). Philosophical essay / A.I. Lipkin. – Nizhny Novgorod. Volgo-Vyatka, publishing of personnel centre, 1993. – 55 p.
3. Lipkin A. I. Russia Between Outdated "Command Based " Institutions and Up-to-Date Democratic Culture. // World of Russia, 2012. – №4. – P. 40-62
4. Lipkin A. I. Socio-Cultural Aspects of Globalization and the Issue of Polycivilizational Multiculturality // Partnership of Civilizations, 2012. – № 4 – p. 25 – 36.
5. Lipkin A.I. 'To a Question of Concepts of National Community and National Cultural Kernel' Vestnik of Russian Nation, 2012. – №4-5. – p. 155 – 176.
6. Lipkin A. I. Types of Multiculturality in Contemporary World // Partnership of Civilizations, 2013. – №4. – P. 34-39.
7. Lipkin A. I. "Spiritual " and "Political" Kernel" of "Local Civilization" and their Collision in the History of Russia. In: Russia as a Civilization: Readings for Reflections. Laboratory for Comparative Analysis of Post-Socialist Development. – Moscow, 2015. – P. 143-189.
8. Lipkin A. I. Russia Between Nation and Sub-Civilization. Comparison with France. // World of Russia, 2014. – №6. – P.133-153.
9. Lipkin A.I. On the Definition of Concepts of Ethnos, People, Nation and National State. In:Nations and Ethnicity in Humanities and Social Sciences. – St. Petersburg: ALTEHEIA, 2015. – P. 36-43.
10. Lipkin A.I. Definition of Concept of Ethnicity: a Methodological Analysis. In: Actual Problems of Formation and Development of Ethnofilosofy. Materials of the international scientifically-practical Conference. Cheboksary, 4-5 Dec. 2014. – Cheboksary, 2015. – p. 40-47.

УДК: 304.5

К ИСТОРИИ ТЕХНЕЛОГИЧЕСКОЙ ОСНАЩЁННОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА (ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ТЕХНИКИ И МОРАЛИ)

Шоркин А.Д.

В статье рассматривается проблема соотношения технического прогресса человечества с развитием социальных структур и гуманитарных установок. Подвергается критике распространённое предубеждение о стагнации или даже регрессе морали в ходе истории, что привело бы (здесь автор следует К. Лоренцу) к самоуничтожению человечества. Каждый из культурно-исторических этапов развития характерен особым комплексом (группой) лидирующих инноваций, который включает в себя и технические достижения, и социальные перемены, и гуманитарные новации. Эти перемены нельзя считать полностью согласованными и синхронными, но лидирующие инновации на любом из этапов составляют систему с сильными обратными связями. Для их совместного описания вводится неологизм технология с коннотациями античного τεχνη. Инновации разного рода с необходимостью дополняют друг друга, обеспечивая определённый рост уровня технологической оснащённости человечества и валового мирового продукта. Кратко описаны технологические инновации древнейшего этапа археологических культур. Начатая Ното habilis технология каменной индустрии сопряжена с вялым гуманитарным трендом ограничения антропофагии, ведущим к символике погребений у неандертальцев. Данная работа является первой из серии статей, которые будут содержать сжатые описания культурно-исторических этапов с их лидирующими технологическими инновациями на всей дистанции мировой истории – от распространения Ното sapiens и до наших дней.

Ключевые слова: культурно-исторический этап, технология, группа лидирующих инноваций.

Постановка проблемы

Количество людей на планете, уровень их благосостояния и продуктивность экономики находятся в прямой и сильной зависимости от уровня технологий, которыми люди располагают и которые используют. Существенные деструктивные коррективы, правда, вносят (кроме стихийных бедствий) войны и многие прочие

разнообразные акты насилия и принуждения, когда люди убивают и обижают друг друга. Оба этих утверждения по отдельности сколь бесспорны, столь и банальны.

Причина, по которой они непринуждённо дополняют друг друга, так легко принимаются нами совместно, состоит в признании всеми очевидности факта технологического прогресса и, напротив, почти в столь же единодушном и решительном отрицании какого-либо прогресса в области морали.

Пассажами о «порчи» и «падении» нравов насыщена вся мировая письменная традиция. «Золотой век» человечества, согласно корпусу мифов, остался в прошлом. Следуя этой древнейшей мифологеме, Дж. Вико в XVIII столетии говорит о «веке героев», который, увы, остался в минувших днях, а Ж.-Ж. Руссо – об утраченном в глубинах времени «наивном, но добром дикаре». Согласно М.А. Энгельгардту, «некультурный ягнёнок древнекаменной эпохи» к концу XIX века превратился в «благовоспитанного тигра современной Европы», а «первобытная солидарность, человечность и альтруизм» теперь вытеснены такими «худшими свойствами человеческой природы», как «жестокость и коварство, хищность и лицемерие» [1; с. 1, 4]. Автор уверен, что технический прогресс обернулся эволюцией жестокости, изуверства и безнравственности, достигшей к Новому времени своей кульминации. Согласно современному философу Гансу Йонасу, нынешние Hi-tech взойшли на целине, отнюдь ещё не вспаханной этикой, а нравственный прогресс человечества в лучшем случае остаётся предметом «смутной веры» [2; с. 37, 243].

Отдельные проницательные замечания античных авторов (Протагора, Аристотеля, Лукреция Кара) о постепенном в истории смягчении и облагораживании нравов почти не были услышаны и нашли первый должный и конструктивный отклик только в современных исследованиях Конрада Лоренца [3; с. 87-308].

Суть его концепции, обоснованной тщательными эмпирическими наблюдениями, состоит в следующем. Крупных хищников от самоуничтожения оберегают встроенные в их геномы инстинкты. У гоминидов, столь же агрессивных, как хищники, но лишённых смертоносных, как у волка или тигра, клыков и когтей, инстинкты самосохранения вида не сложились. С изобретением орудий труда, с лихвой заменивших мощь естественных технологий клыков и когтей, люди не уничтожили друг друга только потому, что этому препятствовали формировавшиеся тогда же моральные нормы (среди них К. Лоренц выделяет ответственность). Социальные структуры и гуманитарные идеалы с тех древнейших времён и по настоящее время формируются таким способом, чтобы обеспечить сублимацию агрессии, её «разрядку», хотя это и удаётся только отчасти. Чем совершеннее орудия труда и убийства, тем тоньше и сложнее задачи моральной регуляции. В целом, механизм торможения, который препятствует самоуничтожению вида *Homo sapiens*, изначально и необходимо носит культурный характер.

Вслед за К. Лоренцом философ Карл-Отто Апель считает прояснение отношений *Homo sapiens* и опережающего его *Homo faber* (то есть, разума, этических установок и практической деятельности, техники) «центральной проблемой» от времён становления человечества до наших дней [4; с. 240]. «Выход

Номо faber за рамки предшествующих органически обусловленных инстинктивных ограничений, его вторжение в природное окружение с помощью орудий труда и особенно его вторжение в мир животных и людей с помощью смертоносного оружия – всё это должно было привести уже во времена мифологического сознания к возникновению морального сомнения и необходимости покаяния, благодарения и примирения» [4; с. 232]. Уже палка, которой Каин убил Авеля, по мнению автора, символизирует первую «техническую и моральную революцию». А нашим дням К.О. Апель посвящает раздел своей книги под названием, не требующим комментария: «проблема моральной целевой стратегии как требуемое продолжение эволюции человечества».

Ни одно сколь-нибудь крупное техническое новшество, подсказывает нам уже здравый смысл, не может появиться и распространиться без социального заказа, без искренней и насущной потребности в нём многих людей, без наличия необходимых ресурсов – природных, энергетических, финансовых, кадровых, креативных, коммуникативных и любых других. Технические новации прочно увязаны с инновациями социального и гуманитарного планов, что подтверждается бесчисленными историческими фактами. Когда социальные инициативы запаздывают, технический прогресс резко тормозится. Когда мораль отстаёт от технической вооружённости, близится катастрофа.

Нелепым претензиям технократии противостоит тот бесспорный факт, что люди даже и при первобытных примитивных техниках уже обладали развитыми социальными структурами и гуманитарными представлениями: головоломными мифами и отточенными ритуалами, тонкими кровнородственными связями, распутать которые современным антропологам стоит немало труда, развитыми системами разделения труда и процедур обмена его продуктами. Социальным способом поддержки и развития неолитических технологий производящего хозяйства стал переход от потестарных обществ – к государствам. Аграрные цивилизации тысячи лет назад обрели спасительную форму древних империй, для лучшего управления которыми, в свою очередь, потребовалась и была создана письменность. Возникновению важнейшего для средневековья феномена рыцарства с его военной мощью и высокими гуманитарными смыслами способствовало, помимо традиционных технологий (доместикации животных, работы с железом и т.д.) изобретение такого, казалось бы, пустяка, как стремени. Самые передовые технологии автомобилестроения оказались бы невостребованными без наличия таких социальных инноваций, как правила дорожного движения, без кредитов для производителя и покупателя или без инвестиций в строительство дорог. Социальные заказы во все времена не только регулировали темпы внедрения новшеств, но также инициировали самые крупные технические достижения. Ущербность технократических претензий особенно заметна ещё и потому, что без своевременного продуцирования гуманитарных и социальных способов сдерживания внутривидовой агрессии людей наша история многократно, от самых давних времён, была бы прервана и завершена самым печальным образом.

Главные смыслы обсуждаемой нами проблемы предвосхищены известным мифом Протагора о братьях Прометее и Эпиметее, который пересказывает Платон.

Эпиметей когда то по поручению богов наделил все роды смертных созданий, кроме людей, такими способностями, которые предохраняли их от взаимного истребления, но позволяли обеспечить пропитание и защиту от стужи и зноя. Эту ошибку попытался исправить Прометей, похитив для людей огонь и премудрое искусство Гефеста. Но чтобы люди вновь научились мирно жить сообща после этих даров Прометея, Гермесу понадобилось силой насадить среди них «стыд и правду».

В качестве итога обсуждения проблемы сформулируем тезисы, которые в настоящее время уже достаточно обоснованы и развитие которых представляется перспективным: технический прогресс создаёт перманентные ситуации вызова, а ответы на них состоят в эволюции гуманитарной и социальной сфер. В свою очередь, инновации в области техники отвечают социальным потребностям, а гуманитарные установки складываются не только вслед за техническим прогрессом, но иногда способны его заметно опережать. Инновации в столь разных сферах сложным образом синхронизированы и вовлечены в систему с сильными обратными связями.

Методология исследования

Но каким общим понятием можно было бы обозначить как техническую оснастку *Homo faber*, так и социальную и гуманитарную оснащённость *Homo sapiens*?

Понятие «технологии» долго применялось только по отношению к промышленным методам. Под «социальными технологиями» ныне понимаются способы создания организационных структур и алгоритмы решения насущных задач – то есть тоже нечто формальное, техническое. Даже когда слово «технология» применяется по отношению ко всей цивилизации, как это случилось, например, с понятием информационных технологий, им означаются функциональные аспекты развития цивилизации, которые лишь детерминированы культурой, но надёжно дислоцированы вне её гуманитарной составляющей.

Словом, доминирующим коннотатом «технологии», увы, остаётся «техника», ассоциируемая с чем-то формальным и механически повторяющимся, с удушающими культуру претензиями технократии. Техника столь часто и изобретательно подвергалась критическим атакам многих властителей дум (среди которых были, например, Н.А. Бердяев и М. Хайдеггер), что весьма типичными можно считать рассуждения Ганса Йонаса: нимб технологии как господствующего средства прогресса, водружённый ещё Ф. Бэконом, следует развенчать как «мнимое средство» [2; с. 464-465]. Понятно, что в таком контексте словосочетание «гуманитарные технологии» вызовет только негодование – как парадоксальное и неуместное.

Чтобы избежать подобных нежелательных, но распространённых коннотативных ассоциаций, введём неологизм *технелогии*. В античной традиции *τεχνη* – это и ремесло, и искусство (в том числе и искусство воспитания), и ловкость, и умение, и хитрость. *Τεχνη*, как необходимая часть творческой деятельности, «поэзиса», отчётливо противопоставлено *φύσις*, природе. Гармоничное тело космоса – продукт именно *τεχνη*. Даже природные вещи, согласно Платону, созданы вовсе не

«фюсисом» досократиков, а божественным «техне» (Софист, 265 С-Е). Τέχνη составляет необходимую часть παιδεία – получаемого человеком образования и воспитания, которое влияет на фюсис человека и даже после смерти уносится его душой (Федон, 107 d3). Из латинской кальки пайдеи «humanitas» впоследствии и выросло понятие культуры. Техне, отметим для полноты картины, не исчерпывает пайдею: «фюсису» совместно с «техне» противопоставлялись также «законы» и «установления», к тому же «техне» полагалось более низким уровнем знания в сравнении с «эпистеме».

И всё же именно понятием τέχνη схватывается суть греческой культуры. Она развивалась, как пишет Ж.-П. Вернан, «не столько в связи с техникой, посредством которой воздействуют на внешний мир, сколько благодаря технике, которая воздействует на других ... на воспитание, совершенствование и образование людей» [5; с.158]. Полагаю, Гиппий и Антифонт, которые первыми обратили внимание на коренное различие требований природы и установок культуры, из которого следует приоритетность «великого» (по выражению С.С. Аверинцева) события пайдеи, сочли бы вполне допустимым и уместным говорить об установках культуры как о технологиях.

Технологии, таким образом, составляют только часть технологий, которые включают в себя также технологии социальные и гуманитарные.

Объект исследования данной серии статей – технологии, которыми не только вещи создаются, но также строится социальность, возвращаются поколения людей. Предметом исследования является история культуры как история технологических инноваций.

Образование и воспитание являются единственными способами трансляции культуры: культура гибнет, если накопленный опыт применения её технологий не передаются новым поколениям. Некоторые культурологи (например, М.К. Петров) поэтому считают механизмы трансляции культуры её «ядром».

Новые технологии никогда не начинали работать со дня их открытия. Чтобы привыкнуть к новинкам, сменить настороженное или нередко негативное отношение к ним на позитивное, и чтобы затем распространить новации, нужно время. Сегодня процессы внедрения занимают годы, век назад – десятилетия, а ещё ранее – столетия и многие тысячелетия. Фактически технологическая оснащённость человечества характерна некоторыми временными периодами – этапами – становления, распространения и доминирования определённых групп инноваций (разумеется, в дополнении к известным, наследуемым из прошлого технологиям).

Делить непрерывность времени на отрезки – столь же неблагоприятное занятие, как резать воду ножницами. Но история инноваций придаёт социально-культурному времени дискретный характер. Для описания наблюдаемых в самых разных сферах культуры резких сдвигов, перерывов непрерывности широко используется понятие «революция»: учёные говорят о мезолитической революции, неолитической, научной, социальной, промышленной и т.д. Лауреат Нобелевской премии С. Кузнец пишет об «эпохальных инновациях», И. Шумпетер использует понятие сменяющих друг друга «технологических укладов». Иные исследователи выделяют платформы технологий, их уровни, культурные эпохи, исторические этапы и периоды.

Цель серии статей, которую открывает данная работа – выделить и представить этапы развития технологической оснащённости человечества. Задача – дать краткое описание групп инноваций, лидирующих на каждом из этапов.

По отношению к мировой, глобальной истории инноваций трудно устранить риски что-то важное по недосмотру упустить, или недооценить – в силу предубеждений, присущих неизбежно занимаемой автором позиции. Взгляд европейца на этапы инноваций и ракурс, например, китайского исследователя, скорее всего, дадут картины, в которых наряду с совпадениями обнаружится немало расхождений. И последовательность этапов, и их датировка будут у каждой стороны своей правдой, и, возможно, они надолго останутся предметом дискуссий. Но главное, дабы дойти до истины, чтобы такие дискуссии начались.

Свою версию этапов я выстроил с учётом той ведущей роли, которая сыграла наука (science) в приросте инноваций с Нового времени. Только теперь, через четыре столетия заканчивается период беспрецедентного в истории евроатлантического доминирования. Так как наука – детище Европы, мне представлялось важным отследить инновации, создавшие на более ранних этапах предпосылки и условия становления science. Вполне допускаю, что такое видение этапов может быть уточнено и дополнено.

Конечно, временные границы этапов могут быть даны только приблизительно, в качестве примерных ориентиров: во многих случаях дата создания новации и вовсе неизвестна, а процессы её внедрения в разных культурах и регионах планеты отнюдь не синхронны. Можно лишь осторожно утверждать, что та или иная инновация примерно в этот период получила достаточно широкий ареал применения и стала там приносить заметные плоды.

Интегральным индикатором (причём в данном случае вполне операциональным, количественным!) уровня технологической оснащённости является величина мирового валового продукта. Он создаётся применением технологий и расходуется в соответствии с ними, ими определяется его рост, стагнация или падение. Динамика валового мирового продукта коррелирует с успешностью применения наследуемых технологий и с теми инновациями, которые удалось привнести. Полагаю эту тему перспективной для дальнейших исследований.

История технологической оснащённости человечества укоренена ещё в пресоциальных формах жизни высших животных, прежде всего, стайных хищников. Но ограничимся здесь (прежде чем перейти к собственно истории) предысторией технологий, которыми располагали гоминиды до возникновения и распространения Homo sapiens.

Этап археологических культур (2,6 млн. – 50 тыс. лет до н.э.)

Технологии этого базового этапа были созданы гоминидами, предшествующими появлению и доминированию Homo sapiens. Представители научного сообщества единодушно и обосновано связывают этот этап становления технологий со временем появления Homo habilis, которые создали и стали

применять галечные орудия и аббевильские ручные рубила. Именно в плейстоцене потомки австралопитеков создают первые так называемые «археологические культуры» нижнего палеолита. Каменные инструменты Олдовая (современная Танзания) задают образцы на многие сотни тысяч лет: они массивны, имеют грушевидную или миндалевидную форму, и получены в результате двусторонней обивки заготовок. Позже, в ашеле, для их более тщательной обработки стали применяться специальные инструменты, сделанные из кости, из рога или дерева.

Затем стали обращать больше внимания на технику отколов и получающиеся отщепы. Технологии каменной индустрии Леваллуа основаны на предварительной обработке нуклеуса, – с тем, чтобы загодя придать планируемому отщепу определённую форму и размер. Развитые технологии отщепов преобладают в среднем палеолите с распространением неандертальцев. Со временем научились даже откалывать мелкие чешуйки кремня (техники «отжимной ретуши»), для чего использовались специальные «отжимники». В последние 20 тысяч лет в археологических культурах распространилась практика изготовления и эффективного применения кремниевых остроконечников.

Заметной и эффективной инновацией базового периода археологических культур во времена неандертальцев были также технологии «вкладышевых орудий», – когда рубило, кремниевый или костяной наконечник стали прикреплять к дубинам или палкам. Эта древняя «вкладышевая» технология впоследствии привела к топору, копыю, стреле, серпу и всем современным инструментам и машинам, сочленённым из разных материалов.

На данном этапе гоминиды научились пользоваться огнём, – по меньшей мере, 400 тысяч лет назад (а некоторые исследователи отодвигают это время и до полутора миллионов лет). Постепенно менялись, приближаясь к параметрам будущих *Homo sapiens*, антропометрические показатели. Мозг *Homo habilis* уже два миллиона лет назад имел довольно развитые зоны Брока и Вернике, которые обеспечивают возможность человеческой речи. На ранних стадиях этого этапа биологические приобретения резонно оставить в одной номенклатуре с технологическими открытиями: реальное развитие происходит под их совместным воздействием.

С изобретением искусственного оружия открылись новые возможности для убийства – не только животных, но и себе подобных. На стоянках синантропа возле самых первых следов использования огня найдены раздробленные и поджаренные человеческие кости. Былое равновесие, пишет К. Лоренц, между сравнительно слабым торможением агрессии и столь же слабыми возможностями убийства было резко нарушено. «Поневоле содрогнёшься при мысли о существе, столь же возбудимом, как шимпанзе, размахивающим при внезапных вспышках ярости каменным рубилом» [3; с.279-281]. Возможно, исчезновение многих видов гоминидов, предшествующих *Homo sapiens*, было вызвано не только скудностью доступных ресурсов или инцестуальной замкнутостью первобытных кровнородственных групп, но главным фактором их гибели оказалась возросшая эффективность орудий самоуничтожения.

Биологически *Homo sapiens*, как и почти все гоминиды, относится к группе аделътофагов: видов, кормовой базой которых является часть собственной популяции. Каннибализм здесь – не извращение, не болезнь, а необходимое и естественное условие выживания вида. Геном человека оказался единственным подходящим подвоем, на котором смогла получить прививку и расцвести культура. Но, по крайней мере, две его составляющие – отсутствие инстинктов торможения агрессии и склонность к антропофагии (поеданию себе подобных) нуждались в существенной и первоочередной культурной коррекции.

Именно она в глубокой древности и была начата технологическими средствами. О деталях социальных и гуманитарных новаций базового этапа известно немного. Но вполне отчётлив их главный тренд: от обычной у австралопитековых и прочих ранних гоминидов антропофагии неандертальцы, что подтверждается археологическими находками, перешли к процедурам и символикам погребений. Конрад Лоренц удачно сравнивает неожиданную и грозную опасность первых ручных рубил с их разрушительной мощностью, окажись они ныне в руках маленьких детей без присмотра взрослых [3; 285-286]. Незамедлительно требовались нормы, уберегающие первобытные общины от инфантильных деструкций немотивированных убийств и увечий: нужно было самим стать «взрослыми», чтобы конструктивно и социально приемлемо использовать возрастающую технологическую мощь. Но как быстро они возникли?

Между неандертальцами и *Homo habilis* – более двух миллионов лет и, возможно, десятки исчезнувших видов гоминидов. Понгиды в этом смысле куда как более успешны: многие их виды существуют и сегодня. Полагаю, путь к торможению агрессии и ограничению антропофагии оказался очень трудным, а соблазн безответственного и эмоционального применения искусственных орудий убийства – почти неодолимым. Возможно, первые сравнительно эффективные гуманитарные ограничители возникли лишь у неандертальцев, к концу этого периода.

Никто точно теперь не скажет, какими именно они были, эти первые гуманитарные технологии сдерживания. Бесспорно только, что они медленно, со многими сбоями и регрессиями, но с закономерной необходимостью формировались, и что без них антропогенез прервался бы кошмаром полного самоуничтожения гоминидов задолго до появления *Homo sapiens*.

Список литературы

1. Энгельгардт М.А. Прогрессъ какъ эволюція жестокости. / М.А. Энгельгардт. – С.-Петербургъ: изданіе Ф. Павленкова, 1899. – 209 с.
2. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. / Перевод с нем., предисловие и примечания И.И. Маханькова. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 480 с.
3. Лоренц К. Так называемое зло. / Под ред. А.В. Гладкого. – М.: Культурная революция, 2008. – 616 с.
4. Апелъ К.-О. Ситуація людини як етична проблема. / Єрмоленко А.Н. Комунікативна практична філософія. – К.: Лібра, 1999. – С. 231-254.
5. Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. / Пер. с фр. Общ. ред. Ф.Х. Кессиди, А.П. Юшкевича. – М.: Прогресс, 1988. – 224 с.

Shorkin A.D. To the History of the Humanity Technology Availability (the Problem of Technique and Morality Correlation) // Scientific Notes of Crimea Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 1. – P. 29-37

The article discusses the problem of correlation between the technical progress of mankind on the background of the development of social structures and humanist purposes. A prejudice about stagnation or even regression of morality in the course of history, which would (here the author follows K. Lorenz) lead to the self-destruction of mankind is criticized. Each of the cultural and historical development stages is characterized by specific complex (group) of leading innovations, which includes the technical development, social changes and humanist innovations. These changes are not entirely consistent and synchronized but leading innovations at make up the system with a strong feedback at any stage. The neologism *technologiya* with ancient connotations *τεχνη* is entered for their joint description. Innovations of various kinds complement each other with the necessity providing a certain level of growth for technology equipment of humanity, and gross world product. The technology innovations of earliest stages of archaeological cultures are briefly described. The stone technology industry launched by *Homo habilis* is associated with a sluggish humanitarian trend of anthropophagy restrictions that is leading to the Neanderthals burial symbolism.

This work is the first one in a series of articles that will contain a short description of the cultural and historic steps leading to their technology innovations on the whole world history race, from the spread of *Homo sapiens* to the present day.

Key words: culturally-historical stage, technology, a group of leading innovations.

References

1. Engelhardt A.N. Progress as the Evolution of Cruelty / A. N. Engelhardt. – S-Peterburg: Edit. F. Pavlenkova, 1899. – 209 p.
2. Jonas H. Das Prinzip Verantwortung. Versuch einer Ethik für technologische Zivilisation. / H. Jonas. – Translation from Ger. Preface and Notes I. Melnikova. – M.: Iris-Press, 2004. – 480 p.
3. Lorenz Konrad. Das Sogenannte Bose. / K. Lorenz. – Ed. A.V. Smooth. – M.: The Cultural Revolution, 2008. – 616 p.
4. Apel K.-O. Die Situation des Menschen als Ethisches Problem // Apel K.-O. Diskurs und Verantwortung. – Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1988. – S.42-68.
5. Vernant Jean-Pierre. Les Origins de la Pensée Grecque / Jean-Pierre Vernant. – M.: Progress, 1988. – 224 p.

УДК 128:004

MEDIA MAN: ВИРТУАЛЬНАЯ ИНТЕРМЕДИЯ ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ

Гринева М.В.

В статье исследуется трансформация отношений "Я" и "Другого" в условиях реализации "вечной жизни" в медиасфере. Выдвигается гипотеза о том, что утрата атрибута конечности существования, который фиксируется присутствием «Другого», лишает человека смысложизненных ориентиров, способности к саморефлексии и возможности интерсубъективного опыта. Дается обоснование необходимости смерти человека в конструировании собственной жизни.

Ключевые слова: "вечная жизнь", смерть, тело, медиа, "Я", "Другой".

Откуда смерть? Откуда бессмертие?
Кто его окутал одеждой?
Кто угодовал ему век?
Кто силу ему даровал?
«Атхарваведа» [1, с. 86]

Предметом исследования является медиасфера как новая среда обитания человека, в которой происходит формирование феномена «media man».

Цель исследования – определить релевантность реализации идеи вечной жизни смыслу существования человека.

Потребность в философском осмыслении инклюзивности человека в виртуальное пространство, обусловлена редукцией ценности жизни в реальном мире. Симулятивно-игровые характеристики медиасферы лишают человека способности идентифицировать границу между жизнью и смертью. Это провоцирует безответственное поведение, которое постоянно стимулируется экономически выгодными, модными стереотипами, не позволяющими преодолеть человеку инфантильную стадию развития.

Существование виртуальной реальности является предпосылкой генезиса феномена «media man». Процесс генезиса включает в себя две предельные координаты бытия человека: жизнь и смерть. Пространство виртуальной интермедии является качественно новой сферой обитания человека. В ней реализуются все человеческие фантазмы, в частности происходит конструирование

вечной жизни. Но какова ценность этого процесса, если человеческое существо, теряя атрибут конечности существования, превращается в изменчивый информационный поток без возможности самоидентификации?

Для понимания идеи вечной жизни необходимо выявить интерпретации телесности в историко-философском дискурсе, который существенно отличается от профанного. Идея вечной жизни обусловлена страхом перед несовершенством собственной плоти. Во времена Эллады человеческое тело являлось предметом поклонения, заботы и познания. Такое отношение обусловлено проекцией соразмерного, упорядоченного, красивого космоса на феномен человека. Термин античности «калокагатия» [10, с. 199], отражающий зависимость красоты от добродетели, акцентирует внимание на этическом модуле эстетики тела.

Понимание красоты в современном мире решительно не совпадает с античной взаимообусловленностью красоты и добродетели. Манифестация молодого тела в медийной сфере XX века осуществляется при условии маргинализации людей пожилого возраста. Культура «eternalkids» [17, с. 26], вечных детей, демонстрируя инфантильность и желание телесных удовольствий, пытается избежать смерти. Такое поведение становится причиной безответственного отношения к ценности собственной жизни.

Античный проект борьбы со смертью имел в своем основании духовные упражнения, позволявшие достигнуть независимого состояния от необходимости умирания и старения. Согласно Эпиктету, абсурдно привязываться к материальному миру: «когда обнимаешь своего ребенка, брата, друга, то говори себе, что ты обнимаешь нечто такое, что должно умереть, что дано тебе только на время. Виноград спеет только осенью, и смешно желать, чтобы он рос и созревал и зимою, и весною, и летом» [12, с. 216]. Правильным считалось заботиться о тех вещах, которые зависят от твоих собственных усилий, а то что предопределено природой или Богом, не должно быть предметом переживаний.

Достижение лучшей жизни, с точки зрения Марка Аврелия, обеспечивается при таких состояниях души: «если человек безразличен к вещам безразличным» [см.: 8, с. 63], когда легко «представлять себе насчет подливки или другой пищи такого рода, что это рыбий труп, а то — труп птицы или свиньи; а что фалернское, опять же, виноградная жижка, а тога, окаймленная пурпуром, — овечьи волосы, вымазанные в крови ракушки» [8, с. 30]. Это правило должно применять повсеместно, во всех случаях жизни, чтобы не оказаться под влиянием ложных мнений и стереотипов.

Философская аскеза, изложенная Сенекой, не сводима к христианскому тотальному отказу от плоти, имеющему цель обрести вечную жизнь. Она предполагала упражнение в размышление о смерти (*melete thanatou*), которое позволяло человеку понять ценность жизни перед лицом смерти, которая вот-вот случится: «смерть покажет, чего я достиг, ей я и поверю. Без робости готовлюсь я к тому дню, когда придется ... держать ответ перед самим собой: только ли слова мои были отважны или также и чувства ... Подоспеет конец — тогда и станет ясно, что ты успел» [14, с. 72-73]. Размышление о смерти задает матрицу поведения и высокую степень ответственности перед самим собой [18, с. 525]. Философская

мысль, и Марка Аврелия и Сенеки, направлена на обретение свободы от ложных представлений. Дистанция между смертью и жизнью оказывается одновременно важной дистанцией пути самоосуществления человека.

В Средние века человеческая плоть интерпретировалась двояким образом: с одной стороны, посредством идеи первородного греха, а с другой, идея воплощения Христа в теле ради спасения от грехов. Такое противопоставление моделировало два образа жизни: аскетичного отказа от тела и безудержного карнавала. О чем явно свидетельствует, например, полотно П. Брейгеля «Битва масленицы и поста» (1559). Эта ситуация позволяет ввести понятие «Другого». Потому что «Другой» имплицитно мое тело, которое можно использовать для наслаждения или усмирения. Подтверждением чему является телесность слёз, которая была истолкована как подражание плачущему Иисусу, воплотившемуся в человека. Дар слёз, таким образом, становится и даром «Другого», и средством сообщения между божественным и человеческим. Именно «Другой» в образе Бога табуирует кровь и сперму, смех и слезы, наготу и одежду [6, с. 30]. Тем самым реальная жизнь является только пропедевтикой вечного существования. Переживание смерти всегда обусловлено присутствием «Другого», будь то космос, трансцендентная сущность, другой человек или отношение к себе, как к «Другому». Посредством ритуала «Другой» не только получает необходимую компенсацию через эмфатическую практику, но и репрезентует степень самоосуществления человека. Не кроется ли тогда решение проблемы смерти в устранении «Другого»?

В реальном измерении концепт «Другого» получает коннотативные значения, обусловленные социокультурной сферой и опытом конкретного индивида. Интерсубъективный опыт задает предел бытия человека в реальном мире. Следовательно, «Я» и «Другой» взаимообусловлены на духовном уровне, где осуществляется возможность со-причастности, и на телесном уровне непосредственного контакта с помощью органов чувств. Философский дискурс «Другого» фиксирует модус существования человеческого «Я»: ведь «ради него» и благодаря «ему», человек оказывается способен совершить поступок. Таким образом, «Я» и «Другой» устанавливают свое местоположение в Универсуме.

Отношение между «Я» и «Другим» является предметом рефлексии, которую мы можем проследить в истории философии. Классическая философия имеет своей целью преодолеть отчужденность субъекта в социальном и физическом измерении через процедуру отождествления. Предполагается, что именно тождественность (устанавливаемая в отношениях человека и космоса, человека и Бога, человека с самим собой, его мышления и бытия, человека и «Другого») должна решить проблему смысла существования.

Экзистенциально-феноменологическая традиция XX века осуществляла идентификацию «Другого» через телесные коннотации. Феноменологическая редукция исключила сам факт очевидной данности «Другого». Это позволило обратиться к интенциональности сознания, способного к со-восприятию опыта «Другого» в жизненном мире. «Другой» – это, согласно М. Хайдеггеру, безличная характеристика социума: «не этот и не тот, не сам человек и не некоторые, и не сумма всех» [19, с.126]. Из этого следует упрощение организации социальных

отношений через заботу и ожидаемость поведенческих реакций, переживание смерти и своего бытия заодно со всеми людьми. Э. Гуссерль, развивая идею интенциональности, стремится постигнуть опыт «Другого» по аналогии с опытом собственного тела [4, с. 189]. М. Мерло-Понти устанавливает взаимосвязь «Я» и «Другого» через «универсальную плоть» [9, с. 199-204], данную в языковом дискурсе, который обеспечивает понимание. Во всей наготе собственного существования «Я» предстает под взглядом «Другого» у Сартра [12, с. 274]. В условиях бесконечной игры взглядов, неудовлетворенных желаний, и чувства стыда, «Другой» пересекает границы личного универсума.

Отношения «Я» и «Другого», таким образом, приобретают имплицитный характер. Это отражает древний символ уробороса: змея, кусающая собственный хвост, означает бесконечную цикличность жизни и смерти. Но человеческий «голод на бессмертие», как коммуникация между поколениями, согласно М. Унамуно [15, с. 70], включает еще и эгоистичное желание сохранения собственной плоти. Подтверждением данного тезиса являются и современные медийные технологические инновации.

Виртуальное пространство «интермедии» исключает все ограничения, связанные со смертностью тела, тем самым конструируя качественно новое явление «media man». Сетевое измерение имеет, по Ф. Уэбстеру, атрибут вневременности, деконструируя ритм естественной жизни [16, с. 144]. Лишь ценой собственного тела человек обрекает себя на вечное настоящее мгновенной коммуникации.

Интермедийное пространство элиминирует «Другого», создавая для субъекта зону комфорта и «великого здоровья», о котором упоминает Ж. Делёз [5, с. 397]. Это связано в первую очередь с особенностью новой среды обитания, которая лишена тела и его продолжения в реальном мире: одежды и жилища, на что указывает Г. Маклюэн [7, с. 136]. Предметом его исследования становятся стадии цивилизации. Принципиальная разница заключена в организации пространственной архитектуры. В бесписьменной культуре человек племени постоянно воспроизводит космос и свою включенность в его ритмы. Современный цивилизованный человек стремится к ограничению пространства, линейности, к функциональной распределенности и специализации чувств. В архитектуре это выражается в переходе от круглой формы к квадратной, от тактильного пространства к визуальному. Человек квадратов, конечно, «утрачивает склонность принимать свое тело как модель мира и видеть в своем доме — как и в любом другом средстве коммуникации — ритуальное расширение своего тела» [7, с. 140].

Внутреннее пространство традиционного семейного дома является предметом семиозиса. Оно коннотирует соматическую и социальную организацию: «главная функция мебели и прочих вещей — воплощать в себе отношения между людьми, заселять пространство, где они живут, то есть быть одушевленными» [2, с. 19]. Антропоморфное со-присутствие людей и вещей в доме закрепляет в памяти образ родного дома, остающегося смысловым ориентиром на протяжении жизни.

Перемены в социальных отношениях и факторы технического прогресса влияют на организацию жилой среды человека. Новые моральные ценности (сексуальная свобода, гендерная мобильность), либерализм и техническая

серийность (стимуляция потребления продуктов технического прогресса), подрывают стабильность традиционного уклада жизни, уступая место спонтанности, мобильности, десексуализации (утрата интимности и ценностного отношения к сексу через его брендирование). Вещи более не наделяются «душой», и не наделяют нас более своим символическим «присутствием» (трансформация материала от природного к синтетическому). Наше отношение к ним делается объективным и сводится к эффективности размещения и комбинаторной игре функций. В современной архитектуре комнаты выходят за рамки стен и обладают подвижной структурой. Зеркало перестает быть символическим объектом интимной завершенности дома и средством идентификации. Окно, утратив признак быть источником света, позволяет теперь ввести весь мир в рамки «домашнего мирка как зрелище» [2, с. 50]. Новая среда обитания лишается и такого важного предмета, как часы. Сам факт измерения времени действует успокоительно. Причина этого в том, что помещение уподобляется внутренности тела и дает возможность пережить длительность собственной жизни [2, с. 28]. Совершенствование медийных технологий способствуют созданию коллективного проекта жилища без стен и сознания без стен. Интермедийное пространство становится пропедевтикой бытия *media man*.

В безреферентном пространстве виртуального мира действует, согласно Ж. Бодрийяру, дигитальный тип отношений, по принципу «минимум реальности и максимум симуляции» [3, с. 268]. Эти отношения лишены телесных коннотаций и половой идентификации. Тем самым деконструируются многовековые ритуализированные и табуированные поведенческие акты человека. Симуляционные игры противопоставлены жизненному миру. Их основой является мода как перверсивный модус обладания вещью. Перверсивность в данном контексте, согласно Ж. Бодрийяру, заключается в дискретном и фетишизированном восприятии: «эта женщина — уже не женщина, а лоно, грудь, живот, бедра, голос или лицо, что-то одно в особенности» [2, с. 47]. В этих условиях виртуального мира возникает визуальная культура потребления, обеспеченная сохраненной физической энергией человека. Объектом потребления становится «Другой», но уже не нарушающий человеческое бытие требованием понимания, или со-причастности. Преодолев стадии игры и закона, ритуала и организации вселенной, *media man* осваивает бесконечные возможности комбинации моделей. Следовательно, *media man* сконцентрирован на коллекционировании визуальных медиа-моделей, не несущих угрозы его физически несовершенному телу.

Отсутствие перцептивное-эстетического опыта ведет к исчезновению игры соблазна. Новые визуальные ценности манифестируют вечную молодость тела, играя на съедобности, сексуальности, анонимности. Примером можно считать образы *macho*, «Лолиты», героев японского аниме. Ролевые сексуальные игры воплощают все фантазмы, но лишены радости и творческого потенциала тактильной наготы. Инкорпорация *media man* в сетевое пространство осуществляется с помощью игрового принципа преодоления реальности. Игра стала мягким наркотиком [3, с. 275] с сомнамбулической эйфорией от возможности манипулирования «Другим». Тотальная доступность обнаженности лишена магии,

тайны, очарования, аффекта — того много, что составляет практику соблазна. Интермедия способна производить фантазии по экономически выгодному сценарию, создавая потребителю зону комфорта, бесплодности и безопасности. Данный принцип действует и в социально-политическом сегменте виртуальной реальности, где порождены образы мигранта, школьника-террориста, вегетарианца, фитнес-иконы, геймера. Эти типовые модели задают матрицу дигитального поведения media man.

Концепт же «Другого» в сетевом пространстве обретает новое интенциональное значение симулякра, «пустышки». Media man лишается возможности быть идентифицированным симулятивным «Другим», что ведет не только к десексуализации существования, но и к духовной инволюции.

Утрачивая контакт с реальным «Другим», media man впадает в состояние инфантильной недифференцированности между инстинктами жизни и смерти. Согласно Э. Нойманну, на данной стадии действует архетип «уробороса». Данный символ, трактуется Нойманном в контексте развития человеческого сознания. В этом случае «уроборос» — это референция райской целостности: «все его потребности легко удовлетворяются великим кормильцем — таково это раннее, блаженное состояние» [11, с. 22-26]. Уроборческое состояние не способно выделить собственное «Я» в структуре реальности, оно поедает, убивает и оплодотворяет самого себя, — уроборос представляет собой универсальное, коллективное, пассивное и безответственное существование в материнском лоне. Выход из данной стадии закономерно предполагает осознание границ собственного тела и того, что такое «не-Я». Медийная сфера, однако, лишена не только временных и пространственных границ, но и «Другого», необходимого для признания человеком самого себя. Следовательно, стадия уробороса для media man непреодолима.

Вывод. Реализация идеи вечной жизни в виртуальном пространстве, таким образом, отягощена негативными признаками. Media man, включенный в интермедийные отношения, характеризуется, в первую очередь, отсутствием ценностного отношения к жизни, неспособностью к саморефлексии, безответственностью поведения, инфантильностью и асоциальностью. Как следствие, существование подчинено деструктивной игре симулякров. Во-вторых, происходит трансформация концепта «Другого», его редуцирование до коррелята фантазий и элемента экономического сценария. В результате, media man не может осуществить самоидентификацию и быть со-причастным в духовном измерении своего бытия «Другому». Исключение атрибута телесности ведет к эмоциональной деградации, ведь только в реальной жизни справедливо то, что: «мы никогда не плачем только о себе» [17, с. 46]. Интермедийная элиминация витальности и духовности, проектируя вечную жизнь, лишает человека возможности достойного самоосуществления и способности к рефлексии, что является возможным только в со-присутствии с «Другим» .

Список литературы

1. Атхарваведа (Шаунака). Перевод и комментарий Т.Я. Елизаренковой. – Т. 2. – М.: Вост. Лит., 2007. – 293 с.
2. Бодрийяр Ж. Система вещей. – М.: Рудомино, 2001. – 96 с.
3. Бодрийяр Ж. Соблазн. – М.: Ad Marginem, 2000. – 321 с.
4. Гуссерль Э. Картезианские медитации. – М.: Академический Проект, 2010. – 229 с.
5. Делёз Ж. Логика смысла. – М.: Академический Проект, 2011. – 472 с.
6. Ле Гофф Ж., Трюон Н. История тела в средние века. – М.: Текст, 2008. – 189 с.
7. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. – М.: Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с.
8. Марк Аврелий Антонин. Размышления. – СПб.: Наука, 1993. – 248 с.
9. Мерло-Понти М. Видимое и невидимое. – Мн.: Логвинов, 2006. – 400 с.
10. Новая философская энциклопедия. – Т. 2. – М.: Мысль, 2010. – 634 с.
11. Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания. – М.: Рефл-бук, 1998. – 462 с.
12. Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. – М.: Республика, 1995. – 463 с.
13. Сартр Ж.П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2000. – 639 с.
14. Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию; Трагедии. – М.: Худож. лит., 1986. – 543 с.
15. Унамуно М. О трагическом чувстве жизни. – К.: Символ, 1996. – 416 с.
16. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.
17. Уэльбек М. Возможность острова. – СПб.: Азбука, 2015. – 384 с.
18. Фуко М. Герменевтика субъекта. – СПб.: Наука, 2007. – 677 с.
19. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: AdMarginem, 1997. – 451 с.

Grineva M. Media man: Virtual Intermedia of an Eternal Life // Scientific Notes of Crimea Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 1. – P. 38-45.

The article investigates the transformation of the relationship of "I" and "Other" in the conditions of implementation of the "eternal life" in the media. Mediasphere gives an ability to run out from risks connected with the death of a body. This leads to the modern man design the idea of permanent life. A hypothesis is proposed that the absence of an attribute finiteness deprives a person of the meaning of life and intersubjective experience. This is the reason of the formation of a new phenomenon of «media man». Research identifies the relevance of idea eternal life to a sense of human being. It also explains the rationale of the required value of a person's death in the construction of his own life.

Keywords: eternal life, the death, the body, the media, "I", "Other".

References

1. The Atharva Veda (Saunaka). Translation and Commentary by T. Ya. Elizarenkova. – Vol. 2. – M.: Eastern. Lit., 2007. – 293 p.
2. Baudrillard J. System of Things. – M.: Rudomino, 2001. – 96 p.
3. Baudrillard J. The Temptation. – M.: Ad Marginem, 2000. – 321 p.
4. Husserl E. Cartesian Meditation. – M.: Academic Project, 2010. – 229 p.
5. Deleuze G. Logic of Sense. – M.: Academic Project, 2011. – 472 p.
6. Le Goff J., N. Tryuonio History of the Body in the Middle Ages. – M.: Text, 2008. – 189 p.
7. McLuhan G.M. Understanding Media: The Outer Expansion of Man. – M.: Zhukovsky: "Canon-press-C", "Kuchkovo field", 2003. – 464 p.
8. Marcus Aurelius Antoninus. Reflections. – SPb.: Nauka, 1993. – 248 p.
9. Merleau-Ponty M. Visible and Invisible. – Mn.: Logvinov, 2006. – 400 p.
10. The New Encyclopedia of Philosophy. – Vol. 2. – M.: Thought, 2010. – 634 p.

11. Neumann E. Origin and Development of Consciousness. – M.: Refl-book, 1998. – 462 p.
12. Roman Stoics: Seneca, Epictetus, Marcus Aurelius. – M.: Republic, 1995. – 463 p.
13. Sartre J.P. Being and Nothingness: the Experience of the Phenomenological Ontology. – M.: Republic, 2000. – 639 p.
14. Seneca L.A. Moral Letters to Lutsiliyu; Tragedies. – M.: artist. Lighted., 1986. – 543 p.
15. Unamuno M. The Tragic Sense of Life. – K.: Symbol, 1996. – 416 p.
16. Webster F. Theories of the Information Society. – M.: Aspect Press, 2004. – 400 p.
17. Welbeck M. Possibility of an Island. – SPb.: Azbuka, 2015. – 384 p.
18. Foucault M. Hermeneutics of the Subject. – SPb.: Science, 2007. – 677 p.
19. Heidegger M. Being and Time. – M.: Ad Marginem, 1997. – 451 c.

УДК 304.42 + 316.4.06

ДИССЕНСУС – ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Карелин В.М.

В статье рассматривается феномен диссенсуса и его роль в социальных коммуникациях. Показана конструктивная роль диссенсуса в процессе коммуникации. Репрезентация информации не как квазиматериального объекта, а как события в контексте двойной контингентности коммуникации безоценочно раскрывает значение диссенсуса в перформативном измерении.

Ключевые слова: двойная контингентность, диссенсус, консенсус, коммуникация, системная теория.

1. Иллюзия консенсуса

Консенсус зачастую оценивается как высочайшая ценность коммуникации, как то, ради чего реализуется коммуникация и благодаря чему она может существовать. Однако в рамках современных представлений о коммуникации консенсус представляет собой лишь потенциально закономерный итог коммуникации, но вовсе не обязательный или неизбежный. Обыденное же представление о коммуникации может быть убедительным в силу своей «значимости-почувственности», отчего нередко проникает в научные рассуждения. Действительно, такое положение дел связано с тем, что коммуникацию представляют как нечто аксиоматическое и требующее категориального «оправдания» только *post festum*, после своего применения или при наличии представления о ее месте в той или иной картине мира. Представляемая в таком аспекте коммуникация чаще всего подразумевает некое взаимодействие наподобие соревнования, итогом которого является условная «победа» – если один из коммуникантов рассчитывает на то, что именно его сообщение, в конечном счете, изменит диспозицию. Либо же итогом может становиться условный «успех» – когда коммуникант как бы состязается сам с собой, и итоги коммуникации указывают, смог ли он и в какой мере донести свое сообщение вопреки каким-либо обстоятельствам.

Такое видение ситуации происходит из имплицитного видения и понимания коммуникативных процессов как различных вариаций спора (или спорта), общая картина которого достаточно легко постигаема интуитивно. В действительности консенсус может быть лишь условно рассмотрен в качестве условной победы коммуникантов: побеждает каждый из них по-своему (в этом случае каждый достигает определенных целей в силу тех или иных обстоятельств) либо побеждает

ситуация (в этом случае каждый из участников коммуникации конформно подстраивается к ней).

Строго говоря, консенсус может иметь место за пределами коммуникации – как оценка самой возможности достижения результата, как согласованность смыслов; таким образом, он представляет собой внекоммуникативное явление, он возможен только после коммуникации. В современных социально-философских исследованиях часто отмечается (в частности, в работах Н. Лумана, Ж.Ф. Лиотара, Б. Ридингса), что фактором достижения консенсуса является диссенсусное содержание коммуникативного процесса. В противном случае происходит только обсуждение «без объекта обсуждения»: смыслы уже согласованы изначально, и результат обретет только те контуры, которые блекло, но однозначно были очерчены заранее. То, что заключается во временном промежутке от начала до финала такого коммуникативного процесса, может быть полностью исключено или иметь любое содержание; подобного рода взаимодействие может быть описано как неподлинная коммуникация в духе понятия болтовни (*das Gerede*) М. Хайдеггера, но не через производство некоторой онтологической неаутентичности, не связанной с бытием, а как то, что вообще не имеет обязательной связи с внешними по отношению к коммуникации смыслами. «Как форма социальной коммуникации, болтовня образует характерный стиль жизни» [6, с. 157], – замечает отечественный исследователь Ю.А. Разинов. Распространяя логику коммуникации за пределы социальной повседневности и даже за пределы лингвистических структур, мы можем легко прийти к таким иллюстрациям, как, соответственно, идеолого-бюрократический новояз во всем его разнообразии или бессмысленные социальные структуры и проекты, единственным коммуникативным содержанием которых является поддержание внутренней предельно бесконфликтной стабильности во взаимодействиях между элементами в классическом жанре:

За что же, не боясь греха,

Кукушка хвалит Петуха?

За то, что хвалит он Кукушку [3, с. 203].

Надо отметить высокую эффективность подобной коммуникативной позиции, но, конечно, не с позиций процесса коммуникации, которой в данном случае нет, а с точки зрения эффективности проекта и эффективности капсулирования им определенных идеологических (в широком смысле) ценностей, которые ему предназначено охранять.

Как же следует подходить к пониманию эффективности коммуникации? Интерпретируя коммуникацию общепринятым образом, следовало бы сказать, что коммуникация всегда предполагает потенциальную максимизацию эффективности, а, следовательно, эффективность коммуникации нужно представить как долю информации, донесенную без потерь от отправителя до получателя. Такой ракурс предписывает коммуникации быть инструментом наиболее полной реализации цели, а значит, коммуникативную активность следует представлять исключительно как целерациональную. Подобное описание непременно требует наличия так или иначе понимаемой цели. В обиходном представлении такой целью выступает определенное свойство объекта коммуникации – того, на кого направлена

коммуникации или отдельный ее акт. Возможно и иное понимание, которое предполагает направленность не на участника, а на ситуативно внекоммуникативный объект. Так, работая над своей концепцией социальных действий, Ю. Хабермас рассматривал один из их вариантов в формате так называемого коммуникативного действия, для которого характерна общая взаимосогласованная направленность коммуникантов на внеположенную цель [8]. Рецепт эффективности в этом случае усложняется, но становится более прагматически ориентированным, т. к. включает в качестве фундаментального фактора эффективности коммуникативный консенсус.

Необходимо сразу же заметить, что консенсус предполагает определенную меру изоморфизма между характеристиками наиболее значимых состояний коммуникантов. Такая ситуация отдалена от реальности, т. к. представляет собой весьма упрощенную модель. Однако от реальности она далека не столько в силу абстракции, сколько из-за того, что именно отсутствие консенсуса служит важным коммуникативным фактором.

2. Асимметрия коммуникации

Действительно, какой бы подход к репрезентации коммуникантов ни использовался, в реальности их свойства будут различаться. Коммуниканты не представляют собой одинаковые стороны некой «коммуникативной игры», как в этом могло бы убедить распространенное представление об иллюзорной схеме «источник – информация – получатель», в которой информация предстает некоторым субстанциальным потоком, наподобие потока частиц физических взаимодействий. По всей видимости, информация и является в такой интерпретации тем, что насильственно вносит симметрию в схематизацию коммуникативного процесса. Она – своего рода сетка на игровом поле между игроками, которая может хотя бы гипотетически предполагать превращение одного коммуниканта в другого, их полную инверсию при наличии равных условий для каждого.

Иное понимание предполагает, например, теория Н. Лумана, вносящая информационную составляющую процесса внутрь коммуниканта – того, кто получает информацию. Здесь слово «получение» употребляется только в силу традиции, и не несет смысла квазиматериальной передачи: информация есть то, что объективируется внутри того, кто получил сигнал извне, она есть то, что рождается в итоге персональной интерпретации – как системы различий. Кто же тогда второй коммуникант – точнее, первый, т.е. тот, кто служит источником информации? Он – всего лишь фактор среды для получающего. Это взгляд реципиент-центричный, а не информационно-центричный. Однако такая оценка будет не вполне подходящей для описания лумановской картины коммуникации, где субъекты основополагающей роли не играют, и коммуницировать может лишь коммуникация [5]. Вообще, консенсусное сопряжение между субъектами коммуникации не представляется возможным, т. к. они не являются стабильными и детерминированными сущностями: каждый из них несет неопределенность – контингентность, которая в коммуникации возрастает, обретая конфигурацию двойной контингентности [1]. Здесь контингентность – это то, что действует не

хаотическим образом, а конструктивная «не–необязательность», которая, в конце концов, приводит к парадоксу: «без "шума" нет системы» [4, с. 167].

3. Контингентное в коммуникации

Этот парадокс делает коммуникацию невозможной, однако Луман, формулируя его, приводит и его разрешение: «При этом условии возникновение порядка (сколько бы краток или конфликтен он ни был) является нормальным, если двойная контингентность может быть познана теми, кто определяет свое действие» [4, с. 167]. То есть, может быть создана двусторонняя контингенция для коммуникантов, и соответствующие неопределенности будут придавать особую ценность редким «исключительно вероятным» точкам сопряжения коммуникации и соответствующим процедурам выбора действий.

Говорить о непредсказуемом в коммуникации требует «научная честность» всякий раз, когда та или иная коммуникативная модель проецируется на контекст реальных обстоятельств. Ведь полное описание факторов коммуникации не представляется достаточным для предсказания и объяснения любого процесса взаимодействия. Граница коммуникантов есть точка индетерминистичности, где на сцену выходит контингентная логика. Контингентное рождается там, где есть граница, а, следовательно, действует фактор дифференциации. Контингентное – место соприкосновения, где возникновение случайности амплифицируется (не обязательно строго арифметически удваивается) в силу взаимодействия двух сторон, каждая из которых несет свою меру неопределенности [2, с. 341].

4. Коммуникация как происходящее

Речь о контингентном следует вести, опираясь на оригинальное представление о ней как о том, что вносит непредсказуемость в план событийности. Контингентность следует отделять от случайности как того, что не обязательно влияет на процесс, и от вероятности, которая имеет только статистическую конфигурацию (особенно если говорить о вероятности в смысле ее классического математического определения), и в целом относится только к модусу возможности, при котором всякая процессуальность находится за пределами [1].

План событийности, вносящий перформативное измерение, ставит под вопрос эссенциалистский подход к коммуникации. В этом случае исчезает, прежде всего, возможность эссенциалистской интерпретации информации, о чем шла речь выше. Метафора материальной субстанции в качестве модели информации и соответствующая метафора переноса оказываются несостоятельными: «передать информацию» означает только спровоцировать некоторый процесс внутренней психической активности субъекта по интерпретации (различению) сигнала в соответствии, в целом, с собственными интерпретативными стратегиями, а не с содержанием поступающего сигнала; «передача» информации не убавляет ничего у «отдающего» и не прибавляет ничего у «получающего».

Коммуникация не есть то, что может быть измерено оценочно как «плохое» или «хорошее», «истинное» или «ложное» и т.п. Коммуникацию, вслед за Н. Луманом, можно оценить только с позиции факта ее совершения: она есть или ее нет.

Всякая идея смысла в эссенциалистском освещении в такой интерпретации коммуникативного взаимодействия теряется. На смену пропозиционально-эссенциалистскому взгляду приходит перформативный взгляд. Здесь коммуникация представляет собой даже не то, что «есть» (как «есть» информация), а то, что происходит, перформативно реализуется в момент контингентного созидания.

Нерелевантным перформативному описанию коммуникации оказывается и утверждение ценности консенсусного состояния субъектов. Событийность в коммуникации присутствует именно в силу описанного выше лумановского парадокса: коммуникативная нестройность, «шум», изначально присутствующая несопряженность кардинально увеличивают ценность кратких мгновений сопряжения, провоцируя пролиферацию перспектив выбора и стремление коммуникантов как можно сильнее «хвататься» за них. Это не фундаментально рассогласованный процесс, в котором нет изначальной схожести смыслов, но наличествует «шум» непрерывного контингентного аутопойетического становления коммуникации. Надо заметить, что в лумановской интерпретации рассуждения о коммуникации описывают процессы, происходящие в системах, и пригодны для диалогического речевого общения лишь как частного случая, где субъекты есть системы.

По Луману, информация – это событие, которое определяет или изменяет состояния системы [4, с. 107]. И нет никакой разницы между тем, движет ли это событие системы к консенсусному взаимосогласованию или диссенсусному рассогласованию. Более того, исходная рассогласованность может послужить импульсом к коммуникации, призванной минимизировать гетерогенность. Впрочем, это вовсе не означает, что согласование обязательно произойдет. В идеальной картине, использующей метафору единичного акта коммуникации, имеющего начало и конец, согласование может быть единственной и основной целью. Однако если видеть коммуникацию как процесс в системах с «контингентным шумом», то абсолютный консенсус можно допустить в качестве вероятного, локального и лишь транзитного пункта. При этом не следует сводить возникающие конфликты «к неполадкам в коммуникации (как будто коммуникация есть что-то «хорошее», что может разрушиться). Коммуникация – это аутопойетический процесс социальных систем, продолжающийся через все эпизоды кооперации или антагонизмов, пока он происходит. Таким образом, конфликты служат как раз для продолжения коммуникации путем употребления одной из возможностей, которая поддерживает ее открытость, – через использование отказа. Тем самым понятие конфликта четко отделяется от лишь предполагаемых, лишь наблюдаемых противоположностей» [4, с. 508.]

5. Возможно ли увеличить эффективность коммуникации?

Можно ли сделать коммуникацию более эффективной, отсекая перспективы диссенсусных состояний, перетекающих в конфликт? Если исходить из такой постановки задачи, то это недоступно даже системе права. Луман по этому поводу замечает: «Право не служит избежанию конфликтов, оно даже приводит к непомерному расширению их возможностей – в правовых обществах конфликты не

подавляются в отличие от обществ, основанных на интеракции <...>. Право пытается избежать лишь насильственного разрешения конфликтов и обеспечить каждому из них подходящую форму коммуникации. <...> Право служит продолжению коммуникации иными средствами. Оно адекватно обществу не только тогда, когда схватывает возникающие конфликты, но и прежде всего тогда, когда может производить множество конфликтов, предоставляя достаточную для их разрешения собственную комплексность» [4, с. 490].

Вопрос в другом – как подходить к пониманию к неэффективности коммуникации? Если рассматривать конфликт как наиболее проблематичный фактор снижения эффекта коммуникации, то надо обратить внимание на то, что конфликтная коммуникация – равно как и неконфликтная – может затягиваться. Иными словами, она может аутопойетически творить себя, и, таким образом, конфликты – это действительно социальные системы, причем функционирующие самостоятельно, а причиной их является также двойная контингенция, но формулируемая в негативном виде: «я не сделаю того, чего ты хочешь, если ты не сделаешь того, чего хочу я» [4, с. 509]. Что же касается разрушительного влияния конфликта, то она возникает не из самого конфликта, «а в отношении к системе, в которой конфликт нашел повод и выход» [4, с. 510].

Тех, кто пытается отыскать практические решения проблемы эффективности коммуникации, следует предостеречь от принципиальной «охоты на диссенсус» в управлении организацией. К примеру, действия в области командообразования (teambuilding) в практике корпоративного менеджмента, порой превращающиеся в панацею, вовсе не гарантируют универсального улучшения коммуникации и годятся далеко не всегда: скажем, нет ничего такого в улучшении навыков взаимодействия между технически не взаимодействующими отделами, что улучшило бы их несуществующую коммуникацию; «принудительная оптимизация» коммуникации может сыграть негативную роль в масштабе предприятия, если посредством такого действия были разрушены перспективы назревающего продуктивного диссенсуса (который мог бы стимулировать эффективную в определенных условиях конкуренцию). Подобные действия должны, скорее, реализовываться в области некоторых внешних целевых установок или, как было сказано ранее, – в отношении к системе.

Приблизиться к прогнозированию эффективной коммуникации можно, пытаясь взять под контроль контингентное, – но не тотальным образом, способным полностью обозреть и абсолютно детерминистично интерпретировать ситуацию, запрещающим непредсказуемые явления (это невозможно), а посредством построения стратегических направлений решения задач, реализуемых в процессе коммуникации. Здесь крайне важно уточнить, что является ключевым итогом коммуникации: соревновательная победа или конструктивное раскрытие проблемы. Если в итоге есть «победитель коммуникации», то он выступает в роли «тотализующего» субъекта; если в итоге есть «решение проблемы», то он возможен только как комплекс альтернативных решений. Действительно эффективная коммуникация представляет собой «ячеизацию», дискретизацию решений, которые представляют собой компромисс между двумя стратегиями; относительно любого

из субъектов одну из них можно назвать тотализующей, вторую – дестабилизирующей (т.е. дестабилизирующей тотальность). В этом случае будет достигнут консенсус, суть которого, однако состоит не в сопряжении смыслов, а в перформативном сопряжении стратегий. Однако такой консенсус вовсе не окончательное идеальная точка – это такой же транзитный пункт, как и диссенсусное состояние.

В эффективной коммуникации возможно существование консенсуса только при условии принципиального расхождения языков обсуждения, т.е. наличия проблемы, которая заостряется при расширении поля языковых игр (Л. Витгенштейн). Подобная экспансия пропорциональным образом увеличивает и число возможностей коммуникативного выбора – тех самых редких точек потенциального сопряжения в процессе коммуникации.

Следует учесть, что такое неудобное свойство диссенсуса как неинституализируемость, может быть одним из важнейших развивающих факторов. Как пишет Б. Ридингс, «в горизонте консенсуса никакой консенсусный ответ не способен снять вопрос, поднимаемый социальной связью (фактом существования других людей, языка). Никакое универсальное сообщество не воплотит собой ответ; никакой рациональный консенсус не заставит просто согласиться с ответом. Сохранять за социальной связью статус вопроса – значит допускать различие, не прибегая к идее идентичности» [7, с. 241]. По мнению Б. Ридингса, ярким примером диссенсусного сообщества является университет. Описанные выше свойства коммуникации совпадают с утверждением этого автора о том, что значимое для университета «"мышление вместе" – это диссенсусный процесс; он соотносится, скорее, с диалогизмом, чем с диалогом» [7, с. 247]. В этом случае диссенсус выступает фундаментальным фактором эффективности как в интеллектуально-эвристическом смысле, так и в аспекте развития социальной системы, внутри которой он функционирует.

Список литературы

1. Карелин В.М. Двойная контингентность и «мистика» коммуникации // Гуманитарные чтения РГГУ – 2014. Теория и методология гуманитарного знания. Россиеведение. Общественные функции гуманитарных и социальных наук. Гуманитарное знание и образование. – М.: РГГУ, 2015. – С. 221–229.
2. Карелин В.М. Рациональная мистика субъекта в системной теории (о понятии двойной контингентности Н. Лумана) // Коммуникативные стратегии информационного общества: Труды VI Международной научно-теоретической конференции. – СПб.: Санкт-Петербургский политехнический университет, 2013. – С. 340–341.
3. Крылов И.А. Полное собрание сочинений И.А. Крылова. Т. 3: Басни. Стихотворения. Письма. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1946. – 618 с.
4. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. – СПб.: Наука, 2007. – 641 с.
5. Луман Н. Что такое коммуникация? // Социологический журнал. – 1995. – № 3. – С. 114–125.
6. Разинов Ю.А. Банальная ложь обыденной речи: болтовня и красноречие // Вестник РГГУ. – 2014. – № 10. – С. 156–163.
7. Ридингс Б. Университет в руинах. – Минск: БГУ, 2009. – 248 с.
8. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2000. – 380 с.

Karelin V.M. Dissensus – A Factor of Effective Communication // Scientific Notes of Crimea Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 1. – P. 46-53.

The article deals with the phenomenon of dissensus and its role in social communications. The constructive role of dissensus in the process of communication is proved. First of all it needs to be said that dissensus is not a mere disagreement between communicants or a reason for any communicative conflicts either. Representation of information not as quasi-physical object (as it traditionally is often being represented), but as an event in the context of double contingency, enables the non-evaluative development of the meaning of dissensus in the performative dimension. Thus, communication is not a thing that exist through propositional description, but it is a thing that happens. That's the very different mode of existence, which lies aside from well-determined prognosis and strict management as well. That conception of dissensus is about the principal divergence of languages of discussions. That idea is fundamentally significant for education and especially for the future tendencies of modern university.

Key-words: communication, consensus, dissensus, double contingency, systems theory.

References

1. Karelin V.M.. Double Contingency and “Mystics” of Communication// Humanitarian readings in the RSUH – 2014. Theory and methodology of humanitarian knowledge. Rossiology. Social Functions of humanitarian and social sciences. Humanitarian knowledge and education. – M.: RSUH, 2015. – P. 221–229.
2. Karelin V.M. Rational Mystics of Subject in the Systems Theory (on N. Luhmann’s Double Contingency) // Communicative strategies of information society: Proceedings of VI International scientific and theoretic conference. – Saint-Petersburg.: The Saint Petersburg polytechnic university, 2013. – P. 340–341.
3. Krylov I.A.. Complete Works of I.A. Krylov. V. 3: Fables. Verses. Letters. – M.: State publishing house for belles-lettres, 1946. – 618 p.
4. Luhmann N. Social Systems. Outline of General Theory. – Saint-Petersburg.: Nauka, 2007. – 641 p.
5. Luhmann N. What is Communication? // Journal of sociology. – 1995. – No 3. – P. 114–125.
6. Razinov Ju.A. Banal Lie of Everyday Speech: Gossip and Eloquence // The RSUH bulletin. – 2014. – No 10. – P. 156–163.
7. Ridings B. University in Ruins. – Minsk: BGU, 2009. – 248 p.
8. Habermas J. Moral Consciousness and Communicative Action. – Saint-Petersburg: Nauka, 2000. – 380 p.

УДК 32:303.8+311

ЗАДАЧИ КОММУНИКАТИВНОЙ ТЕКСТОЛОГИИ

Рыскельдиева Л.Т.

Статья ставит вопрос о задачах философского исследования текста и коммуникации. Текстовая и знаковая природа действительности в наши дни наглядно представлена условиями массовой коммуникации и виртуальной реальностью. Это обстоятельство автоматически делает актуальными междисциплинарные коммуникативные и текстологические исследования. Отмечается активная роль лингвистики в совокупности таких исследований. Специфика философских исследований в этой области определяется понятием «смысл». Формулируются задачи философской текстологии: коммуникативная (определение существенных для смысла различий между устным и письменным текстом, решение вопросов адекватной интерпретации и корректной реконструкции смысла), телеологическая (определение целей текстовой деятельности), формальная (анализ связи смысла текста с его форматом и жанровыми особенностями).

Ключевые слова: текст, коммуникация, лингвистика, смысл, междисциплинарность

Введение.

Если специфику современной философии давно принято определять с помощью понятия «поворот», то поворот от чего имеется при этом в виду? От традиционной и сохраняющей следы систематичности философии: от онтологии, гносеологии, социальной философии и даже истории философии. Куда ведет этот поворот? К тому, что принято считать одним из главных признаков современности и актуальности, – к междисциплинарности. В совокупности междисциплинарных гуманитарных исследований хорошо видны две точки пересечения разных наук – это понятия «текст» и «коммуникация», они и стали основанием целого ряда междисциплинарных исследований. В контексте, который задают эти понятия, место бытия занимает язык как мир смыслов, место познания – истолкование, место общества – Другой как механизм порождения общности. Цель данной статьи: определить тип и место философского исследования текста в коммуникативном контексте и сформулировать задачи такого исследования.

В использовании понятий «текст» и «коммуникация» в философских исследованиях видно, прежде всего, стремление к конкретности и даже особому эмпиризму. С одной стороны, здесь сказывается известный комплекс

«методологической неполноценности» наук о человеке и обществе, засвидетельствованный еще со времен классического позитивизма О. Конта. С середины 19 века явно и неявно начинает бытовать мнение о том, что настоящие ученые – это физики и математики, а гуманитарии – болтуны и дармоеды. В контексте мировоззрения Просвещения это мнение кажется очевидной и несомненной истиной. Однако интеллектуальный и технический опыт 20 века позволяет говорить не только о стремлении гуманитарного знания иметь свои собственные эмпирические основания, но и о его прогностическом потенциале. Поэтому, с другой стороны, использование понятий «текст» и «коммуникация» отвечает именно нынешним реалиям, порожденным компьютерами и всемирной Сетью: реальность здесь именно текстовая (или знаковая), здесь постоянно возникают и исчезают именно коммуникативные (в целях обмена информацией) сообщества. Исследование этой реальности, а также ее связи с той, которой она параллельна, без этих понятий невозможно или неадекватно. Таким образом, реальность или действительность, изучение или освоение которой является главным делом познания и практики, для сегодняшнего исследователя имеет текстово-коммуникативный характер, а сами текстология и коммуникативистика неустранимы из современных социогуманитарных исследований. Какова специфика текстово-коммуникативных исследований в философии?

В ответе на этот вопрос можно столкнуться с парадоксом: специфика исследований текста и коммуникации в философии состоит в том, что они рискуют утратить свою специфику. При этом есть все основания рассматривать такой ответ вне риторики, так как особенности философской коммуникации и философского исследования коммуникации, особенности философского текста и философского исследования текста размываются в предметной неопределенности междисциплинарных исследований, а в их совокупности последнее время задает тон лингвистика. Именно лингвистика и, в целом, филология сейчас оказывает самое заметное влияние и на философию, и на все социальное и гуманитарное знание.

Впрочем, знаковый и текстовый характер реальности неизбежно связан с междисциплинарным характером ее изучения. Плодотворность принципа междисциплинарности уже общепризнана и, в соответствие с этим принципом, исследование в рамках уже устоявшихся дисциплинарных границ всегда хуже, чем то, которое их преодолевает. Кроме того, что этот принцип содействует реальной – в мире мыслей и в жизненном мире – коммуникации между учеными разных направлений, он оказался, так сказать, наукопорождающим. Например, ставшая в наши дни авторитетной и распространившая свой предмет на широкое поле культуры семиотика есть ни что иное, как результат интерференции логических, аналитических и коммуникативных исследований. А традиционная текстология, долгое время бывшая всего лишь одним из разделов литературоведения, становится «местом встречи» психологов, социологов, историков, лингвистов и др., – так текстологическая компонента становится почти обязательной для целого ряда социогуманитарных исследований.

Что делает актуальным именно философское исследование текста? В чем его специфика? Судя по всему, его главную задачу и отличие от исследований междисциплинарных нельзя определить без использования термина «смысл». Не без оснований причисляемый порой к лишним сущностям и эффективно-прагматично сводимый к совокупности значений, смысл остается ключевым понятием философии, ориентированной на исследование языка, текста и коммуникации. Это понятие способно и поставить, и решить метафизическую проблему – с одной стороны, сохраняя «полноту» философии и её ядро, с другой стороны, избежав, казалось бы, неизбежной для теории умозрительности, пустоты и бесплодности. Философское исследование смысла при этом развивается в двух направлениях: сформированном тем, как философы анализируют и интерпретируют разные тексты (тексты культуры, в том числе), и сформированном тем, как они же анализируют и интерпретируют собственно философские тексты. Философское исследование текста и исследование философского текста – вот два основных направления в философской текстологии. Их нельзя развивать без учета коммуникативной ситуации в тексте или, иначе, коммуникативной структуры текстовой деятельности в философии.

Философия (как тип рефлексии, как дискурс, как вид деятельности и др.) по своей сути всегда реализуется в текстах, но при этом она всегда как бы «больше», чем текст: есть сверх-текстовая и экстра-текстологическая компонента всей философской культуры. То, «на что» философия больше, чем текст, это и есть коммуникация. Это означает, что философская текстология непременно должна иметь коммуникативные параметры, либо опираясь на них, либо, по крайней мере, всерьез учитывая характеристику коммуникативной ситуации философского текста.

1. Исследования коммуникации.

В определенном смысле, в настоящее время все гуманитарные науки исследуют коммуникацию – по крайней мере, проследить коммуникативную компоненту каждой из них не составляет труда. Пока удастся выявить их дисциплинарную «прописку», но с каждым годом это делать все труднее: культурологи занимаются исследованием межкультурной коммуникации; филологи – речевой коммуникацией, теорией перевода, риторикой; социологи – разными видами отраслевой коммуникации, массовой и социальной коммуникацией; политологи – политической коммуникацией и PR-технологиями; психологи – межличностной коммуникацией. В России действует «Российская Коммуникативная ассоциация» (<http://www.russcomm.ru/>). Например, известное британское издательство «Taylor&Francis» Online предлагает 58 журналов под рубрикой «Communication Studies». В ней есть под-рубрика «Communication Theory», в которой значится 1 журнал под названием «Journal of Applied Communication Research» (<http://tandfonline.com/toc/rjac20/current>), а прикладные аспекты коммуникативных исследований следующие: риторика (5 журналов), политика (4), организационная (7), массовая (11), межкультурная (7), здоровье (5) (<http://taylorandfrancisgroup.com/>). При этом в совокупности коммуникативных исследований всегда обнаруживается некая неопределенная промежуточная сфера или «зона свободы», которую чаще

всего называют «теорией» коммуникации: в этой зоне может оказаться любой, способный рассуждать о том, что такое коммуникация, эта зона всегда открыта для новых идей. Показательно название первого раздела коллективной монографии, изданной Санкт-Петербургским философским Обществом – «Философия коммуникации: необходимость новых идей» [10].

В сфере исследования коммуникации роль филологов вообще и лингвистов в частности особо заметна. Вторая половина 20 века была не только временем лингвистического поворота, но и поворота практического, прагматического, дискурсивного, коммуникативного. Теория дискурса, дискурс-анализ, языковая прагматика, разные направления семиотики и когнитология не обошлись без активного участия языковедов, способствовавших объединению ученых в междисциплинарные исследовательские группы. «Изучение функционирования текста в коммуникации становится задачей междисциплинарных исследований, в которых лингвистике принадлежит ведущая роль», – пишет О.Л. Каменская в конце 80-х г.г. прошлого века [4, с. 3]. И, думается, именно под влиянием лингвистики понятие «коммуникация» получило самое широкое употребление из всех возможных: под коммуникацией сейчас понимается любой вид общения и взаимодействия, и такое понимание встречается чаще всего. Полагаю, что философский подход к этому понятию будет работать, по меньшей мере, на сужение его объема. Но как именно?

Определения понятия «коммуникация» – не простая задача, несмотря на то, что таких определений несть числа. Но если его определять через значение общения и сообщения, то тут возникнет такая же тавтология, как в словосочетании «социальная коммуникация»: *societas* – общество, *commune* – общность. Кажется очевидным, что понятие «социальный» (общественный) применяется к тому, что уже есть, сложилось и, чаще всего, естественным путем (буржуазное общество, общество потребления) или существует на договорной основе (общество филателистов, общественные институты). Понятие «коммуна», как кажется, относится к общности становящейся или создаваемой, чаще всего, в противовес социальному (на этом основано различие рядов ассоциаций с терминами «социалистический» и «коммунистический»: при социализме все равны, а при коммунизме – все братья). Появление или создание коммуны требует иного рода общности ее членов – осознаваемого единства как идейного родства, братства не по крови, а по духу (вере, убеждениям и проч.). Такая общность не возникает сама по себе, к объяснению её сути нельзя подойти с помощью органической модели – именно поэтому пресловутый «коммунизм» должен был быть построен, а в жертву ему было принесено такое количество жизней и судеб.

Кроме определения через «общение» довольно часто принято определять коммуникацию с помощью понятия «информация»: коммуникация как обмен информацией, сообщение информации и общение по поводу неё. Употребление понятия «коммуникация» в такой связи придает ему оттенок технологический, утилитарный, инструментальный: «проложить коммуникации» = наладить коммуникацию. Один из аспектов прагматики текстового употребления этого термина призван засвидетельствовать именно современный, научный и

эмпирически обоснованный статус исследования. Но для нас интереснее то, что его семантика опять указывает на понимание коммуникации как чего-то складывающегося, возникающего, динамичного – не произвольного, но такого, на который можно воздействовать. Это обстоятельство, в свою очередь, указывает на еще один из аспектов прагматики: коммуникативное исследование вне зависимости от дисциплинарной определенности предполагает ориентацию на практику как в получении задач и материала для исследования, так и в использовании его результатов. Практически используемым результатом коммуникативного исследования, по его идее, должно стать умение «наладить/проложить коммуникацию» – будь то в совместной работе над проектом, в процессе перевода/интерпретации, в процессе убеждения/аргументации, создания социальной сети, в деле нахождения общего языка, межкультурного согласия, взаимопонимания и мира. В таком случае вполне понятно то, что специфическое философское исследование коммуникации во многих отношениях можно возвести к теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса в контексте его практической коммуникативной философии.

Существует ли при этом специфически философский взгляд на исследование коммуникации? Следует ли настаивать на его необходимости? Нельзя ли согласиться с тем, что информационный подход в наше время может претендовать на статус общегуманитарного (или даже общенаучного!) основания, благодаря которому старые дисциплинарные границы исчезнут, и поделом им? Зачем философии, которая от века порождала, отпочковывала от себя науки, тревожиться по поводу «чистоты рядов» исследователей и заботиться о том, чтобы к «своим» не затесались «чужие»? Эти вопросы нельзя рассматривать только в контексте дисциплинарного пуризма, их острота становится очевидной, если под коммуникацией понимать именно то, ради чего и в связи с чем в русский язык без перевода вошел этот романо-германский термин – осмысленное общение, общение ради понимания, специфически человеческий, культурный способ взаимодействия разумных существ, общение ради общности. Видимо, именно философия коммуникации призвана постоянно обращать внимание на эту «добавку» к процессу взаимодействия – на смысл, в чем, судя по всему, испытывает необходимость только человек.

2. Исследования текста.

С середины 20 века текст становится «универсальным объектом» – и не без оснований. Эпоха всеобщей грамотности, массовых тиражей, средств массовой информации – все это признаки если не заката, то самого расцвета «эры Гутенберга», эры Письма, сам феномен которого пытаются постичь и философы, и художники масштаба Ж. Деррида и П. Гринуэя. Но по существу и изначально из всех философских дисциплин только история философии всегда близка к текстологии непосредственно, так сказать, эмпирически. Но последнее время эта близость стала осознанной и рефлексивной. С 2014 г. Работает проект Института философии РАН «Анатомия философии: как работает текст». Подчеркну общественную значимость проекта, осуществившего союз библиотеки и

академической философии. Его организаторы при этом выразили надежду на то, что размышление о текстах в процессе коммуникации (студентов, аспирантов, всех интересующихся философией) поможет понять, что есть современная философия, и какова её роль в современном обществе (http://iph.ras.ru/anatomia_text.htm).

Последние полтора десятилетия отечественной философской культуры отмечены появлением специальных философских исследований текста, осуществленных не историками философии. В частности, работа И.Т. Касавина [6], которая исследует соотношение языка, текста, знания и дискурса, а также работа А.П. Алексеева [1], в которой анализируется как «аргументационный ресурс текста», так и «необходимость сравнений и метафор» в философском тексте. Однако самый заметный толчок философские исследования текста до сих пор (и уже не один век!) получают от практики переводов классических текстов, от востоковедов-компаративистов. Упомянем только возникшую во второй половине 20 века дискуссию по поводу «неписаной» философии Платона [2], [7]. Историко-филологическая проблема и предмет спора платоноведов порождены несколькими пассажами из диалогов, где Сократ ругает письменность (вообще, как таковую!) и воспекает диалектику как искусство устной беседы. Значит ли это, что он не все выразил в диалогах, и даже более того, сознательно утаил от записи главное? Значит ли это, что у Платона было никак письменно не зафиксированное учение, которое он тайно излагал только в академических лекциях? А позволяет ли письмо полностью выразить философию, все ли философские истины можно записать, то есть, передать всем другим, умеющим читать, и есть ли в философии эзотерическое ядро? Вот какой набор вопросов естественно возникает при знакомстве с историко-филологическими проблемами «платоновской критики письма в «Федре» и «седьмого письма Платона» [8].

Несмотря на то, что философия всегда и во все времена проявляла себя только в текстовой деятельности (и нам все же рано хоронить книжную форму ее существования [5]!), она по своей сути – «больше», чем текст. Другими словами, можно утверждать, что во всей философской культуре существует и проявляется сверх-текстовая и экстра-текстологическая компонента. То, «на что» философия больше, чем текст, – это и есть коммуникация по поводу смысла. И философский текст поэтому – «больше», чем объект филологической текстологии, для его адекватного понимания никогда не достаточно средств литературного анализа и критики. Это означает, что философская текстология непременно должна иметь коммуникативные параметры, либо опираясь на них, либо, по крайней мере, всерьез учитывая характеристику коммуникативной ситуации философского текста. Справедливость требует отметить, что это обстоятельство никогда не было скрыто от выдающихся филологов. Б.А. Успенский, например, тонко подметил разницу между тем, как понимает текст логик и как его понимает филолог. Перед лингвистом – текст, каким он может быть и бывает, а перед логиком – такой, каким он должен быть [9, Глава III]. Лингвист Успенский отрицает саму возможность бессмысленных языковых выражений, тогда как логик Витгенштейн строит всю свою философию на их допущении. Не из-за дисциплинарных ли различий так трудно дать определение понятию «текст»? И.Р. Гальперин отмечает, что «те схемы,

процедуры и решения, которые мы находим у разных теоретиков лингвистики текста, носят скорее умозрительный характер» [3], поэтому своей задачей он видит описание и анализ лишь «интуитивно воспринимаемых признаков текста».

Формулировка задач.

Итак, участие философов в исследовании коммуникации и текста выражается в формате коммуникативного текстологического исследования. Задачи такой философской текстологии определяются, с одной стороны, спецификой анализа философского текста и, с другой стороны, спецификой философского анализа текста. В обоих случаях специфика определяется смыслом любого рода текста, а смысл имеет коммуникативную природу. Тогда задачи нашей текстологии можно сформулировать следующим образом:

1. Коммуникативная задача философской текстологии. В неё входит: учет и реконструкция коммуникативной ситуации в тексте; вопрос о соотношении чтения и письма (что значит «читать», а что значит «писать» тексты); вопрос о соотношении вкладываемого и вычитываемого смысла (что такое правильная интерпретация и адекватная реконструкция?).

2. Телеологическая задача философской текстологии. В неё входит учет и определение цели текстовой деятельности в философии: ради чего пишут и зачем читают философские тексты?

3. Формальная задача философской текстологии. В неё входит учет и прояснение связи между смыслом, целью и формой/форматом текста, определение его жанровых особенностей и их связи с выразительными возможностями.

Список литературы

1. Алексеев, А.П. Философский текст: идеи, аргументация, образы / А.П. Алексеев. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – 328 с.
2. Васильева, Т.В. Писаная и неписаная философия Платона / Т.В. Васильева // Поэтика античной философии. – М.: Академический Проект; Триеста, 2008. – С. 505-528.
3. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 5-е, стереотипное / И.Р. Гальперин. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с.
4. Каменская, О.Л. Текст и коммуникация: Учеб. пособие для ин-тов и фак-тов иностр. яз. / О.Л. Каменская. – М.: Высш.шк., 1990. – 152 с.
5. Карьер, Ж.-К. Не надейтесь избавиться от книг! | Интервью Ж.-Ф. де Тоннака / Ж.-К. Карьер, У. Эко / Пер. с фр. и примеч. О. Акимовой. – СПб.: «Симпозиум», 2010. – 336 с.
6. Касавин, И.Т. Текст, дискурс, контекст. Введение в социальную эпистемологию языка / И.Т. Касавин. – М.: Канон+, 2008. – 437 с.
7. Мочалова, И.Н. Аристотелевское прочтение Платона, или была ли у Платона неписаная философия / И.Н. Мочалова // Вестник русской христианской гуманитарной академии. – Т. 4. – Вып. 3. – 2013. – С. 80-87.
8. Слезак, Т.А. Как читать Платона / Т.А. Слезак / Пер. с нем., предисл. и примеч. М.Е. Буланенко. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. – 314 с.
9. Успенский, Б.А. Ego Loquens: Язык и коммуникационное пространство / Б.А. Успенский. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 320 с.
10. Философия коммуникации: проблемы и перспективы: монография / Под редакцией д.ф.н. проф. Клягина, д.ф.н., проф. О.Д. Шипуновой. – СПб.: Изд-во Политехн.ун-та, 2013. – 260 с.

Ryskeldiyeva L.T. The Objectives of Communicative Textology // Scientific Notes of Crimea Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 1. – P. 54-61.

The article raises the question of the tasks of philosophical research of text and communication. Textual and symbolic nature of reality nowadays is clearly shown by terms of mass communication and virtual reality. This fact automatically makes interdisciplinary communication and textual studies relevant. Active role of linguistics in the aggregate of such research is noted. Specifics of philosophical research in this area are defined by the concept of “sense” (meaning). The distinction between the terms “communicative” and “social” is shown. The most important researches in philosophy of text (in Russia) are mentioned. In accordance with these issues the problems of philosophical textology are formulated: communicative (definition of the differences between spoken and written text, which are essential to the meaning (or sense), solution of issues concerning adequate interpretation and correct reconstruction of the meaning (or sense)), teleological (defining objectives of textual activity in general); formal (analysis of relevance between meaning of the text and its formatting and genre features).

Keywords: text, communication, linguistics, meaning, interdisciplinarity

References

1. Alekseev, A.P. Philosophical Text: Ideas, Argumentation, Images / A.P. Alekseev. – M.: Progress-Tradition, 2006. – 328 p.
2. Vasil'eva, T.V. Written and Unwritten Philosophy of Plato / T.V. Vasil'eva // Ancient Philosophy Poetics. – M.: Academic Project; Triksa, 2008. – P. 505-528.
3. Gal'perin, I.R. Text as an Object of Linguistic Research. Ed. 5th, stereotypical / I.R. Gal'perin. – M.: KomKniga, 2007. – 144 p.
4. Kamenskaya, O.L. Text and Communication: Textbook for institutes and departments of foreign languages / O. L. Kamenskaya. – M.: High School, 1990. – 152 p.
5. Carriere, J.-Cl. Do not Depend to Get Rid of the Books! | Interview of J.-Ph. de Tonnac / J.-Cl. Carriere, U. Eco / Transl. from fr. & comments by O. Akimova. – SPb.: «Symposium», 2010. – 336 p.
6. Kasavin, I.T. Text, Discourse, Context. Introduction to Social Epistemology of Language / I.T. Kasavin. – M.: Canon+, 2008. – 437 p.
7. Mochalova, I.N. Aristotelian Reading Of Plato Or Whether Plato Has an Unwritten Philosophy / I. N. Mochalova // Reporter of the Russian Christian Humanitarian Academy. – Vol. 4. – № 3. – 2013. – P. 80-87.
8. Szlezak, T.A. How to Read Plato / T.A. Szlezak / Transl. from ger., preface and notes M.E. Bulanenko. – SPb.: Publishing House of St. Petersburg university, 2008. – 314 p.
9. Uspenskiy, B.A. Ego Loquens: Language and Communication Space / B.A. Uspenskiy. – M.: Russian State Humanity University, 2007. – 320 p.
10. Philosophy of Communication: Problems and Prospects: monograph / Ed. by of doctor of philos. sciences, prof. Klyagin, doctor of philos. sciences, prof. O.D. Shipunova. – SPb.: Publishing house Politehnical university, 2013. – 260 p.

УДК 113:316.085

ПРОБЛЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ФИЛОСОФИИ КОСМИЗМА

Соколова А.Б.

Философия космизма определяет ответственность как гармоничное сочетание в настоящем историческом времени ответственности за сохранение памяти прошлого и утверждение идеалов будущего. Для одних космистов ответственность относится к социально-политической категории (Фёдоров, Сухово-Кобылин, Холодный), для других – к морально-нравственной (Соловьёв, Рерихи, Флоренский, Бердяев), для третьих – к научно-технической (Циолковский, Вернадский, Чижевский). Но, по мнению всех философов-космистов, ответственность – это способность человеческой души, которая могла бы сплотить все народы, всё человечество, установив между ними сердечную, почти родственную связь.

Быть ответственным, по Платону, значит уметь давать ответ, отвечать по совести. Быть ответственным, по В. Вернадскому, значит быть человеком. Быть ответственным, согласно П. Флоренскому, означает следовать духовным началам разума и совести. Для В. Соловьёва ответственность есть следствие любви к Богу и людям. Н. Холодный трактовал ответственность как результат эволюционных (космических) изменений, на то есть воля космоса, а через ответственность проявляется концентрированная воля человека.

Для большинства космистов являлась самоочевидной мысль о том, что чувство ответственности формируется в том же месте, где рождается совесть – в человеческом сердце. Поэтому ответственность, кроме всего прочего, можно смело отнести к области чувств. Целесообразным будет считать, что ответственность – это качество личности, склонной к самосовершенствованию и самоанализу. Другими словами, ответственность – способность человека организовывать и направлять свою деятельность к общему благоденствию, т.е. с учётом интересов общества, а также умение предвидеть последствия своих действий.

Ключевые слова: общее благо, космизм, ответственность, философия сердца, совесть.

«И под личиной вещества бесстрастной
Везде огонь божественный горит...»
(В. Соловьёв)

Нравственный долг и задача, стоявшая перед космизмом как уникальным направлением в философии XX века – открыть перед своими последователями своеобразное «окно в вечность», пробудить в ищущих сердцах космическое чувство ответственности как сопричастности к эволюции. Такое «окно в вечность» может быть только одно, оно находится в сердце каждого человека. В человеческом сердце зарождаются и развиваются чувства совести, ответственности, радости. Профессионализм философа определяется степенью его ответственности за свою научную и преподавательскую деятельность, сердечности, человеколюбия и умения последовательно раскрывать перед своими читателями и студентами беспредельный мир идей и идеальных образов, которыми наполнено космическое, включая земное, пространство.

Согласно философии космизма, представленной трудами Платона, Н.Ф. Фёдорова, А.В. Сухова-Кобылина, Н.А. Умова, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского, А.Л. Чижевского, Н.Г. Холодного, В.С. Соловьёва, Н.К. и Е.И. Рерихов, С.Н. Рериха, П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова и Н.А. Бердяева, именно сердце человека есть мерило и вместилище ответственности. Аналитика языка сердца представляется перспективным направлением в космизме, но это задача для будущего исследования, посвящённого философии сердца. Данная же статья рассматривает проблему ответственности в контексте философии космизма.

Философия как специальность во все времена отличалась преданной любовью к книге и ответственному прочтению и написанию философских трактатов. Изобретение письменности пробудило в человечестве ответственность за сохранение и передачу знаний будущим поколениям. Письменность в форме знаков, рукописей – это отдельные коды или кристаллизованные идеи, несущие конкретный смысл. Философ, осознающий ответственность, своим трудом совершает буквально прорыв в эволюции, путём каждодневной профессиональной деятельности – чтением, интерпретацией и написанием философских книг.

Мысли, продиктованные чистым сердечным импульсом, всегда были ядром философии и толчком к философствованию – на этом, в частности, настаивают авторы русского космизма. Необходимость объективного изучения зашифрованных посланий, которые передали для нас наши далёкие предки, быть может, сами атланты, представляется особенно интригующей для пытливого ума современного философа. В подобном исследовании нуждаются множества артефактов, к примеру, фестский диск. «Диск из Феста до сих пор является первым сохранившимся памятником печатания связного текста, может, и впрямь атланты подбросили нам из тьмы тысячелетий эту штуку, чтобы мы ломали над ней голову?!» [7; с. 80].

Н.К. Рерих наиболее точно ответил на вопрос о сущности ответственного чтения и книгопечатания в своей статье под названием: «Любите книгу». «Что заставляло с самых древних времён начертаний придавать клинописи, иероглифам, магическим китайским знакам и всем многоцветным манускриптам такой

изысканный, заботливый вид? Это бережное, заботливое, любовное отношение, конечно, возникало из сознания важности запечатления» [7; с. 34].

Платон, живший в далёкий от нас античный период истории философии, исследовал тему «почему важно быть ответственными перед памятью о героических подвигах?» Философия Платона отвечает на этот вопрос следующим образом: для того, чтобы составляющие достоинство человека качества духа передавались потомкам, ибо каждый отдельный гражданин несёт ответственность перед будущими поколениями. Подлинными добродетелями в античности, как и во все времена, считались героизм, жертвенность, мужество, доблесть, патриотизм: именно эти духовные качества формируют чувство гражданской ответственности. «Есть зов предков – это зов к красоте, к радости. Из поколения в поколение переходит память предков» [4; с. 316].

Известно, что, согласно концепции живой этики, великий Платон учил своих учеников тому, что смысл всего происходящего в социуме коренится в эволюции общественного сознания граждан. Осознание каждым человеком своей ответственности как причастности и ответственности за всё, происходящее в социальном бытии, открывает поистине космические перспективы в развитии общества. Соответственно, следуя мысли Платона, человек – субъект и творец эволюции, а смысл жизни человека в расширении и совершенствовании своего сознания. Человек должен уметь сосредотачиваться на своём главном предназначении – со-звучать космическим процессам, т.е. ответственно служить эволюционному плану бытия.

В этой связи уместно использовать терминологию, данную в живой этике, напоминающую конфессиональную по форме изложения. Следует отметить, что для всей философии космизма характерен нравоучительный пафос, обращающий на себя внимание читателя с первых же строк текстов. Это объясняется самой исследовательской позицией философа-космиста, который имеет космический (взгляд со стороны объективной реальности) угол зрения на все явления. «Понятие ответственности, – пишет Е. Рерих. – должно быть развито до бесконечности. Дух человеческий, как создатель, несёт ответственность за всё, содеянное им. Не убоимся сознать явление ответственности. Мы ответственны не только перед самими собою, но и перед Космосом. Сняв с себя ответственность, человек лишает себя самого прекрасного чувства и личной, утверждённой, творческой силы. Человек, претворяя пространственные огни в формы, не может сложить с себя ответственность» [1; с. 306].

Платон, устами Сократа, часто использовал приём «майевтики», то есть в горячем дружеском обсуждении он гармонизировал пространство. Умение гармонизировать беседу, обращаясь к совести собеседника, свойственно платоновскому Сократу. Именно состояние перманентной гармонии делает его мудрецом, ответственным перед будущими поколениями, позволяет понимать истину.

В диалоге «Государство» Платон показал, как Сократ постепенно в ходе беседы укрощает своего яростного оппонента Фрасимаха. Если в начале разговора Фрасимах чрезмерно возбуждён (вспотел, покраснел, проявил нетерпение, дикость,

напряжение, звероподобие, ярость, крикливость, желание утратить, ошеломить), то Сократ, сознавая свою ответственность как философа, неизменно проявляет сердечность, тактичность, необидчивость, почтительность. В итоге, после общения, Фрасимах становится кротким, даже перестает сердиться. Таким образом, благодаря гениальным приёмам майевтики, коллективное гармоничное сочетание энергий напрягает пространство и приводит собеседников к истине.

Искусство нахождения истины, называемое Сократом майевтикой, – это «повивальное искусство», уникальная техника, практическое и сознательное формирование идей как целеполагающих, обуславливающих будущее состояние человека, общества, природы, реальности космоса. В процессе диалога идёт предельное выявление и закрепление истинной сути обсуждаемых явлений, т.е. кристаллизация идей.

Платоновский Сократ убеждён, что знает, как возможно построить идеальное государство – только на основании единства ответственных граждан. По утверждению Сократа, на деле всё должно полностью осуществиться так, как это разобрали словесно – через единение народа и принятие им «бремени» ответственности за общее будущее. «Если мы сможем додуматься, как построить государство, близкое к описанному, согласись, – обращается он к Главкону, – мы сможем сказать, что уже показали, как можно это осуществить» [3; с. 942].

Чувство ответственности как осознанное состояние гармонии духовного начала в человеке и внешних условий социального бытия – это одно из важных условий достижения истины. Умные головы собеседников приходили к общему мнению о справедливом государстве, главных принципах его построения, основанных на глубоком осознании ответственности всех перед всеми. «Сознательная ответственность будет прекрасным побудителем энергии» [2; с. 258]. Именно за смелые передовые идеи Сократ был лишён жизни корыстолюбцами, которые были у власти в то время. Но героизм и мужество этого мудреца, сознательно принявшего смерть, послужили тому, что идеальный образ государства живёт в веках.

Импульс к изучению космических проявлений в повседневной жизни, заложенный Платоном в античности, спустя столетия, получил развитие и дальнейшую проработку в трудах русских космистов. К примеру, Н. Г. Холодный аргументированно обосновал необходимость употребления понятия «космическое чувство». Космическое чувство есть результат развитого чувства ответственности. Ответственность трактуется философом как нравственная оценка человеком своего прошлого и настоящего с целью прогнозирования и предугадывания возможных событий в будущем. Космическое чувство, по характеру, подобно интуиции, оно природное, и его можно развить своим устремлением к будущему и волей.

По мнению философа, притягивая будущее, человек способен менять настоящее, лишь при наличии мировоззренческой платформы. «Один из результатов дальнейшего успешного развития науки и искусства мы можем мыслить себе как постепенное их сближение, на основе которого будет расти и крепнуть то новое, живое и глубокое ощущение всей полноты, многообразия и красоты космической жизни и нашей связи с этой жизнью, которое можно было бы назвать космическим чувством» [5; с. 340].

С точки зрения Н. Холодного, культивированию и воспитанию космического чувства в подрастающих поколениях государство должно уделять пристальное внимание. Ответственность за образование гармонически развитых граждан лежит на родителях, учителях, преподавателях и на руководителях государств. «Основа для развития космического чувства – любовь к природе, включая в неё и человека. Космическое чувство должно объединить в себе все эти элементы эстетического и интеллектуального восприятия космоса, но оно будет и несравненно богаче содержанием, чем то чувство, которое испытывает современный художник или учёный даже в минуты наиболее полного и проникновенного сознания красоты, значительности и глубокой закономерности космических явлений» [5; с. 340].

В контексте философии космизма XX века ответственность выступает также как гражданский долг личности современного ей общества. Космисты прогнозировали, что космополитическое мировоззрение – залог успешного развития общества в космической перспективе. «Уверенность в том, что разум с течением времени станет главной силой не только в человеческом обществе, но и во всей подчинённой воле человека части космоса, покоится на объективных данных, характеризующих общее направление эволюционного процесса» [5; с. 341].

Существуют философские тексты, конкретно описывающие, что есть, в сущности, общее благо для человечества. В этой связи целесообразно обратиться к исследованию наследия Н.Ф. Фёдорова. Общим благом философ считал ответственность всех людей, живущих одновременно с ним, т.е. его современников, перед всеми предшествующими поколениями, умершими до них людей, которых было огромное множество. Единственным абсолютным общим благом для человечества, или «общим делом» в терминологии Фёдорова, становится всеобщее воскрешение людей, когда-либо живших на планете Земля.

Мысли Фёдорова являются своеобразной попыткой реализовать проект объединения всех людей вокруг одной идеи. Специфическое предложение философа становится реальным решением проблем, связанных с обособлением (отчуждением) и одиночеством в обществе. Космист видел мир по-своему, но цель его размышлений была подлинно благородной – улучшить и продлить до бесконечности жизнь людей. «Всеобщее воскрешение есть полная победа над пространством и временем. Переход от «земли к небесе» есть победа, торжество над пространством (или последовательное вездесущие). Переход от смерти к жизни, или одновременное сосуществование всего ряда времён (поколений), сосуществование последовательности, есть торжество над временем. Идеальность этих форм знания (пространства и времени) станет реальностью. Всеобщее воскрешение станет единством истории и астрономии или последовательности поколений в совокупности, полноте, цельности миров. Трансцендентальная (предопытная) эстетика пространства и времени станет нашим настоящим опытом и всеобщим делом» [5; с. 84].

Анализ философского творчества А.В. Сухова-Кобылина в значительной мере расширяет наши представления о духовных и биологических возможностях человеческого организма в условиях космических изменений. По мысли этого космиста, человечество имеет главную задачу – научиться летать! Соблюдение

всего нескольких, вполне исполнимых условий, вскоре приблизит человечество к реализации своего предназначения. Лишь на первый взгляд, при поверхностном изучении, идеи Сухова-Кобылина выглядят фантастически. На самом деле, в его тезисах заложено рациональное основание. Философ выразил свою теорию так: «Лёгкие человека могли бы легко свой объём удвоить, наполнить всю свою грудь и большую половину брюха, тем самым увеличить лёгкость человека и, следовательно, учинить его способным при малом усилии держаться на воздухе. К этому, надо надеяться присоединится техника. Нет сомнения, что ещё недавнее техническое изобретение велосипеда есть уже достигнутое горизонтальное летание» [5; с. 55].

В концепции Сухова-Кобылина вещественный огонь преисполнен не столько метафизическим значением, сколько практическим. Смысл субстанции огня состоит в том, что разлитый повсюду, огонь влияет на природу и судьбу людей, животных, существ и вещей. Представление об огненном основании бытия во многом упрощает понимание космических законов, непреложно действующих в человеческом обществе. «Очевидно, что страшным судом божественной мудрости человечество в своём поступании и процессует, т.е. к превечной разумности близится, поколику всё дело состоит в том, что слабые огнём селекции потребляются и исчезают, а сильные развиваются, крепнут, процессируют» [5; с. 62].

Термин «пламень вещей», о котором повествуют философские работы Сухова-Кобылина сопоставимо с понятием «психической энергии», приводимым Е.И. Рерих в живой этике. Специфика философии космизма состоит в том, что она активно оперирует такими аксиологическими понятиями как совесть, общее благо, ответственность, сердечность, духовность, огненность, энергия, софийность, иерархия и т.п. «Природа – органическая иерархия живых существ» (Н. Бердяев) [5; с. 171].

Нетривиальный взгляд на проблемы эволюции человечества имел учёный-космист. Н.А. Умов. Его труды содержат развёрнутые ответы на вопросы, связанные с поиском релевантных определений того, как возникло человечество и что его ждёт в будущем? По мнению космиста Умова, «Человек не есть нечто неизменяемое: как индивид, принадлежащий к эволюционирующей расе, он носит в себе и наследие всей протекшей эволюции, и зачатки будущей» [5; с. 117].

Работа философа, получившая подходящее название: «Эволюция живого и задача пролетариата мысли и воли», имеет соответственное содержание. Автор повествует читателям о спиральности всего сущего, о космическом происхождении культуры и цивилизации. Выстраивая стройный ряд обоснований, Умов научно доказал эволюционность, т.е. справедливость Октябрьской Революции, и вообще всех социальных потрясений и катаклизмов с точки зрения космизма. В его труде говорится о том, что человеческое творчество создаёт «новую, вторую природу среди старой», внешней, вовлекает мёртвое, косное вещество в круговорот цивилизации и культуры» [5; с. 191]. Таким образом, речь идёт не только об ответственности человечества за свои действия, но и об ответственности за свои мысли, ведь любой деятельности предшествуют мыслеобразы.

Воля есть вместилище ответственности, эти две способности человеческого сознания сопряжены. Совесть, воля и ответственность коррелируют, хотя воля человека ограничена и мала в сравнении с космической волей. Повседневный опыт показывает, что только воля космоса абсолютна и беспредельна. На обыденном уровне именно ответственное состояние сознания характерно для зрелого взрослого человека и отличает его от младенца или подростка. В младенческом и пубертатном возрасте в сознании человека идёт процесс активного созревания качества ответственности, поэтому воспитателям дана отличная возможность сеять зёрна ответственности, которые прорастут в более поздний период жизни личности. О космогенезе ответственности и важности создания воспитательной среды для ребёнка точно написал Циолковский. «Ни у одного существа её, хотя бы превосходящего разумом человека в миллионы раз, нет воли и свободы действий с точки зрения внекосмической» [6; с. 63].

Выдающийся учёный и космист Циолковский утверждал, что истина может быть познана исключительно радостным сердцем и что жизнь беспредельна в своей сущности. Рефлексируя над социальными ожиданиями и чаяниями людей, философ пришёл к простому выводу, что суждено реализовываться лишь эволюционным событиям. Неоспоримая целесообразность мироустройства математически доказуема. Философ культивировал призыв к восторженному созерцанию вселенной, не только посредством телескопа, но и через осознание и исполнение законов космоса. Деятельное подражание вселенной должно стать целью и образом жизни ответственных граждан Земли.

Об абсолютной власти космоса у Циолковского встречаются следующие тезисы: «Мы должны помнить, что, помимо нашей условной воли, есть высшая власть вселенной. Потому-то наша воля, стремления, желания, как бы они прекрасны не были с нашей точки зрения, частенько не осуществляются. Они натываются на препятствия, которые мы не в силах одолеть. Это препоны со стороны космоса. В таком случае не нужно унывать, а следует утешать себя тем, что не настало ещё время для исполнения наших желаний, что надо ещё бороться, что самые наши желания могут быть ошибочны с высшей точки зрения и что надо ещё их проверить.

Власть вселенной проявляется ярче всего организацией живых разумных существ. Но и она ограничена, как бы ни была высока и могущественна. На земле имеем власть человека. Но как она ещё слаба! Космос то и дело ставит ему преграды» [5; с. 64].

По мысли Циолковского, мать – эпитет, обозначающий космос, а дитя – человек. Открыв космическую природу ответственности, философ намекает на взаимную ответственность друг перед другом космоса и человека, то и дело, сравнивая их. Ведь космос – живое существо. «Это и понятно, потому что происходит по её несовершенству, по её младенческому состоянию. Мать не даёт младенцу утонуть, упасть с крыши, гореть, погибнуть. Она позволяет слегка ушибиться или обжечься, чтобы он выучился ловкости, приобрёл знание и осторожность, необходимые для существования. Так поступает и космос с

человечеством. Воля последнего не исполняется и ограничивается, пока оно ещё не выросло и не достигло высшего разума [5; с. 65].

Циолковский дал точнейшие определения людям, избравшим путь служения науке. Философ указывал: «Двигатели прогресса – люди, ведущие всё человечество и всё живое к счастью, радости и познанию. Таковы: Люди, организующие человечество в одно целое. Также люди, открывающие законы природы, раскрывающие тайны вселенной, свойства материи. Объясняющие космос как сложный автомат, сам производящий своё совершенство [5; с. 74].

Среди духовных качеств личности философ обращает внимание читателей на качество чувствительности и сравнивает его с отзывчивостью; последняя по своим характеристикам очень напоминает концепт ответственности. «Отзывчивы все тела космоса. Мёртвые тела даже иногда отзывчивее живых. Так, термометр, барометр, гигроскоп и другие научные приборы гораздо чувствительнее человека. Отзывчива всякая частица Вселенной. Из известных нам животных чувствительнее всех человек» [5; с. 265]. Обладая чувствительностью, человек стал, награждённым ответственностью самим космосом. Циолковский называл себя панпсихистом и материалистом, но, по мнению автора данного исследования, является аутентичным представителем космизма.

Объективный анализ человека не должен предшествовать рефлексии над космическими процессами, поскольку человек, являясь результатом деятельности космоса, может быть лишь итогом познания. Этот тезис своим творчеством подтверждал Вернадский, который во всех окружающих человека явлениях видел проявления космоса. Ответственность в своих аксиологических воззрениях он рассматривал подчёркнуто в контексте планетной ответственности граждан Земли, а также в межпланетном масштабе. В своём самобытном учении о ноосфере В.И. Вернадский писал: «Совершенно очевидно, что существует определённое направление палеонтологической эволюции организованных существ и что появление в биосфере разума, сознания, направляющей воли этих проявлений человека – не может быть случайным» [5; с. 297].

У космиста А.Л. Чижевского встречаются экологические термины такие как: радиация и ответственность за чистоту нашей планеты. Философ, расставив свои акценты, напоминает читателям основы миропорядка и назначение человека на Земле. Данный тезис подтверждается следующими строками: «Наибольшее влияние на физическую и органическую жизнь Земли оказывают радиации, направляющиеся к Земле со всех сторон Вселенной. Наружный лик Земли и жизнь, наполняющая его, являются результатом творческого взаимодействия космических сил. Не Земля, а космические просторы становятся нашей родиной, и мы начинаем ощущать во всём её подлинном величии значительность для всего земного бытия и перемещения отдалённых небесных тел, и движения их посланников – радиаций...

Органическая жизнь только там и возможна, где имеется свободный доступ космической радиации, ибо жить – это значит пропускать через себя поток космической энергии в кинетической её форме» [5; с. 319].

Ответственность, как утверждает П.А. Флоренский, – способность отвечать своим функциям, по аналогии с органами тела. Каждый член тела отвечает за свою

работу. Своеобразная космическая органопроекция свидетельствует, что духовная энергетика всегда остаётся в частицах тела, ею оформленного, где бы и как бы они ни были рассеяны и смешаны с другим веществом. Следовательно, вещество, участвовавшее в процессе жизни, и притом жизни индивидуальной, остаётся навеки в этом круговороте, даже если концентрация жизненного процесса в данный момент и была чрезвычайно малой. Круговорот духа участвует в формировании пневматосферы. Предметы искусства обладают особой стойкостью, накопленных вещественных образований.

Энергетическую линию в космизме продолжил С.Н. Булгаков: «Задача космического и исторического процесса в том и состоит, чтобы этот огонь проник, согрел, осветил всю тварь, всю природу»[5; с.135]. Философ горел идеей Софии как ответственности человека (твари) перед Богом (творцом).

Тема «софийности хозяйства и души социализма» глубоко проникла в сознание философа. Следует отметить, что Булгаков свои трактаты всегда писал в занимательной форме, ведь поворот мысли в ходе его размышлений, как правило, непредсказуем: «В известном смысле хозяйственное поприще с различными его возможностями есть род судьбы для человека, а судьба эта состоит в том, что из отдельных хозяйственных актов – гетерогенией (с греч. «неоднородностью») целей – создаётся целый хозяйственный космос, в котором мы живём» [5; с. 143].

Выводы. Актуальность ответственности неоспорима, об этом свидетельствуют идеи философии космизма. Кроме того, исходя из космического подхода, очевиден практический смысл ответственности, который состоит в том, чтобы человечество поддерживало равновесие в мире через гармоничный образ жизни. Объединяясь вокруг главной цели – служения общему благу перед ликом космоса, – человечество устремляется к единству, а значит, расширяет возможности нашей планеты в космической перспективе.

Список литературы

1. Агни Йога. Справочник. В 3-х. т. Т.2. / Авторы-составители А.И. Рыженко, Н.Г. Толмачёв. – Х.: Торсинг, 2002. – 736 с.
2. Братство. Учение Живой Этики. Часть 1. М.: МЦР, 1996. – 278 с.
3. Платон. Диалоги / Платон; [Пер. С.А. Ананьина, С.К. Апта, Т.В. Васильева и др.]. – М.: Мысль, 1986. – 1506 с.
4. Рерих С.Н. «Будите в себе прекрасное...»: К 110-летию со дня рождения С.Н. Рериха. Сб. в 2т. / Сост. Д.Ю. Ревякин. – М.: Международный Центр Рерихов, 2015. – Т.1: 1938 – 1988. – 480 с., илл.
5. Русский космизм: Антология философской мысли. Сост. С.Г. Семёновой; Предисл. к текстам С.Г. Семёновой; Предисл. к текстам С.Г. Семёновой и А.Г. Гачевой; Прим. А.Г.Гачевой. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – 368 с., илл.
6. Циолковский К.Э. Очерки о Вселенной: Издание второе, дополненное / К.Э. Циолковский.– Калуга: Золотая аллея. 2001. – 284 с., ил.
7. Человек читающий. Homo legens. Писатели XX в. О роли книги в жизни человека и общества / Сост. С.И. Бэлза.– М.: Прогресс, 1983. – 454 с. 7

Sokolova A. B. Issues of Responsibility in Russian Cosmism Philosophy // Scientific Notes of Crimea Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 1. – P. 62-71.

Russian cosmism philosophy defines responsibility as harmonic combination of need for the preservation of memory of the past at the present moment and the definition of the ideals of the future. For some cosmists, like Fedorov, Sukhovo-Kobylin, Kholodny, responsibility applies to socio-political category. For some other cosmists, like Solovyov, Florensky, Berdyaev and Roerichs, it applies to the moral and ethical category. Third group of cosmists, like Tsiolkovsky, Vernadsky and Chizhevsky, apply it to scientific and technical category. Absolutely all consist philosophers believe that responsibility is a trait of a human soul which could unite all the humanity and establish warm, almost congenious bond between all nations.

To be responsible, by Plato, means to be able to respond with conscience. To be responsible, by Vernadsky, means to be a human being. To be responsible, by Florensky, means to follow spiritual principles of reason and conscience. For Solovyov, responsibility is consequence of love to God and to people. Kholodny treated responsibility as a result of cosmic evolution: there's a will of cosmos, and concentrated will of human being appears through his responsibility.

For most cosmists it was axiomatic, the idea that the sence of responsibility starts at the same place where conscience is being born - at the human heart. Therefore, responsibility, among other matters, can be applied to the sensual area. Appropriately, we assume that responsibility is a personal trait which means tendency for introspection and self-improvement. In other words, responsibility is an ability of a human being to organize and direct his actions to general prosperity according to the interests of society and the ability to foresee consequences of his actions.

Keywords: common good, cosmism, responsibility, philosophy of the heart, conscience.

References

1. Agni Yoga. Reference Book, 3 tomes. Tome 2. / Authors-Originators: Ryzhenko A.I., Tolmachyov N.G. – X.: Torsing, 2002. – 736 pages.
2. Brotherhood. Doctrine of Living Ethics. Part 1. – M.: MTsR, 1996. – 278 pages.
3. Plato. Dialogues / Plato. [Translation by Ananyin S.A., Apt S.K., Vasilyev T.V. and others] – M.: Thought, 1986. – 1506 pages.
4. Roerich S. N. "Awake Beauty Within Yourself": To the 110th Anniversary since the Birth of Roerich S. N., 2 Tomes / Originaged by Revyakin D. Yu. – M.: International Roerich Center, 2015. – Tome 1: 1938 – 1988. – 480 pages, Illustrated
5. Russian Cosmism: Anthology of Philosophical Thought. Originated by Semyonova S.G.; Foreword to Texts by Semyonova S.G.; Foreword to Texts by Semyonova S.G. and Gracheva A.G.; Comments by Gracheva A.G. – M.: Pedagogika-Press, 1993. – 368 pages, illustrated.
6. Tsiolkovsky K.E. Sketches about the Universe, Second Edition. – Kaluga: Golden Alley, 2001. – 284 pages, illustrated.
7. Reading Person. Homo Legens. Writers of 20th Century About a Role of a Book in Human Lives and Societies / Originated by Belza S.I. – M.:Progress, 1983. – 454 pages.

УДК: 316.485.6

КОНФЛИКТЫ СЕТЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ И ИХ ПРЕОДОЛЕНИЕ

Шатино О.А.

Статья посвящена проблеме урегулирования конфликтов, возникающих в пространстве коммуникативно ориентированных сайтов Интернета. Автор рассматривает виртуальные конфликты как некий коммуникативный тренд, которому необходимо противопоставить тренд «согласия». Реализация этого плана возможно на теоретических основаниях когнитивной теории конфликта А.Т. Ишмуратова и синтеза логического и прагматического подходов к исследованию аргументативных стратегий.

Ключевые слова: конфликт, согласие, аргументативная стратегия, виртуальная коммуникация, убеждение.

Современное общество, несмотря на тенденции глобализации, характеризуется выраженной гетерогенностью. Многонациональность и поликультурность оказываются благоприятной средой для возникновения разномасштабных противоречий во мнениях и точках зрения, которые требуют выработки путей своего разрешения еще до того, как простое противоречие перерастет в серьезный конфликт.

Впрочем, с точки зрения конфликтологии, любое противоречие конфликтом уже является, вопрос только в том, в какой момент и с каким результатом оно будет разрешено. Автор когнитивной модели конфликта А.Т. Ишмуратов подробно описал динамику развития конфликтной коммуникации, из которой видно, что превалирование конструктивных или деструктивных функций конфликта, реализуемых после его завершения, зависит от стратегий и тактик всех участников на каждой из стадий развития конфликтного противостояния [5]. Таких стадий четыре; для каждой из них характерны свои поведенческие и эмоциональные особенности, возможности и ограничения.

Латентная стадия. Ситуация еще не рассматривается участниками как конфликтная, но у ее участников возникает смутное переживание тревоги. Эта тревога относится к неясным ощущениям, что точки зрения (одобряемые ценности, отношение к одним и тем же событиям и пр.) не совпадают, и оказывается своеобразным маркером того, что в коммуникации «что-то пошло не так». А.Т. Ишмуратов называет конфликт «болезнью общения», и тревога – ее первый симптом.

Демонстративная стадия становится началом осознанного противостояния участников конфликта, когда противоречие точек зрения «всплывает на поверхность». Именно в этот момент происходит диалог между участниками конфликта, который может привести как к разрешению противоречия и плодотворному дальнейшему сотрудничеству сторон, так и к «холодной войне». Базовая эмоция, возникающая на этой стадии – гнев как результат несогласия; именно он оказывается наиболее труднопреодолимым препятствием для реализации модели критической дискуссии, предложенной голландской школой прагматической диалектики (в частности, Ф. ван Еемереном, П. Хоотлоссером и Р. Гроотендорстом [4]). Гнев мешает абсолютной рациональности критической дискуссии, превращая ее в идеальную модель, практически недостижимую (по крайней мере, труднодостижимую) на практике. Тем не менее, демонстративная стадия является ключевой при разрешении конфликта, и фактически все предлагаемые стратегии поведения в конфликте, нацеленные на его разрешение, относятся именно к этой стадии.

Агрессивная стадия развития конфликта начинается в тот момент, когда участники конфликта покидают стол переговоров (в прямом или переносном смысле слова), не придя к согласию. Ее основная характеристика – отказ конфликтующих сторон от непосредственной коммуникации, когда каждый «варится в своем соку», додумывая за оппонента его мысли, мотивы и планы. В результате формируется устойчивый «образ врага», проецируемый на оппонента, и возникает третья базовая эмоция конфликта – страх (для модератора в данном случае важно понимать, что речь идет не об опасениях перед реальной угрозой, а о страхе перед приписанными оппоненту мотивами и планами действий, которые, скорее всего, не соответствуют реальному положению дел).

Батальная стадия – это стадия войны, когда конфликтные стороны от переживания неуспеха на демонстративной стадии возвращаются к активным действиям. Однако на этот раз целью действий является не разрешение противоречия путем достижения консенсуса или убеждения оппонента в своей правоте, а нанесение оппоненту максимального вреда. Сущность изначального противостояния забывается, а сам конфликт может растянуться на долгие годы, и распутать его с каждым «ходом» участников становится все сложнее. В качестве базовой эмоции для батальной стадии развития конфликта выделяют ненависть (хотя ее статус как собственно эмоции вызывает вопросы, факт ее непосредственного переживания кажется достаточно очевидным).

Заметим, что такое видение динамики конфликта не является «общепризнанным» и сильно отличается от схемы, распространенной в большей части современной психологической и конфликтологической литературы: «предконфликтная ситуация – конфликт [инцидент – эскалация – завершение]»; при этом возможны терминологические отличия (например, Н.В. Гришина называет в качестве стадий возникновение объективной конфликтной ситуации, осознание ситуации как конфликтной, собственно конфликт и разрешение конфликта [1, с. 186]). Мы можем соотнести эти схемы следующим образом: латентной стадии развития будет соответствовать так называемая «предконфликтная ситуация»,

инцидент окажется точкой перехода от латентной к демонстративной стадии конфликта, а три основные стадии (демонстративная, агрессивная и батальная) войдут в понятие «эскалация». Завершением же конфликта может оказаться как его разрешение, так и «обрыв», связанный, например, с физическим уничтожением одной из сторон или «замораживание» конфликта на его агрессивной стадии (которое может растянуться на сколько угодно длительное время). Получается, что собственно динамика самого конфликта, его развитие, толком не рассматривается, а обозначается одной недифференцированной стадией «эскалация». Поэтому когнитивная модель в результате оказывается значительно эффективнее с точки зрения практики анализа и управления реальными случаями конфликтной коммуникации.

Итак, общая идея заключается в том, что на латентной стадии конфликтное противоречие еще не нашло своего явного и ясного выражения и потому не может быть разрешено, а конструктивное разрешение конфликта возможно только на демонстративной стадии – стадии диалога, дискуссии, когда все стороны стараются прийти к общей точке зрения. Именно в этом случае возможна актуализация позитивных функций конфликта и блокировка его функций негативных. При переходе же конфликта на более поздние стадии возникает вопрос: каким образом снова усадить всех его участников за стол переговоров? А.Т. Ишмуратов (и мы вслед за ним) полагает, что сделать это «вдруг», на батальной стадии развития, невозможно; для этого требуется последовательный возврат через агрессивную стадию, с постепенным снятием накопленных эмоций ненависти и страха.

В результате, проблема ставится под следующим углом: каким образом необходимо вести диалог, чтобы разрешить противоречие на демонстративной стадии развития конфликта? И ее решение, соответственно, должно лежать в предметном поле эристики и теории аргументации и заключаться в поиске некоторого набора аргументативных стратегий, позволяющих разрешать конфликты с наименьшими потерями для их участников, и при этом реально работающих, а не остающихся «красивыми идеализациями».

На сегодняшний день можно выделить три принципиально различающихся подхода к пониманию сущности аргументативных (коммуникативных) стратегий и пути их практического формирования. Логический подход представлен в работах логиков и теоретиков аргументации с явной доминантой прагматодialeктических взглядов; лингвистический активно формируется сегодня в работах отечественных филологов и лингвистов, а прагматический представлен в практических рекомендациях для маркетологов.

Относя себя к когорте логиков, начнем именно с этого определения – и будем считать его базовым в понимании аргументативной стратегии как явления. Ф. ван Еемеерен и П. Хоотлоссер определяют аргументативную стратегию как методическое планирование действий, оказывающих влияние на исход определенной диалектической стадии или дискуссии в целом в чью-либо пользу, которое проявляется в систематическом, координированном и одновременном использовании возможностей, соответствующих данной стадии [4, с. 15]. Конечно, нам оно подходит не идеально, поскольку возможность реальной реконструкции

критической дискуссии в ситуации конфликта стремится к нулю; однако, попробуем сохранить базовую интенцию данной интерпретации аргументативной стратегии. Далее будем называть аргументативной стратегией методическое планирование действий, оказывающих влияние на исход (эффективность) процесса убеждения, и проявляющееся в систематическом, координированном и одновременном использовании возможностей, соответствующих конкретному контексту аргументации. Соответственно, базовые классификации аргументативных стратегий в логической традиции могут быть построены на основании оценки выбора и способа использования аргументативных возможностей (тактик, приемов, уловок) с точки зрения их эффективности – «выигрышности», если говорить в терминах теории игр и теоретико-игровой семантики, являющейся наиболее удачной интерпретацией конфликта-игры в логике [7]. В целом, мы можем говорить о семантическом подходе к аргументации, где средства ее выражения исследуются с точки зрения их соотносительности со значением для исхода дискуссии; причем большая часть исследований носит нормативный характер (т.е. представлена в виде набора правил, как нужно строить аргументацию, чтобы ей можно было приписать значение «выигрышной»).

Лингвистическая традиция исследует аргументативные структуры преимущественно на конкретном материале; при этом основное внимание уделяется конкретным приемам и тактикам убеждения. Так, например, К. Гудкова приводит такое определение: аргументативная стратегия – комплекс речевых действий (тактик-аргументов), объединенных общим коммуникативным намерением [2]. Соответственно, и классификация стратегий строится на основании выделения наиболее часто используемых аргументатором тактик; в узком смысле слова «аргументативной» считается лишь одна из стратегий (та, в которой используются преимущественно дедуктивные схемы рассуждений), а акцент делается на средствах. Филологи выбирают дескриптивный путь исследования стратегий, используя для анализа конкретный материал (тексты выступлений политика, тексты с одного сайта), выделяя формальные разновидности этих текстов на основе лексических характеристик и присваивая им названия тактик или стратегий (причем сами понятия тактики и стратегии зачастую смешиваются). Этот подход можно рассматривать как синтаксический, поскольку центральную роль здесь играют проблемы соотношения различных тактик внутри одной аргументативной стратегии.

Что касается маркетологов, то здесь речь идет о практико-ориентированном подходе, а стратегии рассматриваются как непосредственный план действий, направленный на повышение продаж. Здесь речь практически не идет о теоретизировании и классификации; не дается и непосредственное определение аргументативных стратегий. Мы можем говорить скорее о стихийном, прагматически ориентированном нормативном подходе, выражающемся в предложении последовательного набора шагов, которые должны послужить восприятию адресатом аргументативного посыла тем или иным образом. Эти шаги – выбор и анализ целевой аудитории, распространение информации, формирование позитивного образа бренда и т.д.; при построении аргументативной стратегии

нового типа, уместной для разрешения конфликтов в виртуальной коммуникации, этот подход является неожиданно эффективным.

Далее мы будем говорить о способах поиска согласия в пространстве виртуальной коммуникации (имея ввиду преимущественно социальные сети и блоги) и попробуем сформулировать прагматическую модель создания стратегии разрешения конфликта «в сети», основанную на маркетинговых рекомендациях, но при этом опирающуюся на теоретические основания логического подхода. Однако, для этого нам необходимо еще одно небольшое теоретическое отступление, связанное с уточнением специфики виртуального взаимодействия. Приведем его важнейшие характеристики.

Анонимность. «Среднестатистический автор» социальной сети имеет полное право и возможность сохранять большую или меньшую степень анонимности – от присваивания себе произвольных имен и аватаров до частичной дезинформации широкой общественности касательно собственной личности при заполнении полей профиля форума, блога или социальной сети. При этом многие пользователи расценивают анонимность как неоспоримое преимущество сетевого общения, а ее ограничение расценивают как нарушение собственных прав и свобод [3].

Безответственность во многом вытекает из анонимности. Несмотря на угрожающие разговоры о том, что при необходимости всегда можно выяснить IP-адрес пишущего, фактически большая часть виртуального контента остается анонимной и ответственность говорящего за сказанное нивелируется.

Заражаемость проявляется в виртуальном пространстве как волна «репостов», «лайков» и схожих статусов. Причем наибольшее количество «репостов» получают эмоциональные, личностно ориентированные сообщения о социально значимых событиях¹, – а ведь заражаемость как раз и базируется в первую очередь на эмоциональной сфере.

Повышение эмоциональности восприятия действительности. Анонимность и безответственность провоцируют более резкие формулировки при виртуальном общении, нежели при общении лицом к лицу. Т. И. Стексова на основании анализа оставляемых в Интернете комментариев делает вывод, что речевая агрессия является характерной для виртуального пространства, маркирует оппозицию «свой-чужой» в Интернет-коммуникации и создает общий агрессивный эмоциональный фон виртуального дискурса [6, с. 22]. Впрочем, противовесом этой вербальной агрессии оказываются комментарии, связанные с личной информацией, размещаемой знакомыми (в первую очередь – фото), изобилующие часто преувеличенными комплиментами и выражением восхищения.

¹ Например, один из постов украинской волонтерской организации о ситуации в Донбассе был опубликован 1320 раз различными пользователями социальной сети facebook. – Фонд Дианы Макаровой, сообщение от 27.10.2014., <https://www.facebook.com/fondDM/posts/1521908428067930?fref=nf>

Эти четыре пункта каузально связаны между собой; ключевыми для нашего дальнейшего анализа будут анонимность и агрессивность. Их осмысление наводит на мысль, что традиционные схемы достижения согласия могут оказаться не подходящими для разрешения противоречий в Сети, и необходимо искать новые стратегии разрешения конфликтов для Интернет-сообществ.

При построении стратегии достижения согласия необходимо в первую очередь уточнить цель стратегии. Она не так очевидна, как кажется на первый взгляд. Предполагается, что существует некий реальный конфликт точек зрения, для разрешения которого необходим конструктивный диалог и взаимные уступки. Но исследование реальных эпизодов виртуальной коммуникации, приводит к выводу, что часто существующие в ней конфликты точно так же виртуальны. Конфликт стал «трендом». Несогласие, выражение протеста, «троллинг» в социальных сетях и блогах сегодня зачастую является не отражением реальных противоречий, но «модным» поведением (вспомним известный мем «в Интернете кто-то неправ»). Соответственно, с «врагом» имеет смысл бороться его же методами: если конфликт оказывается не реальным, «спором ради спора», то его разрешение должно основываться не на выявлении и устранении противоречий (поскольку их в сущности-то и нет), а на формировании моды на новую модель поведения. Или, как сказали бы маркетологи, решение проблемы должно заключаться в продвижении бренда «Согласие».

Раскручивая далее эту аналогию, можем выделить несколько шагов формирования соответствующей стратегии продвижения бренда:

Выбор и анализ целевой аудитории. При постановке глобальной цели тиражирования идеи согласия, видимо, можно говорить о попытке полного охвата аудитории Интернет-пользователей; тогда ее целесообразно будет разделить на подгруппы соответственно демографическим показателям, уровню образования и прочим критериям; для каждой из таких групп будет необходимо разрабатывать собственную стратегию.

Распространение информации: что, где, когда – и, главное, как. Выбор платформ зависит непосредственно от целевой аудитории; при этом, видимо, наиболее посещаемыми на сегодняшний день являются социальные сети. При этом необходимо помнить, что сегодня большей части реципиентов наиболее убедительными кажутся сообщения, снабженными визуальными (фото или видео) подтверждениями; более того, ряд пользователей при просмотре френд-ленты в социальной сети или блоги реагирует преимущественно на картинки (сегодня даже существует мем «картинка для привлечения внимания»).

Формирование «позитивного образа бренда», которое может выглядеть как формирование «положительного воспоминания», определенного эмоционального отношения или рационального знания о конкретных выгодах принятия идеи согласия. При тиражировании идеи согласия, бесконфликтности имеет смысл говорить как о конкретных экономических выгодах для каждого члена целевой аудитории, так и формировании «мифа о золотом веке» (в зависимости от сути и сферы конфликта – с обращением к позитивным воспоминаниям о прошлом опыте мира и/или формированием объемной картинки желаемого будущего).

Собственно, убеждение. С точки зрения теории аргументации, если медиатор (а именно такую роль в данном случае будет играть автор блога/странички, «продающей» идею согласия) стремится к полному разрешению противоречий в конфликте, то он будет использовать логически корректную аргументацию, избегая манипуляций. Однако, такой подход в корне противоречит идее маркетинга, где главная задача – «продать», и разнообразные манипулятивные техники преимущественно поощряются. Если речь идет о конфликтах «трендовых», когда спор является просто привычной моделью поведения и не имеет под собой реальных противоречий, более эффективным окажется использование продающих тактик со всеми соответствующими приемами влияния.

Предполагается, что в острых социальных ситуациях набор стратегий «продвижения» мирного пути коммуникации позволит значительно смягчить эмоциональный фон и исключить раздутые из ничего конфликты. В результате вскроются реальные противоречия, обсуждение которых станет на основе взаимной установки на сотрудничество значительно конструктивнее.

Список литературы

1. Гришина, Н. В. Психология конфликта / Н.В. Гришина. – СПб.: Питер, 2008. – 544 с.
2. Гудкова, К. В. Когнитивно-прагматический анализ аргументации в аналитической газетной статье (на материале британской прессы) : автореф. дис. канд. филол. наук : 10.02.04 / К.В. Гудкова. – СПб., 2009. 24 с.
3. Дружинникова, А. Интернет сегодня. 2012. ВЦИОМ [Электронный ресурс] / А. Дружинникова. – Режим доступа: http://www.old.wciom.ru/fileadmin/news/2012/Duzhnikova_internet-2012_wciom.pdf
4. Еемеерен, Ф. Аргументация и разумность. О поддержании искусного баланса в стратегическом маневрировании / Ф. ван Еемеерен, П. Хоотлоссер // Мысль: Аргументация: Сб. статей / под ред. А. И. Мигунова, Е. Н. Лисанюк. – СПб., 2006. – С. 7-22.
5. Ишмуратов, А.Т. Конфлікт і згода: основи когнітивної теорії конфліктів / А.Т. Ишмуратов. – Київ: „Наукова думка”, 1996. – 191 с.
6. Стексова, Т. И. Речевая агрессия в Интернет-комментариях как проявление социальной напряженности / Т.И. Стексова // Политическая лингвистика. – 2013. – №3. – С. 77-81.
7. Хинтиikka, Я. Теоретико-игровая семантика / Я. Хинтиikka // Логико-эпистемические исследования: Сб. избр. статей / Я. Хинтиikka. – М.: Прогресс, 1980. – С. 245-351.

Shapiro O.A. The Web Communication Conflicts and Their Overcoming // Scientific Notes of Crimea Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 1. – P. 72-79.

The article is dedicated to the problem of setting conflicts, which arise on the communication oriented sites in the Internet. The author considers virtual conflicts as a specific brand of modern virtual communication, especially in a space of social networks. So, the adequate answer to it would be creating the new brand – “accordance”; ad it is necessary to find an effective argumentative strategy for its promotion. Formulating the strategy is possible only on the strong theoretical grounds. The author proposes to use the cognitive theory of the conflict which is worked out by the Ukrainian philosopher and logician A.T. Ishmuratov,

especially his ideas concerning of conflict dynamics. Moreover, we should take into account the most important features of virtual communication: anonymity, irresponsibility, ability to pollute, increased emotionality. And the third number in the theoretical grounds is choice of argumentative approach; the author offers to synthesize a logical approach and the pragmatic one.

Keywords: conflict, accordance, argumentative strategy, virtual communication, persuasion.

References

1. Grishina N. Psychology of Conflict / N. Grishina. – St. Petersburg, 2008. – 544 p.
2. Gudkova K. Cognitive-Pragmatic Analysis of Argumentation in the Analytical Paper Article (on the British press matter). Abstract of Ph.D thesis / K. Gudkova. – St. Petersburg, 2009. – 24 p.
3. Druzhinnikova A. The Internet Today. 2012. [Electronic resource] / A. Druzhinnikova. – Access mode: http://www.old.wciom.ru/fileadmin/news/2012/Duzhnikova_internet-2012_wciom.pdf
4. Eemeren F. Argumentation and Rationality / F. van Eemeren, P. Houtlisser // The Thought: Argumentation / Ed. By Migunov A., Lisanyuk E. – 2006. – Vol. 6. – P. 7-22.
5. Ishmuratov A. Conflict and Agreement: the Cognitive Theory of Conflict Grounds / A. Ishmuratov. – Kyiv, 1996. – 191 p.
6. Steksova T. Speech Aggression in Internet Comments as Social Stress Demonstration / T. Steksova // Political Linguistics. – 2013. – №3. – P. 77-81.
7. Hintikka J. Game-Theoretical Semantics / J. Hintikka // Logical-Epistemology researches. – Moscow, 1980. – P. 245-351.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 1 (67). 2015. № 1. С. 80–88.

УДК 355.01

«ГИБРИДНАЯ ВОЙНА» КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ПРОВОКАЦИЯ

Першин Ю. Ю.

Понятие «гибридной войны/угрозы» используется в настоящее время довольно часто, однако при близком рассмотрении оказывается, что авторы вкладывают в него различные смыслы и значения. На наш взгляд, это понятие неустойчивое, не поддающееся детальной классификации, но оно теоретически притягательно в силу того, что оно может вместить в себя большое количество смыслов. При значительной регламентации военной сферы в США, подобное размытое понятие является неким «спасательным кругом» для авторов, желающих избежать классификационной работы. Следует заметить, что термин «гибридная война / угроза» также является своего рода очередным «интеллектуальным вирусом» (термин Г. Айзенкота, Начальника Генерального штаба Армии обороны Израиля), разработанным по результатам опыта, полученного в ходе Второй Ливанской войны 2006 г. Такое утверждение также подтверждается тем, что некоторые авторы, далекие от военной теории, используют это понятие весьма бездумно. На наш взгляд, следует обратить внимание на авторов, которые в своих работах, не менее фундаментальных, чем работы их американских коллег, могут описать все возможные комбинации современных методов ведения боевых действий без обращения к новомодному расплывчатому понятию «гибридная война».

Ключевые слова: гибридная война; гибридная угроза; гибридный противник.

Модная концепция «гибридной войны», которая в настоящее время упоминается очень часто, соотносится с именем военного теоретика Франка Хоффмана, а также с его работой “Conflict in the 21-st century. The rise of hybrid wars”. В этой работе он сделал попытку найти некое среднее звено между существующими в американской военной концептуалистике определениями войны, ведущийся традиционными способами (традиционной войны), и войны, ведущейся нетрадиционными способами (нетрадиционной войны). Признаем, это не очень удачный перевод *regular or irregular warfare*. Более точный перевод, применительно к ситуации, был бы: войны, в которых участвуют государственные военные структуры и войны, в которых участвуют негосударственные военные структуры.

Именно в этом и состояла первоначально сущность «гибридной войны», как определял ее Ф. Хоффман.

Сам Ф. Хоффман, отмечая актуальность такого подхода, замечает, что проблемы, с которыми столкнутся западные военные в будущем, не укладываются в теории, которые существуют в настоящее время. Это явно продемонстрировала так называемая Вторая ливанская война между Израилем и Хизбаллой, прошедшая летом 2006 года. Во время боевых действий Хизбалла очень хорошо продемонстрировала возможности негосударственных структур обнаруживать уязвимые места противника, организующего боевые действия в соответствии с западной военной доктриной (оказавшейся достаточно негибкой), а также принимать соответствующие контрмеры [4, р.8].

Хоффман приводит слова лидера Хизбаллы шейха Хассана Насраллы (здесь и далее перевод с английского мой – **Ю.П.**): «Сопrotивление выдержало наступление противника и отбило его. Оно также не вело партизанской войны... сопротивление представляло собой не регулярную армию, но и не партизан в традиционном смысле. Это было нечто среднее. Это была новая модель» [5].

В связи с этим Хоффман считает, что, вместо множества угроз с фундаментально различными способами ведения боевых (традиционным и нетрадиционным или террористическим), Запад может столкнуться с противником, который будет использовать все формы войны и различные тактики, причем все одновременно. Активность криминальных элементов также, по мнению Хоффмана, является частью этой проблемы, так как она служит большей дестабилизации местных органов власти и содействует повстанцам / нерегулярным вооруженным формированиям посредством снабжения их ресурсами, проводя подрывные действия, расшатывающие государственную власть и законность. Исходя из такого понимания войны, с которой столкнулся Запад, и с которой еще придется ему столкнуться, Хоффман дает свое понимание гибридных войн, которые включают в себя целый спектр различных режимов ведения войны, в том числе – конвенциональные силы и средства, нетрадиционную тактику и формирования, террористические акты, включая неизбирательное насилие и криминальные беспорядки; такие войны, по его мнению, могут вестись государствами или политическими группами [4, р. 58].

Следует признать, что за последующие годы у Хоффмана появились как сторонники, развивающие концепцию гибридных войн, так и оппоненты, которые отнеслись к этой концепции достаточно критически.

Маргарет Бонд, вслед за Хоффманом, считает, что войны следующего столетия будут представлять собой своего рода гибридные войны, с использованием всех составляющих государственной власти по всему спектру деятельности – от операций по достижению стабильности, безопасности и проведению реформирования до вооруженной борьбы [1, р. 4]. Парадигма гибридной войны, по М. Бонд, требует нового подхода к использованию вооруженных сил США в более масштабной войне, противостояние в которой варьируется от сугубо мирных гуманитарных миссий, применяемых в качестве превентивных мер, до создания враждебной обстановки посредством традиционных военных операций с

применением традиционных стратегий ведения боевых действий и постконфликтной стабилизации обстановки и восстановления, когда безопасность и мирное существование вытекают из экономического процветания и политического статуса.

М. Бонд также полагает, что гибридная война предусматривает применение большого разнообразия сочетаний военной деятельности, ресурсов, программ, предназначенных для максимально ненасильственного, но убедительного экономического и политического давления на недружественные правительства, политические движения с целью их реформирования или замены в условиях политической, социальной и экономической нестабильности, характерной для несостоятельных государств.

Гибридная война также включает в себя использование всего спектра возможностей военной разведки, поставки нетрадиционного (в том числе нелетального) оружия, вспомогательных подразделений и оборудования, которые могут быть немедленно применены в случае, если оппозиционные элементы регулярных ВС или нерегулярные силы (повстанцы, террористы или другие негосударственных субъекты) проявят открытую враждебность и станут представлять собой непосредственную угрозу, в том числе и указанной невраждебной деятельности [1, р. 4].

Еще более общее описание гибридных войн дает Джон МакКуэн, который пишет, что гибридные конфликты представляют собой войны с применением полного спектра сил и средств, как в физическом, так и в концептуальном измерении. Первые – это борьба против вооруженного противника, а последние – более широкая борьба за дружественное настроение и приобретение поддержки коренного населения в зоне боевых действий с целью осуществления контроля над ним, а также борьба за сохранение своей внутренней безопасности и за поддержку международного сообщества. Для обеспечения безопасности и стабилизации обстановки в местах проживания местного населения, вторгающиеся силы должны немедленно установить или восстановить безопасность, необходимые службы, местное управление, силы самообороны и необходимые элементы экономики [10].

Приведенные выше в качестве примеров расширенные объяснения сути «гибридной войны» все же являются развитием теоретических выкладок Хоффмана. Это проработанное мнение компетентных специалистов, таких, как М. Бонд, Дж. МакКуэн и многих других, как профессиональных военных, так и военных теоретиков. Они неизбежно расширяют первоначальный смысл, заложенный в это понятие. Дискуссии о природе «гибридной угрозы» и «гибридных войн» привели к некоторому результату – к уточнению определения «гибридной угрозы», которое в согласованном варианте было принято на конференции, посвященной гибридным войнам, проведенной ОК ВС США 24 февраля 2009 года. Оно приводится Р. Гленном в следующей формулировке. Гибридная угроза (1): любой противник, который одновременно и применительно к ситуации использует в оперативном боевом пространстве сочетание традиционных, нетрадиционных средств, терроризм и преступные организации. Гибридная опасность или гибридный противник может представлять собой не единого субъекта, а сочетание государственных и

негосударственных субъектов [7]. Гибридная угроза (2): Противник, который одновременно и применительно к ситуации использует сочетания (а) политических, военных, экономических, социальных и информационных средств, и (б) конвенциональных (традиционных), нетрадиционных, террористических и подрывных / преступных способов ведения военных действий, а также ведение боевых действий посредством генерирования катастроф и стихийных бедствий. Гибридная угроза может представлять собой сочетание государственных и негосударственных субъектов.¹

Следует заметить, что Р. Гленн относится к числу критиков концепции «гибридной войны». Он приводит слова генерала Гади Айзенкота о том, что в военную доктрину Армии обороны Израиля был внедрен некий «интеллектуальный вирус» (он имел виду американскую доктрину «операции на основе эффектов», effect-based operations (ЕВО), оформившуюся после операции ВС США «Буря в пустыне» в 1991 году). По словам генерала, офицеры АОИ потеряли много времени, изучая эту доктрину, которая на практике, во время второй Ливанской войны (2006), показала свою полную несостоятельность.

Аналогично Гленн критикует концепцию Г. Хоффмана за недостаток убедительности, когда при достаточно большом инструментарии описания конфликтов и войн Хоффман, фактически, начинает «плодить сущности», которые могут в дальнейшем сыграть роль упомянутого Гленном «интеллектуального вируса»². Самый известный гибрид в животном мире – это мул, продукт спаривания лошади и осла, пишет Гленн. Мул бесплоден; он не может размножаться. Необходимо изучать эволюции лошадей и ослов, чтобы понять потенциал характера будущих мулов. Метафора верна и для изучения того, что называют гибридными конфликтами. Новый термин может стимулировать обсуждение для лучшего понимания современной войны. Однако гибридный конфликт, в конечном счете, является концепцией, характер которой лучше описан в терминах других конструкций, которые обеспечивают превосходную четкость и будут лучше поняты исследователями конфликтов. «Гибриду» не удастся справиться со своей задачей и поэтому эта концепция не должна достичь статуса формальной доктрины [7]. Хоффмана задело замечание Гленна, сравнивающее его новую концепцию гибридных войн с «интеллектуальным вирусом», и в свое оправдание он говорит о

¹ Там же Р. Гленн пишет [7], что это определение дано им в его работе Russell W. Glenn, *Evolution and Conflict: Summary of the 2008 Israel Defense Forces-U.S. Joint Forces Command "Hybrid Threat Seminar War Game,"* Santa Monica, CA: RAND, TBP, 2009. Этот документ, по его словам, закрыт для общего пользования. Упоминание «ведения боевых действий посредством генерирования катастроф и стихийных бедствий» включает в себя следующие события, которые определяются как «любая природная или техногенная катастрофа, в том числе и террористический акт, повлекшие за собой чрезвычайно высокую смертность среди населения, разрушения инфраструктуры, ущерб окружающей среде, экономике, общественной морали и органам государственного управления» (Joint Publication 1-02, *Department of Defense Dictionary of Military and Associated Terms*, Washington, D.C.: Joint Chiefs of Staff, April 12, 2001 с исправлениями от 17 октября 2008, с. 79).

² Впервые Р. Гленн упоминает о таком «интеллектуальном вирусе» в работе [8].

том, что нельзя запретить думать, и если бы таких «вирусов», типа «гибридных угроз» и «адаптивного противника» было больше в конце 90-х годов, то американская теоретическая мысль избежала бы некоторых абсурдных концепций ведения боевых действий [5]. Тем не менее, Р. Гленн считает, что «гибридная война/угроза» как концепция является слабой и не достигающей уровня формальной доктрины [7].

Другие критики «гибридной угрозы», Дэвид Садовски и Джефф Беккер совершенно разумно замечают, что слишком узкое определение «гибридности» упустит важные черты того, что описывается, а слишком широкое определение ничего не определяет. В случае с «гибридной угрозой» попытка определить «гибридность» ведет к смешению концепций. Вместо определения «гибридной угрозы», по их мнению, Хоффман предлагает формулировку, которая, фактически, описывает весь спектр военных операций и, по мнению авторов, не содержит ничего определенного, что, в конце концов, приводит к вопросу: «и что же в гибридной угрозе нового»? Д. Садовски и Дж. Беккер считают, что положительной чертой определения «гибридной» угрозы, данной Хоффманом, является то, что оно констатирует ее сложность и многокомпонентность. Однако недостатком этого определения является то, что оно не дает представления о том, какие силы и средства должны быть задействованы и каким образом использованы для борьбы с этой «гибридной» опасностью.

В свою очередь, Д. Садовски и Дж. Беккер предлагают свое понимание военных действий, говоря о существовании двух разновидностей или подходов: материального (material) и когнитивного (cognitive). В соответствии с первым подходом, превосходство над противником в материальных силах и средствах является решающим, и с его помощью происходит уничтожение, захват, силовой физический контроль противника или принуждение его к капитуляции. «Когнитивная» разновидность боевых действий подразумевает превосходство «разума над материальным», т.е. воздействие на волю и психику противника: это разрушение, введение в заблуждение, устранение, переубеждение, подрывная деятельность. Здесь происходит вмешательство в умственные процессы, чувства, убеждения, эмоции, поведение, решения.

Концепция любого военного теоретика, в том числе и концепция «гибридности» военной угрозы, по мнению Д. Садовски и Дж. Беккера, может быть описана в терминах смешения / сочетания указанных выше подходов / разновидностей ведения боевых действий. При этом степень привлечения каждой разновидности ситуативна [12].

Брайен Флеминг, которого вряд ли можно отнести к критикам Ф. Хоффмана, пишет, что историк Т. Хубер, который в 1996 году ввел термин «смешанная война», описав феномен совместного ведения боевых действий регулярными и нерегулярными силами и подразделениями (практически совпадает с идеей Хоффмана о совместном проведении боевых действий государственными и негосударственными военными структурами), определяет этот термин как «систематическое и целенаправленное объединение регулярных и нерегулярных сил» [6, pp. VII, 91]. При этом в личной переписке с Б. Флемингом Т. Хубер,

понимая аналогичность своего определения «смешанной войны» определению «гибридной войны» Хоффмана, указывал на то, что последнее является новым определением для старого феномена [3, р. 16]³. Такого же взгляда на «новизну» концепции Хоффмана придерживается и Ю. Райтасало (вооруженные силы Финляндии) [11].

А. Эчеваррия считает, что в отношении «гибридной угрозы» важна не терминология, а сама идея, которая, по его мнению, своим появлением иллюстрирует концептуальные недостатки военной мысли США. И огромное количество определений «войны», по его мнению, является показателем того, что, во-первых, авторы концепций еще не пришли к пониманию войны как войны, а не как сражения «с большой буквы», а во-вторых, американская военная мысль испытывает трудности с холистическим видением войны как явления многогранного и динамичного [2, Р. 25].

Действительно, можно согласиться с А. Эчеваррия по поводу множества определений, в том числе и определений «гибридной войны/угрозы», которых становится все больше и некоторые из которых не соответствуют критерию адекватности. Авторы новых определений зачастую расширяют первоначальный смысл, заложенный в это понятие. И это, на наш взгляд, неизбежный процесс. Дело в том, что, как мы видим из справедливой критики, изучаемое здесь понятие неустойчивое, в него можно включить все, что угодно, не поддающееся детальной классификации, что авторы и делали. «Интеллектуальный вирус», по нашему мнению, может, как это уже было доказано практикой Второй Ливанской войны, мало соответствовать реальности, но быть теоретически притягательным в силу того, что он может вместить в себя что угодно. При значительной регламентации военной сферы подобное размытое понятие является своего рода «спасательным кругом», способным вместить в себя все и избежать нудной классификационной работы. Перефразируя А. Эчеваррия, можно сказать, что война постоянно хочет выйти из прокрустова ложа «битвы с большой буквы», в которое её старательно втискивают многочисленные авторы.

Однако, следует коснуться и курьезного употребления понятия «гибридная война», ставшего в последнее время расхожим. Создается впечатление, что авторы статей вообще не читали статей американских военных теоретиков. Так как употребляют это понятие относительно конфликтов, в которых они, во-первых, представляют одну из заинтересованных сторон, а во-вторых, употребляют его как синоним коварства, подлой хитрости и пр.

³ Здесь Б. Флеминг дает ссылку на свою переписку с Томасом Хубером (Huber, Author's discussion with Dr. Thomas Huber, 30 November 2010, Fort Leavenworth. Kansas). Флеминг также пишет, что Т. Хубер, критикуя Ф. Хоффмана, считает, что тот, выводя свою концепцию «гибридной войны» из концепции «смешанной» войны, дает ей неверную характеристику и даже опошляет ее. Ссылка на комментарии Т. Хубера (Thomas Huber, "Huber Comments on Hybrid Warfare and Compound Warfare," CGSC Blog response, 12 February 2009, Fort Leavenworth, KS. <http://usacac.army.mil/blog/blogs/hist/archive/2009/02/12/huber-comments-on-hybrid-warfare-and-compound-warfare-for-dmh-faculty-and-others-interested.aspx> (Accessed 1 December 2010), дана в работе Б. Флеминга [3]. Хизбалла, по мнению Т. Хубера, это повстанцы, которые используют новые технологии, но у них нет обычных вооруженных сил, чтобы вести смешанные войны.

Пол Гобл в статье «Сталин, а не Владимир Путин изобрел гибридную войну» [9] ссылается на В. Воронова [14], который, в свою очередь (в статье «“Зеленые человечки” Сталина: “гибридная война” была впервые опробована вовсе не в Крыму») пишет, что ничего сверхнового в «гибридной войне» нет: «Все это, в той или иной мере, той или иной комбинации элементов, практиковалось задолго до появления «зеленых человечков» Путина в Крыму и в Донбассе. Но поскольку таких терминов тогда не было, в закрытых документах ее именовали «активной разведкой», в открытых – партизанскими действиями, повстанческим движением или, позже, народно-освободительной борьбой и национально-освободительным движением. По этому поводу следует заметить, что, к примеру, М. Бонд считает, что элементы гибридной войны применялись еще в войне между Египтом и Вавилоном в VI в. до нашей эры [1, р. 16].

В связи с рассмотренными мнениями авторов, на наш взгляд, представляется целесообразным обратить внимание на отечественных авторов, чьи разработки не менее фундаментальны, чем американские, и при этом в них не употребляются вводящие в заблуждение термины, наподобие «гибридной войны». К примеру, в своей работе «Основные направления развития традиционных и нетрадиционных средств ведения войны и защиты от них» В. А. Владимиров [13] помимо традиционных, нетрадиционных (в которые входит оружие, основанное на новых физических и других принципах, нелетальные средства поражения), пишет о «невоенных средствах насилия». Невоенные средства насилия, пишет автор, это совокупность социальных институтов (организаций), правовых норм, духовных ценностей, информации и технических систем общего назначения, используемых государством для воздействия на внутренние и внешние отношения с целью укрепления военной безопасности страны, решения политических, экономических и иных проблем в противоборстве с другими государствами. К невоенным средствам насилия относятся политико-дипломатические, правовые (международные и внутригосударственные), экономические, идеолого-психологические, информационные, гуманитарные, разведывательные, технологические, а также общественная (неправительственная) оборона. Эти средства обычно применялись, применяются и, вероятно, в будущем так и будут применяться в совокупности, создавая кумулятивный (системный) эффект. Таким образом, автор без применения новомодного и расплывчатого термина «гибридная война» упоминает все современные способы ведения боевых действий и противостояния, которые другие авторы имеют в виду, иногда совершенно бездумно употребляя этот, действительно, некий «интеллектуальный вирус».

Подводя итог рассмотрению понятия «гибридная война», следует сказать, что его определение выросло из краткого описания Ф. Хоффмана до внушительного объема, став настолько широким, что потеряло не только свой первоначальный смысл, но и смысл вообще.

Список литературы

1. Bond M. S. Hybrid War: A New Paradigm for Stability Operations in Failing States. – Carlisle Barracks, PA: U.S. Army War College, 2007. – 25 p.
2. Echevarria II, Antulio J. Preparing for One War and Getting Another? – Carlisle Barracks, Pa: Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, September 2010. – 38 p.
3. Fleming B. P. The Hybrid Threat Concept: Contemporary War, Military Planning and the Advent of Unrestricted Operational Art. – Fort Leavenworth, Ks: School of Advanced Military Studies, 2011. – 85 p.
4. Hoffman F. G. Conflict in the 21-st century. The rise of hybrid wars. – Arlington: Potomac Institute for policy studies, 2007. – 72 p.
5. Further Thoughts on Hybrid Threats [Электронный ресурс] / F. G. Hoffman // Small Wars Journal – 2009. – March 02. – Режим доступа: <http://smallwarsjournal.com/jrnl/art/further-thoughts-on-hybrid-threats>
6. Huber T. M. Compound Warfare: A Conceptual Framework // Compound Warfare: That Fatal Knot. Thomas M. Huber, ed. – Fort Leavenworth, KS: US Army Command and General Staff College Press, 2002. – 319 p.
7. Thoughts on “Hybrid” Conflict [Электронный ресурс] / R. W. Glenn // Small Wars Journal – 2009. – March 02. – Режим доступа: <http://smallwarsjournal.com/jrnl/art/thoughts-on-hybrid-conflict>
8. Glenn R. W. All Glory Is Fleeting. Insights from the Second Lebanon War. – Santa Monica, Ca Rand: National Defense Research Institute, 2012. – 97 p.
9. Stalin Invented Hybrid War, not Vladimir Putin, Archival Record Shows [Электронный ресурс] / P. Goble – Режим доступа: <http://www.interpretermag.com/stalin-invented-hybrid-war-not-vladimir-putin-archival-record-shows/>
10. McCuen J. J. Hybrid Wars // Military Review. – Fort Leavenworth, Ks: Combined Arms Center, March-April 2008. – Pp. 107-113.
11. Hybrid Warfare: Where’s the Beef? [Электронный ресурс] / J. Raitasalo // War on the rocks – Режим доступа: <http://warontherocks.com/2015/04/hybrid-warfare-wheres-the-beef/>
12. Beyond the “Hybrid” Threat: Asserting the Essential Unity of Warfare [Электронный ресурс] / D. Sadowski, J. Becker // Small Wars Journal – 2010. – January 7. – Режим доступа: <http://smallwarsjournal.com/blog/journal/docs-temp/344-sadowski-et-al.pdf>
13. Владимиров В. А. Основные направления развития традиционных и нетрадиционных средств ведения войны и защиты от них // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. – 2014. – Том 4. – № 2. – С. 99-134.
14. «Зеленые человечки» Сталина: «гибридная война» была впервые опробована вовсе не в Крыму [Электронный ресурс] / В. Воронов – Режим доступа: <http://www.szona.org/gibridnaya-voina/#t20c> ; <http://www.szona.org/gibridnaya-voina/>

Pershin Yu. Yu. «Hybrid War» as an Intellectual Provocation // Scientific Notes of Crimea Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 1. – P. 80-88.

The notion of “hybrid war / threat” is used now quite frequently, but different authors use it in different senses and meanings. We consider this concept to be unstable, not amenable to detailed classification, but it is theoretically attractive because it can include a large number of meanings. With significant regulation in the military thought in the USA, such abstract concept is a kind of “lifeline” for authors who wish to avoid the detailed classification. We should say that the concept of “hybrid war / threat” is also one more “intellectual virus” (term of Gadi Eizenkot, Chief of General Staff of the Israel Defense Forces), elaborated on the basis of the military experience of the Second Lebanon war (Israel – Hezbollah war of 2006). This statement can also be confirmed by the curious use of this concept by some authors, who are far from a military theoretical thought. We think it is necessary to draw our attention to the authors whose theoretical work is no less fundamental than the American ones, and who does not use misleading terms like notorious

“hybrid war”. We also think that all possible combinations of the all modern methods of warfare and confrontation could be described without use of such a new-fashioned and vague term of “hybrid war”.

Keywords: hybrid war; hybrid threat; hybrid enemy.

References

1. Bond M. S. Hybrid War: A New Paradigm for Stability Operations in Failing States. – Carlisle Barracks, PA: U.S. Army War College, 2007. – 25 p.
2. Echevarria II, Antulio J. Preparing for One War and Getting Another? – Carlisle Barracks, Pa: Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, September 2010. – 38 p.
3. Fleming B. P. The Hybrid Threat Concept: Contemporary War, Military Planning and the Advent of Unrestricted Operational Art. – Fort Leavenworth, Ks: School of Advanced Military Studies, 2011. – 85 p.
4. Hoffman F. G. Conflict in the 21-st Century. The Rise of Hybrid Wars. – Arlington: Potomac Institute for policy studies, 2007. – 72 p.
5. Further Thoughts on Hybrid Threats [Electronic source] / F. G. Hoffman // Small Wars Journal – 2009. – March 02. – Mode of access: <http://smallwarsjournal.com/jrnl/art/further-thoughts-on-hybrid-threats>
6. Huber T. M. Compound Warfare: A Conceptual Framework // Compound Warfare: That Fatal Knot. Thomas M. Huber, ed. – Fort Leavenworth, KS: US Army Command and General Staff College Press, 2002. – 319 p.
7. Thoughts on “Hybrid” Conflict [Electronic source] / R. W. Glenn // Small Wars Journal – 2009. – March 02. – Mode of access: <http://smallwarsjournal.com/jrnl/art/thoughts-on-hybrid-conflict>
8. Glenn R. W. All Glory Is Fleeting. Insights from the Second Lebanon War. – Santa Monica, Ca Rand: National Defense Research Institute, 2012. – 97 p.
9. Stalin Invented Hybrid War, not Vladimir Putin, Archival Record Shows [Electronic source] / P. Goble – Mode of access: <http://www.interpretermag.com/stalin-invented-hybrid-war-not-vladimir-putin-archival-record-shows/>
10. McCuen J.J. Hybrid Wars // Military Review. – Fort Leavenworth, Ks: Combined Arms Center, March-April 2008. – Pp. 107–113.
11. Hybrid Warfare: Where’s the Beef? [Electronic source] / J. Raitasalo // War on the rocks – Mode of access: <http://warontherocks.com/2015/04/hybrid-warfare-wheres-the-beef/>
12. Beyond the “Hybrid” Threat: Asserting the Essential Unity of Warfare [Electronic source] / D. Sadowski, J. Becker // Small Wars Journal – 2010. – January 7. – Mode of access: <http://smallwarsjournal.com/blog/journal/docs-temp/344-sadowski-et-al.pdf>
13. Vladimirov V. A. The Main Directions of Development of Traditional and Nontraditional Means of Conducting a War and Defense From them // Civil defense strategy: problems and researches. – 2014. – Vol. 4. – № 2. – p. 99–134.
14. Stalin’s “green men”: “hybrid war” was tested for the first time not in Crimea [Electronic source] / V. Voronov – Mode of access: <http://www.szona.org/gibridnaya-voyna/#t20c>; <http://www.szona.org/gibridnaya-voyna/>

УДК 172

МОРАЛЬНАЯ РИТОРИКА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Пороховская Т.И.

Задача работы – систематизировать и критически осмыслить причины и мотивы обращения политиков к моральной риторике, выявить функции морального языка в публичной политике. С этой целью рассматриваются связь морали и политики у Платона и Аристотеля, основные этапы формирования представлений о специфике политического (более подробно - у Н. Макиавелли и К. Шмитта), место и роль моральной риторики в политическом дискурсе. В статье показывается, что моральные ценности могут быть и ценностями политики, но могут и игнорироваться в ней. Однако моральная риторика в публичной политике используется всегда. Это обусловлено особенностями собственно политического (политологического) и морального языка, а также тем, что моральная риторика часто применяется в политике инструментально. Апелляция к морали усиливает политику, делает ее более привлекательной и более действенной, поэтому моральная риторика используется в политике как средство для реализации политических целей: морального возвышения своей группы и своих целей, морального унижения группы политического противника, а также для того, чтобы скрыть, закамouflировать свои подлинные цели и намерения.

Ключевые слова: мораль, политическое, морализаторство, моральная демагогия, символическое насилие.

Предметом исследования является моральная риторика в публичной политике.

Цель работы – систематизация и анализ причин и мотивов обращения политиков к моральной риторике.

Для того чтобы выяснить место и функции моральной риторики в политическом дискурсе, необходимо выявить собственную компетенцию, специфику политического и морального, а также характер связи между ними. В Античности связь морального и политического представлялась естественной и необходимой, а реальная политика, в зависимости от обстоятельств, оценивалась как нравственная или безнравственная. Платоном, да уже и до него, термин «политика» использовался для обозначения искусства управления людьми (управления немногими «благородными и мудрыми»). Аристотель под политикой понимал уже «искусство управления государством». Стремление к благой жизни, по Аристотелю, – это и сущностная характеристика человека, и цель политики, а этика

– введение в политику. От рассуждений о добродетели, общественном благе, справедливости в «Никомаховой этике» он переходит в «Политике» к контекстуальному рассмотрению этих понятий, размышлениям о справедливом государственном устройстве. Вплоть до XVI-XVII в. политика рассматривалась как важное дело служения общему благу, сохранению мира и справедливости, и философы могли еще спорить, что благороднее – политика, теология или философия.

В Новое время, как вследствие обобщения эмпирических данных повседневной политической практики, так и под влиянием таких мыслителей Возрождения, как Н. Макиавелли, Л. Цукколо, Ф. Гвиччардини и др., в политической философии складывается мнение об автономии и даже несовместимости политики и нравственности. Макиавелли рационализировал и обобщил методы, повышающие эффективность политической борьбы, и тем самым обозначил специфическую природу политического¹. Политика у него отделяется от морали, понимается как самостоятельная сфера отношений и деятельности с собственными задачами, мотивами, принципами, способами аргументации. Мораль же рассматривается инструментально: она должна приниматься во внимание, если способствует достижению политических целей, и может игнорироваться, если мешает политике.

Существенный вклад в разработку специфики политического внес Карл Шмитт [1], проницательный теоретик политики и права в Веймарской Германии, а в 1930-е годы – активный член Национал-социалистической партии Германии. В работе «Римский католицизм и политическая форма» (1923) он выдвигает тезис о том, что в политике имеется собственный, специфический критерий – оценка контрагента отношений с точки зрения того, является ли он другом или врагом. Одним из источников этой идеи был Гегель, его определение врага как отрицания «чужого» в «Философии права». Другим – его ненависть к политическим врагам, прежде всего коммунистам. Шмитту было свойственно доводить идеи до их логического конца, за что Ханна Арендт назвала его «кабинетным политическим экстремистом» [13, с. 169].

¹В трактате «Государь» Макиавелли формулирует принципы, которыми должен руководствоваться правитель государства для сохранения своей власти. Благодеяния, пишет он, следует делать понемногу, чтобы они лучше запоминались, а все жестокости необходимо совершать сразу, чтобы не пришлось повторять их каждый раз. Обиды тоже нужно наносить разом, тогда меньше чувствуется каждая из них в отдельности. Правитель должен обладать одновременно природой льва и лисицы: быть львом, чтобы устрашать волков, и быть лисицей, чтобы распознать западню. Правитель не обязан быть верным своему слову, если такая честность оборачивается против него. Правитель не обязательно должен обладать добродетелями: важнее, чтобы подданные считали, что он ими обладает. Публичные поступки правителя должны подтверждать молву о нем как о великом, выдающемся человеке. Правитель не должен покушаться на имущество своих подданных и задевать их честь, тогда подданные будут довольны, а правителю останется лишь бороться с честолюбием немногих. Милости правитель должен оказывать сам, а дела, которые могут вызвать недовольство подданных, передавать другим. Правитель должен рассчитывать не на любовь своих подданных, а на их страх (но не ненависть).

В работе «Концепция политического» (1927, 1929, 1933) К. Шмитт проясняет и обосновывает эту идею. «Всякая противоположность, – писал он, – религиозная, моральная, экономическая, этническая – превращается в политическую, если она достаточно сильна для того, чтобы эффективно разделять людей на группы друзей и врагов» [12, с. 300]. Критерий политического (*das Politische*) следует искать по аналогии с критериями оценки в других сферах общественной жизни. В морали отношения оцениваются с помощью противоположных критериев «добро» и «зло», в искусстве для оценки используется противоположность «прекрасного» и «безобразного», в политике же адекватным критерием Шмитт считает различие между другом и врагом. Речь идет не о личном враге, а о публичном – людях или группах людей, угрожающих способу существования моей группы. С ними следует вести себя иначе, чем с друзьями: настороженно, бдительно.

Шмитт настаивает на автономии политического, отличая его не только от экономического, морального, религиозного, но и от правового. Идентификация другого как друга или врага, утверждал он, не может быть осуществлена с помощью права, наоборот, она должна предшествовать ему. В процессе принятия экзистенциального решения о самоидентификации происходит разделение на «своих» и «чужих», «других». И только затем возникает отождествление политического с государственным и соответствующая система норм права. «...Политическое, – пишет К. Шмитт, – не означает никакой собственной предметной области, но только степень интенсивности ассоциации или диссоциации людей, мотивы которых могут быть религиозными, национальными..., хозяйственными или мотивами иного рода... Реальное разделение на группы друзей и врагов столь сильно и имеет столь определяющее значение, что неполитическая противоположность в тот самый момент, когда она вызывает такое группирование, отставляет на задний план свои предшествующие критерии и мотивы: «чисто» религиозные, «чисто» хозяйственные, «чисто» культурные и оказывается в подчинении совершенно новых условий и видов отныне уже политической ситуации» [12, с. 292]. Черно-белая схема К.Шмитта действительно позволяет увидеть нечто существенное, специфическое в политическом, однако реальная политическая жизнь намного сложнее, поэтому методическое использование критерия «друг-враг» ограничено.

Использование моральной лексики в политических речах называют морализаторством или моральной демагогией, реже – моральной риторикой. Под морализаторством (а также «морализацией», «морализированием») понимается излишняя перегруженность политической лексики моральной терминологией и моральными оценками (возмущения, обвинения и т.п.). У К. Маркса есть работа, в которой он специально исследовал феномен морализаторства [8], однако более отчетливо и ярко это явление представлено и разоблачено в «Святом семействе» и «Немецкой идеологии», где морализаторство определяется как подмена понимания реальности ее моральной оценкой. Морализаторская позиция вызывает подозрение как раз с нравственной точки зрения. Ф.М. Достоевский назвал позицию морализатора, присваивающего себе право выступать от имени добра и раздавать всем и вся моральные оценки, нравственным тиранством, ведь «против благонравия не

пойдешь» [10]. Зачастую при этом имеет место неправомерная экспансия моральной терминологии и моральных оценок в те сферы, где они неприменимы.

Термин греческого происхождения «демагогия», согласно словарю иностранных слов, означает: «1) использование лживых обещаний, преднамеренного извращения фактов, лести для достижения той или иной цели, например, для привлечения масс на свою сторону, для создания популярности; 2) высокопарные пустые рассуждения, прикрывающие какие-либо корыстные цели» [с. 186]. Термин «моральная демагогия» раскрывает, для чего, с какой целью прибегают к морализаторству, а именно: для того чтобы скрыть или приукрасить свои подлинные цели.

Представляется, что использование термина «моральная риторика» для целей нашего исследования предпочтительнее. Термин «риторика», означающий в том числе «напыщенную, красивую, но малосодержательную речь» [9, с. 533] указывает на то, что моральная лексика используется как средство, для чего-то иного. При этом не уточняется, с какой именно целью используется моральный язык – благой, своекорыстной или по необходимости, потому, что в публичной политике невозможно обойтись без моральной лексики. Таким образом, этот термин отличает большая ценностная нейтральность и, следовательно, понятие «риторика» больше по объему, включает не только случаи намеренного злоупотребления моральным языком, но и обращение к нему по иным причинам.

Для передачи политических смыслов и влияния на людей в политике используются естественный язык, язык науки, прежде всего гуманитарных дисциплин, а также моральный язык, софизмы, метафоры и другие выразительные средства. В политике существует и свой собственный язык, который разрабатывается в политологии. Однако он абстрактен, невыразителен, а большинству к тому же малопонятен, вследствие чего политическая лексика обладает очень незначительным потенциалом эмоционального (а для многих и когнитивного) воздействия («суверенитет», «мажоритарная система», «субсидия», «сецессия» и т.п.). На политическом языке можно точно выражать и обосновывать идеи в политологических трактатах, но он малопригоден для непосредственной политической коммуникации. Моральный же язык обладает особой силой эмоционального воздействия и суггестивной мощью, в силу чего используется в политике как орудие коллективного внушения. Употребление морального языка резко сокращает путь от словесных призывов к поступкам, поэтому публичной политики без моральной риторики не существует [5].

Объективности ради следует сказать, что политики могут ставить и искренне преследовать в своей деятельности собственно моральные цели (благо народа, мир во всем мире, гуманность, справедливость и т.д.). В этом случае моральная лексика употребляется не как средство, а по прямому назначению, для обозначения целей политики. Однако значительно чаще моральный язык используется в политике как средство, инструмент для реализации своих (политических или своекорыстных) целей.

Во-первых, он применяется для вербовки, объединения и мобилизации единомышленников (или для создания иллюзии единства группы). С этой целью

употребляются морально-возвышающие оценки и метафоры, своей группе приписываются различные моральные достоинства и приоритеты («мы – один народ», «мы – европейцы», «правда на нашей стороне», «бедны, но зато честны», «революция достоинства»).

Неморальные средства обособления группы при известных обстоятельствах могут также получать моральное содержание. Показательны в этом отношении выступления интеллектуалов в период становления немецкой нации в XIX - нач. XX веков. Одним из средств сплочения нации, как показал Э. Хобсбаум [11], является апелляция к общей «родословной» – общей истории, общей культуре, общему языку, общим национальным мифам и ценностям. В. Гумбольдт говорил об исключительном значении общего языка для объединения нации, а И.Г. Фихте в «Речах к немецкой нации» даже считал, что знание чужого языка никогда не обеспечит той же глубины проникновения в культуру, которое свойственно носителям культуры, для которых этот язык является родным. Ф. Тённис в «Общности и обществе» писал о «духе народа», который произрастает из общей «почвы» и даже биологической общности нации – «общей крови». Но вот В. Зомбарт в своей националистической работе «Торгаши и герои» уже пишет о моральном превосходстве немцев («героев», людей долга), противопоставляя их меркантильным англичанам – «торгашам», утилитаристам. Есть тонкая грань между моральным возвышением своей группы, в данном случае своей нации, и утверждением о ее моральном превосходстве перед другими, которое осуществляется, как правило, за счет морального унижения, оскорбления другой группы, и эту грань легко перейти. Между «Украина – не Россия», «кто не скачет, той москаль» и «москаляку – на гіляку» – один политический шаг и целая пропасть в моральном отношении.

Таким образом, во-вторых, моральная лексика с негативными коннотациями используется для того чтобы разделить, столкнуть людей, разжечь ненависть, зависть, спровоцировать агрессию, то есть для оскорбления и даже морального уничтожения политических противников. Это своеобразная политтехнология: морально-психологическое насилие посредством языка ненависти («предатели», «подонки», «коммуно-фашисты», «совки», «либерасты», «колорады», «ватники» («вата»), «нищоброды», «генетический мусор» и т.п.) исключает из морального сообщества политических оппонентов и предшествует физическому насилию, психологически подготавливает к нему: унижение, моральное уничтожение открывает путь уже к физическому их уничтожению, легитимирует его.

П. Бурдьё в работе «Символический порядок и власть номинации» [2] показал, как номинации, наименования используются для повышения и понижения социальной позиции в социальной иерархии [о прагматических аспектах см.: 4]. Посредством речей ненависти, которые С. Жижек называет символическим насилием, насаждаются смыслы, в речевых формах воспроизводящие отношения социального господства. Моральное возвышение своей группы и унижение группы, к которой принадлежит политический противник, – взаимосвязанные акции. Образ врага, против которого нужно сплотить народ, часто конструируется искусственно, идеологически, при этом используется самая разнузданная пропаганда. Таким

образом, демагогическая моральная риторика – одна из форм насилия – нравственно-психологического, символического, которое часто предшествует физическому насилию, провоцирует его и используется для его оправдания.

Политический язык, замечает К. Шмитт, по своей природе полемичен, а в ситуациях войны или революции конфронтация, поляризация проявляется и в языке: каждому политическому понятию противостоит понятие с противоположным смыслом. В этом ряду понятия «друг» и «враг» играют особую роль: из абстракций они превращаются в экзистенциальные символы, «получают свой реальный смысл благодаря тому, что они соотносятся и сохраняют особую связь с реальной возможностью физического убийства. Война следует из вражды – онтологического отрицания чужого бытия» [1, с. 30]. В реальной политике противостояние групп выражается в партийно-политической борьбе. Причем, решающим для вооруженного противостояния Шмитт считал внутрисударственное разделение на «друзей» и «врагов», а не внесударственное, а крайним выражением политического – гражданскую войну. «Покуда народ существует в сфере политического, он должен – хотя бы и только в крайнем случае (но о том, имеет ли место крайний случай, решает он сам, самостоятельно) – определить различие друга и врага. В этом состоит существо его политической экзистенции. Если у него больше нет способности к этому различению, он прекращает политически существовать. Если он позволяет, чтобы кто-то чужой предписывал ему, кто есть его враг и против кого ему нужно бороться, а против кого нет, он больше уже не является политически свободным народом и подчинен иной политической системе или же включен в нее...» [12, с. 305].

В-третьих, моральная риторика используется в политическом дискурсе для того, чтобы не называть вещи своими именами, скрывать, камуфлировать или приукрашивать свои подлинные намерения, облагораживать свой имидж или прикрывать свою некомпетентность. Очевидно, что речь идет в данном случае о неблагоприятных с точки зрения морали целях: благородные цели политики охотно, а то и назойливо демонстрируют. Так, Р. Рорти оправдывал агрессию НАТО против Югославии в 1999 г. ссылкой на то, что там «хорошие парни» боролись с «плохими парнями». Даже в официальных документах военного блока НАТО вместо военной лексики – моральная («ответственность», «партнерство во имя мира», «против насилия», «сотрудничество», «доверие», «свободные, честные отношения»).

Для того чтобы скрыть, замаскировать свои цели, в политике обращаются не только к моральному языку. Многие понятия, которые в ходу у политиков, не имеют точного смысла («процветание», «свобода», «светлое будущее» и т.п.). Только профессионалу (философу, политологу, да и то не всякому), открывается «изнанка» этих понятий-лозунгов, способных соблазнить и вдохновить ничего не подозревающую публику. Так, как справедливо замечает Й. Изензее [6, с. 44-45], односторонняя вера в свободу таит в себе определенный риск. Свобода, закрепленная в правах либеральной конституции, – это не созидательная свобода («свобода для...»), а пустая, формальная «свобода от...», прежде всего от произвола государства. Такая свобода может быть использована как во благо, так и во зло. «Свобода, – уточняет Г. Крингс, – не политическая программа. Политическая

программа должна иметь содержание; свобода не имеет его. Однако она имеет имя, то имя, с которым человек утверждает свое собственное достоинство... Идея свободы стоит перед программой, а не в программе» [7, с. 40].

Сознательное использование моральной риторики с целью скрыть свои действительные цели и исподволь навязать свою волю является ничем иным, как обманом не искушенных в политике людей, т.е. принуждением. Там же, где отстаиваемые цели иначе, чем несправедливыми, не назовёшь, политики, эксплуатируя авторитет науки, прибегают к научной терминологии, а также к аргументам эффективности. Все то, что, будучи выраженным на моральном языке справедливости, вызывает подозрения и не может быть принято, можно без стеснения выразить на птичьем языке науки или посредством ценностно-нейтральной лексики эффективности. Так, необходимость сохранения плоской шкалы налогов в нашей стране политики обосновывают большей собираемостью налогов при этой системе, чем при прогрессивной шкале налогообложения.

Однако моральная риторика занимает в публичной политике особое место. Политики имеют обыкновение говорить об одном, чтобы скрыть другое. Обращение политиков к моральному языку не случайно: к морали в обществе значительно больше доверия, чем к политике. Сложилось устойчивое мнение, что из всех сфер общественной жизни политика в наибольшей мере подвержена деморализации («грязное дело»), поскольку моральные ценности в политике могут открыто игнорироваться и попираться. Одни и те же явления, в зависимости от отношения к ним политика, могут даже называться по-разному («суверенитет» – «сепаратизм», «кризис» – «спад», «убили» – «устранили» («нейтрализовали»), «война» – «миротворческая (антитеррористическая) операция»). Поэтому язык, на котором говорит с обществом политик (а также банкир, генерал, промышленник) Ж. Делёз и Ф. Гваттари в своей работе «Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип» назвали шизофреническим.

Моральные ценности – базовые, это ценности порядка как такового, они создают наиболее общие условия согласия между людьми. Достаточно представить себе, что случится, если люди будут систематически нарушать одну лишь норму «не лги», – нетрудно предположить, что никакое систематическое взаимодействие между людьми при этом условии невозможно. Поэтому моральные требования предъявляются как всеобщие, распространяющиеся на всех людей, и тем самым объединяют их как моральных субъектов. Мораль создает пространство взаимоуважения и ответственности, в рамках которого только и возможна социальная кооперация, благодаря морали мы можем взаимно полагаться друг на друга. В результате же демагогического злоупотребления моралью сужается пространство взаимоуважения, из него исключаются политические оппоненты.

Если в политике ставится вопрос о целесообразности, выгоды тех или иных методов достижения цели, то в морали – вопрос о допустимости, моральной оправданности, как целей, так и средств. Моральное требование направлено против эгоистических желаний и интересов, мораль бескорыстна, она охраняет социальное целое. В политике же своекорыстные, эгоистические интересы различных групп вступают в противоречие, разъединяют людей.

Моральный язык опирается на идеалы, надежды, ожидания людей, вследствие чего он предполагает слепое доверие к себе, способен пренебрегать противоречиями, сопротивляться фактам и разумным доводам. А это как раз и есть то, что нужно политикам, когда они пытаются скрыть свои цели, замаскировать, представляя их как моральные. Мораль, как пишет А.А. Гусейнов [3], является последним основанием, пределом человеческой культуры. В силу авторитета морали в общественном сознании к моральной риторике политики прибегают и тогда, когда пытаются придать больший вес своим целям. Используя моральную лексику для выражения своих интересов, политики получают возможность представлять свои партикулярные интересы в качестве всеобщих.

Таким образом, мораль и политика – это общественные сферы, часто функционирующие автономно друг от друга. Моральные ценности – ценности гуманизма и справедливости, честности, ответственности и др. – могут быть и ориентирами в политике, а могут и игнорироваться в ней, но в политической риторике используются всегда. Если в политике ставится вопрос о целесообразности тех или иных методов достижения цели, то в морали – вопрос о допустимости, оправданности как целей, так и средств. Специфическим способом аргументации в политике является утилитарный (соображения полезности или вредности, выгоды или невыгоды). Апелляция к морали усиливает политику, делает ее более привлекательной и более действенной, поэтому моральная риторика часто используется в политике инструментально, как средство для реализации политических целей.

Список литературы

1. Алексеева Т.А. Карл Шмитт: автономия политического // Политическое как проблема. Очерки политической философии XX века. – М., 2009. – С. 23-50.
2. Бурдьё П. Символический порядок и власть номинации // Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. – С. 72-80.
3. Гусейнов А.А. Мораль и политика: уроки Аристотеля // Философия – мысль и поступок: статьи, доклады, лекции, интервью. – СПб.: СПбГУП, 2012. – С. 388-418.
4. Дейк ван Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. – М.: ЛИБРОКОМ, 2013. – 344 с.
5. Дубко Е.Л. Политическая роль языка. Морализаторство в политике. Риторика и демагогия // Дубко Е.Л. Политическая этика. – М., 2005. – С. 130-141.
6. Изензее Й. Гражданская свобода и гражданская добродетель – важнейшие условия функционирования демократической общности // Политическая философия в Германии. Сб. ст. Изензее Й. и др. – М.: Современные тетради, 2005. – С. 43-52.
7. Крингс Г. Цена свободы // Политическая философия в Германии. Сб. ст. Изензее Й. и др. – М.: Современные тетради, 2005. – С. 32-42.
8. Маркс К. Морализирующая критика и критицизирующая мораль // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 291–321.
9. Современный словарь иностранных слов. – М.: Рус. яз., 1993. – 740 с.
10. Соина О.С. Моралист // Человек. – 1995. – № 4. – С. 53–65.
11. Хобсбаум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. – М.: Праксис, 2002. – 416 с.
12. Шмитт К. Понятие политического // Антология мировой политической мысли в 5 тт. Т. 2. Под ред. Алексеевой Т.А. – М.: Мысль, 1997. – С. 291–309.

13. Arendt H. For Love of the World. New Haven: Yale University Press. 1982. (Цит. по: Алексеева Т.А. Карл Шмитт: автономия политического // Политическое как проблема. Очерки политической философии XX века. – М., 2009. – С. 50).

Porokhovskaya T.I. The Moral Rhetoric in Political Discourse // Scientific Notes of Crimea Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 1. – P. 89-97.

The objective of the work is to systematize and critically reflect on the reasons and motives of politicians who appeal to the moral rhetoric, to reveal the functions of moral language in public policy. To this end, we consider the relationship of morality and politics in Plato and Aristotle, the basic stages of formation of representations about the specifics of political (more detailed - N. Machiavelli and K. Schmitt), the place and role of moral rhetoric in political discourse. The article shows that the moral values can be political values but they also can be ignored by politicians. However, the moral rhetoric in public policy is always used. This is due to the characteristics of the political (also pertaining to political science), and the moral language, and due to the fact that the moral rhetoric is often used in politics instrumentally. The appeal to morality strengthens politics, making it more attractive and more effective, so the moral rhetoric is used in politics as a means for the realization of political goals: the moral elevation of the group and its goals, the moral humiliation of the group of political opponent and for hiding the true goals and intentions.

Key words: the moral, political, moralism, moral demagoguery, symbolic violence.

References

1. T.A. Alekseeva, Carl Schmitt. Political Autonomy. Political as a Political Problem. Essays on the Political Philosophy of the 20th Century. – Moscow, 2009. – P. 23-50.
2. P. Bourdieu. Symbolic Order and the Power of Nomination. // Sociology of Politics. – Moscow, Socio-Logos, 1993. – P. 72-80.
3. A.A. Guseinov. Morality and Politics: Lessons from Aristotle's Philosophy // Thought and action: articles, reports, lectures, interviews. – Saint Petersburg: SPbGUP, 2012. – P. 388-418.
4. T. Van Dyck. Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication. – Moscow: LIBROKOM, 2013. – 344 p.
5. E.L. Dubko. The Political Role of the Language. Moralism in Politics. Rhetoric and Demagogy. // E.L. Dubko Political Ethics. – Moscow, 2005. – P. 130-141.
6. J. Izenzee. Civil Liberties and Civil Virtue - the Most Important Conditions of the Functioning of a Democratic Community // Political Philosophy in Germany. Coll. of Art. of Izenzee J. and other authors. – Moscow: Modern Notebooks, 2005. – P. 43-52.
7. G. Krings. The Price of Freedom // Political Philosophy in Germany. Coll. of Art. of Izenzee J. and other authors. – Moscow: Modern Notebooks, 2005. – P. 32-42.
8. K. Marx. Moralizing Criticism and Criticizing Morality // K. Marx and F. Engels, Writings, Vol. 4. – Moscow: Gospolitizdat, 1955. – P. 291-321.
9. Modern Dictionary of Foreign Words. – Moscow: Eng. lang., 1993. – 740 p.
10. O.S. Soina // Moral Man. Human Being, 1995. – № 4. – P. 53-65.
11. E. Hobsbaum. Principle of Ethnicity and Nationalism in Modern Europe // Nations and Nationalism. – Moscow: Praxis, 2002. – 416 p.
12. K. Schmitt. Concept of the Political // The Anthology of World of Political Thought in 5 Volumes. – V. 2. Ed. By T.A. Alexeeva. – Moscow: Thought, 1997. – P. 291-309.
13. Arendt H. For Love of the World. New Haven: Yale University Press. 1982 (Quat. from: T.A. Alekseeva. Carl Schmitt. Political Autonomy. Political as a Political Problem. Essays on the Political Philosophy of the 20th Century. – Moscow, 2009. – P.50).

УДК: 101.1::316.6

КОНЦЕПТ ИНФОРМАЦИОННОГО НАСИЛИЯ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ ВСЕОБЩЕЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Столяров А.В.

В эпоху информационного общества возникает необходимость в целостном и обоснованном подходе к определению границ допустимого в области информационной коммуникации и информационного обмена; введение в дискурс понятия информационного насилия позволяет в рамках либертарианской модели указать чёткое положение таких границ, соответствующее классическому требованию свободы индивида, а за пределами либертарианства – указать возможные источники социальной напряжённости и недовольства, порождаемые информационным насилием. Кроме того, концепт информационного насилия имеет определённую объяснительную силу в областях, напрямую не связанных с особенностями информационного общества. В частности, информационное насилие оказывается неизбежно в общественных местах неограниченного доступа, но негативный эффект от такого насилия нивелируется через соблюдение всеми индивидами определённых культурных условностей, соответствующих ожиданиям других индивидов. Такое соответствие обеспечивается принадлежностью всех индивидов, находящихся в одном месте, к одной культуре. Представители иной культуры, не соблюдающие в общественных местах местные культурные условности, подвергают окружающих информационному насилию, слишком серьёзному, чтобы его игнорировать; с этой точки зрения требование толерантного отношения к представителям других культур оказывается требованием терпеть определённый вид насилия, то есть не только не соответствует парадигме индивидуальной свободы, но и напрямую ей противоречит.

Ключевые слова: информационное общество, информационное насилие, либертарианство, толерантность, мультикультурализм.

Бурные процессы становления информационного общества, которые в настоящее время можно наблюдать во всём мире, вынуждают нас обратить самое пристальное внимание на сугубо информационные аспекты общественных отношений; всеобщая доступность компьютеров, практически нулевая стоимость создания цифровых копий любой информации и возможность передачи информации между индивидами, не ограниченная географическими барьерами,

неизбежно трансформирует самые основы, если угодно, парадигмы осмысления общественных отношений.

Дрейф парадигм, обусловленный информационной эпохой, можно заметить даже в такой незыблемой, казалось бы, области, как производственные отношения. Производительность труда продолжает расти, при этом количество доступных материальных ресурсов практически не меняется, а где-то даже снижается; потребности человечества в материальном потреблении благодаря усилиям рекламной индустрии и доступности дешевых кредитов пока ещё удаётся удерживать в состоянии роста, но этот рост совершенно не способен успеть за ростом производительности труда. Набирающее популярность движение дауншифтеров позволяет ожидать, что в ближайшее время, невзирая ни на какие усилия правящих элит, общий уровень материального потребления прекратит рост и начнёт снижение, притом без какой-либо идеологической подпитки. В то же время наблюдается рост всевозможных сугубо информационных аспектов производства услуг, огромное число людей занято в сфере создания программного обеспечения для компьютеров, в разнообразных информационно-поисковых и развлекательных проектах в сети Интернет. В сфере информационного производства традиционно понимаемая «производительность труда» оказывается потенциально бесконечной, ведь единожды созданное произведение, представленное в цифровой форме, может «потребляться» неограниченное число раз. В таких условиях любители, не претендующие на вознаграждение, начинают вытеснять профессионалов и делают ненужными посредников, заодно полностью разрушив связь между вложениями труда и количеством созданных возможностей для потребления. При этом, очевидно, исчезает само понятие добавленной стоимости, поскольку таковую невозможно определить.

С другой стороны, мощностные информационные потоки, изливающиеся на среднего жителя современного города, обнаруживают проблему информационной неприкосновенности индивида, потребность в праве не получать информацию, в которой он не заинтересован. Неконтролируемое использование технических средств передачи информации с целью распространения рекламы и агитации, как показала практика, способно уничтожать, делать бесполезными целые коммуникационные среды. Наконец, совершенствование автоматизированных методов обработки и анализа информации выводит на первый план проблематику защиты приватности; простой анализ персональной информации, которую средний индивид не считает необходимым скрывать и защищать, при современном уровне развития информационно-аналитических технологий способен превратить тайну частной жизни в фикцию.

В таких условиях возникает объективная потребность в некотором целостном подходе к установлению границ допустимого в области коммуникации и информационного обмена. В качестве такого подхода может служить концепция информационной свободы и информационного насилия, основанная на том, что в любом акте коммуникации участвуют, по меньшей мере, два индивида: передающий информацию и её получатель. Применяя принципы классического либерализма, состоящие в том, что в идеальной ситуации любое взаимодействие

индивидов должно происходить на основе их взаимной информированной доброй воли, мы приходим к критерию свободы информационного обмена и коммуникации. Он заключается в следующем: всякая информационная коммуникация должна (в идеальном информационном обществе) происходить тогда и только тогда, когда все её участники желают или согласны в этой коммуникации участвовать на основе собственной информированной доброй воли и никто из участников ранее не брал на себя добровольных обязательств, делающих их участие в данной коммуникации невозможным. Сам по себе этот принцип можно считать новой версией свободы слова, более адекватной современным реалиям. При этом любые нарушения свободы информационной коммуникации следует называть информационным насилием. Последнее представлено в трёх основных вариациях: передача информации без согласия получателя (реклама, спам, пропаганда, прямые оскорбления, попрошайничество и т. п.); получение информации без согласия её обладателя (шпионаж и всевозможные методы негласного получения информации, принуждение к даче свидетельских показаний); наконец, воспрепятствование коммуникации, проходящей с согласия её участников (цензура, а также имущественное авторское право и вообще интеллектуальная собственность).

Следует отметить, что в становлении сети Интернет существенную роль сыграли либертарианские установки её создателей, что отмечает, например, Михаэль Кастельс в книге «Галактика интернет». Сформулированный принцип свободы информационной коммуникации полностью соответствует либертарианским ожиданиям сетевого сообщества. С другой стороны, индивидуальную свободу не обязательно рассматривать как основополагающую ценность. Существуют точки зрения, отличные от либертарианской, в том числе провозглашающие допустимость (и даже желательность) инициированного насилия над индивидами в определённых ситуациях. В этом случае следует, по крайней мере, учитывать, что любое насилие порождает недовольство и социальную напряжённость, и к информационному насилию это в полной мере относится: источниками социальной напряжённости при внимательном рассмотрении оказываются и реклама, и цензура, и авторское право, и все остальные виды информационного насилия. Разумеется, с социальной напряжённостью можно бороться отнюдь не только снятием её причин, но, во всяком случае, имеет прямой смысл понимать, каковы эти причины. Такое понимание делает концепт информационного насилия полезным не только в рамках либертарианской ценностной модели, но и за её пределами.

Введение концепта информационного насилия в социально-философский дискурс позволяет осмыслить не только проблемы, порождённые формирующимся информационным обществом, но и ряд аспектов, напрямую с информационным обществом не связанных. В частности, в последние годы стала достаточно популярной, в особенности среди русскоязычных мыслителей, тема тупика, в который зашла Европа со своей идеологией толерантности. В пользу нежизнеспособности идей всеобщей толерантности и мультикультурализма говорят наблюдаемые факты из жизни европейских стран; часто можно увидеть, как из этих фактов делается вывод о всеобъемлющем кризисе либерализма и вообще подхода к

индивидуальной свободе человека как к некой ценности. Однако, как будет показано ниже, такие выводы могут оказаться преждевременными.

Отметим, прежде всего, что под индивидуальной свободой в настоящей работе, как и в классическом либерализме, понимается право и эффективная возможность для индивида не подвергаться инициированному насилию с чьей-либо стороны; это полностью соответствует сформулированной выше трактовке свободы информационной коммуникации. Такой подход к свободе, при всей его кажущейся примитивности, остаётся актуальным до тех пор, пока в обществе вообще существует насилие (то есть, скорее всего, до тех пор, пока существует общество) и при этом позволяет избежать множества пустых рассуждений.

Концепция информационного насилия позволяет рассмотреть идеологию всеобщей толерантности под несколько неожиданным углом. Английское слово «tolerance» переводится буквально как «терпимость», но рассуждения о терпимости подразумевают наличие чего-то такого, что индивиды вынуждены терпеть. Формально идеологи всеобщей толерантности признают в качестве объекта пресловутой терпимости отличия одних людей от других, но это не вполне верно: в конце концов, одинаковых людей нет, все индивиды различны, и это само по себе никогда не создавало никаких проблем. Часто уточняют, что имеются в виду не просто индивидуальные различия, но такие из них, которые обусловлены культурными, религиозными причинами или, к примеру, сексуальной ориентацией, то есть служат отличительной особенностью не для отдельных индивидов, но для групп заметной численности. Такое уточнение приближает нас к пониманию действительной сути проблемы, но всё ещё не даёт такого понимания: в самом деле, почему такие особенности индивидов, как рост, вес, цвет волос и тембр голоса обычно не требуют никаких специальных мер, тогда как принадлежность к разным национальностям и религиям стала камнем преткновения, из-за которого пришлось придумывать и насаждать целую идеологию, причём любые неудачи здесь становятся основанием для далеко идущих выводов вплоть до утверждения о кризисе либерализма?

Анализируя проблематику информационной свободы и индивидуальной информационной неприкосновенности, можно выделить два случая, в которых информационное насилие оказывается неизбежным, и можно говорить лишь о его разумном снижении, но не о полной ликвидации. Первый такой случай — воспитание детей, которое не просто требует информационного насилия, оно является таким насилием. Второй случай — присутствие людей в общественных местах, или, если говорить точнее, в местах общего доступа, где сам факт появления одного человека становится информационным насилием над всеми остальными, присутствующими в том же месте и вынужденными воспринимать зрительную информацию о внешнем облике человека, звуковую информацию о его движениях, дыхании и голосе и т. д.

Оба этих случая имеют прямое отношение к рассмотрению идеологии толерантности. Всякая цивилизация проходит в своём развитии долгий путь и создаёт свои особенности, отличающие выходца из этой цивилизации от других, в том числе условности поведения; родители воспитывают своих детей, зачастую

бессознательно – попросту личным примером – прививая им особенности, которые сами восприняли от своих родителей. Всё это не имело бы большого значения, если бы не существовало общественных мест свободного доступа, где индивиды встречаются друг с другом независимо от собственного желания и согласия. Физические возможности большинства индивидов достаточны для создания существенных неудобств окружающим, вплоть до лишения их жизни, поэтому в присутствии незнакомых людей для индивида крайне важно иметь основания для уверенности в собственной безопасности. Соблюдение индивидом неписанных норм и условностей поведения, усвоенных в детстве в ходе воспитания, демонстрирует окружающим, что данный конкретный индивид ведёт себя в соответствии с «общепринятым», и, таким образом, не представляет опасности. Даже обыкновенная вежливость во многом направлена на создание у окружающих уверенности в том, что индивид принадлежит к «своим», то есть от него нет оснований ждать неприятностей.

Ситуация кардинально меняется при встрече в общественном месте представителей двух разных культур, в особенности находящихся на качественно разных стадиях развития. Даже для случая культур, более-менее адекватных друг другу по развитию, различия в условностях поведения могут оказаться столь значительны, что подсознательно один индивид станет воспринимать другого как ведущего себя неадекватно ситуации, т. е. как потенциальную угрозу.

Впрочем, проблемы немца, оказавшегося во Франции, или голландца, попавшего в Англию, не столь существенны, чтобы требовать серьёзных мер. Гораздо хуже обстоят дела в случае африканца, араба или китайца, попавшего в любую из стран старой Европы; коренным жителям такой страны постоянно приходится делать скидку на «другое» воспитание такого гостя, но при этом гнать прочь мысли о том, что перед ними «дикарь», поскольку такое определение гостя будет проявлением «дискриминации».

Интересно, что представителей западной цивилизации, попадающих в «развивающиеся» страны, тщательно инструктируют о том, какие местные традиции ни в коем случае нельзя нарушать, чтобы не столкнуться с агрессией. При этом никто никогда не слышал, чтобы представителей стран третьего мира аналогичным образом инструктировали на тему поведения в странах Европы. Напротив, идеологи толерантности и мультикультурализма заявляют, что к выходцам из других культур следует относиться «толерантно», что на практике означает необходимость позволять им вести себя так, как они привыкли у себя на родине.

С тем чтобы навести порядок в наших основных положениях, рассмотрим три утверждения:

1) находясь за пределами своей страны, представитель европейской цивилизации должен учитывать местные культурные и религиозные особенности и вести себя в соответствии с ними;

2) находясь в своей собственной стране, представитель европейской цивилизации должен учитывать культурные и религиозные особенности лиц,

воспитанных в других странах, и, сталкиваясь с такими особенностями, относиться к ним с максимально возможной степенью понимания и терпимости;

3) выходцы из неевропейских культур являются точно такими же людьми, как и европейцы, культура их стран, пусть и отличающаяся от европейской, не должна восприниматься как «менее развитая», а самих носителей такой культуры ни в коем случае нельзя воспринимать как неких «дикарей», и любые проявления снисходительного отношения к неевропейским культурам и их представителям неуместны.

Эти три утверждения имеют одну замечательную особенность: верными среди них могут быть любые два, но не все три одновременно. В самом деле, если неевропейские культуры следует рассматривать как «иные», но при этом равноценные культуре европейской, т. е. столь же высоко развитые, то ситуация с поведением европейца на улицах Тегерана или иранца на улицах Парижа должна быть симметричной. Можно при этом считать, что приезжие должны уважать местные культурные особенности и вести себя в соответствии с ними. Например, европейская девушка, оказавшись в Тегеране, пожалуй, должна бы одеться если не в паранджу, то в длинное платье, скрывающее фигуру. Но тогда и дамы из мусульманских стран, приезжая в Европу, должны отказаться от своих мешковатых одеяний и носить одежду, подчёркивающую особенности женской фигуры, как это принято в Европе. Можно считать и иначе: если на улицах Парижа оказалась дама из мусульманской страны, привыкшая ходить в хиджабе, то не следует её принуждать к чему-то иному, ведь это доставит ей дискомфорт; но тогда и гостям из Европы следует дать возможность ходить по тому же Тегерану в шортах и миниюбках, к которым они привыкли. Если же ни то, ни другое не считать приемлемым, то возникает правомерный вопрос о причинах такой асимметрии. Признание европейской культуры стоящей выше в историческом развитии, чем другие, пожалуй, всё же неприемлемо. С другой стороны, попытки не обращать внимания на местные культурные условия в арабских и других мусульманских странах, очевидно, слишком опасны и при этом заведомо бесполезны: таким способом от них ничего не добиться. Остаётся лишь третий вариант: позволить европейцам требовать от приезжих соответствия местному культурному контексту точно так же, как это требуется от них самих при посещении стран третьего мира. Очевидно, что разговоры о толерантности в этом случае лишатся всякого смысла.

Возвращаясь к информационному насилию, отметим, что имманентная составляющая такового, неизбежно присутствующая в любом общественном месте, может быть достаточно скромной, чтобы все индивиды благополучно игнорировали создаваемый таким насилием дискомфорт. Это, однако, возможно лишь при условии соблюдения всеми индивидами определённых правил, включающих культурные условия. Наличие в общественном месте индивидов, чьё поведение явным образом противоречит ожидаемому от них, неизбежно причиняет другим индивидам дискомфорт от ощущения собственной уязвимости: окружающие не знают и не могут знать, чего ожидать от индивида, ведущего себя неадекватно. При этом пресловутая адекватность поведения как раз и есть ни что иное, как поведение в соответствии с культурно-обусловленными ожиданиями окружающих. Иначе

говоря, индивид, который, находясь в общественном месте, ведёт себя не в соответствии с местными культурными ожиданиями, подвергает остальных индивидов, находящихся там же, информационному насилию, притом слишком мощному, чтобы его можно было просто проигнорировать.

Одна из основных функций общества (в особенности — общества, именующего себя «свободным»), состоит в защите индивидов от насилия. Между тем, насаждая идеологию всеобщей толерантности, общество Западной Европы тем самым заявляет своим гражданам, что не только не собирается защищать их от информационного насилия со стороны мигрантов из развивающихся стран, но и требует от них такое насилие терпеть (быть толерантными к нему), утверждая, таким образом, допустимость этого вида насилия. Между прочим, почувствовав неожиданно свалившуюся им прямо в руки вседозволенность, мигранты, разумеется, не преминули этим воспользоваться: чего стоит одна только история двухлетней давности с «шариатскими патрулями» на улицах Лондона. Прямо посреди европейских и американских городов возникают настоящие острова чужих традиций, так называемые «чёрные районы», в которых представителям коренной местной культуры оказывается попросту опасно находиться. Так что, происходящее оказывается «игрой в одни ворота»: коренное население Европы вынуждено изображать великодушных толерантных мультикультуралистов, в то время как приезжие до этого не опускаются и всю пользуются преимуществами фактически предоставленной им вседозволенности.

Между тем, в свободном обществе насилие не может быть допустимым, индивиды ожидают от социума защиты от насилия, а не требования терпеть насилие. Информационное насилие остаётся насилием, даже если сам термин «информационное насилие» не употребляется и оказывается неожиданным для большинства людей; дело тут в том, что на интуитивном уровне люди в любом случае ощущают, что их подвергают насилию, и никакой массовый гипноз под лозунгами мультикультурализма и толерантности не способен отменить очевидного.

Сказанное позволяет утверждать, что европейская идеология толерантности не только не является неизбежным проявлением либерализма и признания индивидуальной свободы как ценности, но, напротив, противоречит ценности индивидуальной свободы, налагая на индивида обязанность терпеть насилие. Удивляться приближающемуся краху идеологии толерантности в свободолюбивой Европе, таким образом, не приходится. Что свидетельствует, однако, не о кризисе парадигмы индивидуальной свободы, но как раз об обратном: европейцы постепенно приходят к тому, чтобы потребовать от своей правящей элиты вернуть им свободу (в частности, личную информационную неприкосновенность в общественных местах), которая у них отнята лозунгами мультикультурализма и толерантности.

Следует отметить, что обращённое к мигрантам требование соответствовать культурно-обусловленным ожиданиям нового места проживания никоим образом не будет насилием в отношении мигрантов: возможность избрать ту же Европу своим новым местом жительства представляет собой не право, а привилегию,

предоставляемую на определённых условиях, и в этой связи представляется по меньшей мере логичным, чтобы соответствие (как минимум, поведенческое) новому культурному контексту стало одним из таких условий.

Список литературы

1. Кастельс М. Галактика Интернет. — Изд-во «У-Фактория», Екатеринбург, 2004. — 328 с.
2. Калинин В. В Лондоне появились "шариатские патрули". ИТАР-ТАСС, 21 января 2013 [Электронный ресурс] / В. Калинин. — Режим доступа: <http://tass.ru/obschestvo/658342>

Stolyarov A.V. Concept of Information Violence and European Ideology World Tolerance // Scientific Notes of Crimea Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. — 2015. — Vol. 1 (67). — № 1. — P. 98-105.

In the information society age, there's a clear demand in a certain approach towards the limits of permissible in the area of communication and information exchange. The concept of information violence is one of such approaches. Within the libertarian views, the concept allows to mark clearly, where the limits must be placed; however, even in case we don't share the libertarian views and consider violence to be acceptable in certain situations, the notion of information violence at least lets us to be aware of possible social tension sources. Besides that, the information violence concept demonstrates certain explanation power in areas not directly related to the information society. In particular, it is known that information violence is unavoidable in open public places where each individual transmits at least the information about his/her look, and everyone being in the same place have to accept this information. Effect of such violence is moderated by everyone obeying certain culturally-imposed (but in general not formalized) rules that match what all the others expect; this match is secured by the fact all the individuals belong to the same cultural context. If, however, someone, who represents another cultural context, does not follow the rules the others expect, this case of public information violence becomes more serious— actually, to the degree where it can be no longer ignored. From this point of view, the demand of tolerant behaviour is effectively a demand to quietly accept violence; not only this has nothing to do with individual liberty, but it directly contradicts the very notion of individual liberty.

Keywords: information society, information violence, libertarianism, tolerance, multiculturalism.

References

1. M. Castells. Online Galaxy. — Ekaterinburg: Publishing house "U-factoria", 2004. — 328 p.
2. V. Kalinin. "Sharia Patrols" Appeared in London [Electronic resource] // ITAR-TASS, January 21, 2013. URL: <http://tass.ru/obschestvo/658342>

УДК 52-54, 52-59

ИНФОРМАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ЭВОЛЮЦИИ СЛОЖНЫХ СИСТЕМ

Сулейменов И.Э., Габриелян О.А., Сулейменова К.И.

В работе представлен механизм эволюции сложных систем с позиций теории информации, позволяющий преодолеть затруднения современных теорий эволюции. Показано, что для систем любой природы характерны две стадии эволюции: появление информационного объекта за счет изменения структуры связей между элементами без изменения самих элементов системы, затем информационный объект начинает влиять на развитие системы в целом, оказывая влияние на выбор элементов, свойства которых удовлетворяют требованиям информационного объекта. Предложенный механизм позволяет рассматривать сложную систему как информационную систему, для которой характерны распределенная память и различные программы управления.

Ключевые слова: эволюция, сложные системы, информационная система.

Введение: затруднения современных теорий эволюции

В соответствии с общепринятыми концепциями, лежащими в основе современных теорий эволюции, которые восходят к теории происхождения биологических видов Ч. Дарвина, считается, что:

- образование нового качества (в биологии – видогенез) носит мутационный (флюктуационный) характер, то есть, новые признаки элементов системы возникают вследствие модификации уже существующих (в биологии – модификации исходного генома) под каким-либо внешним воздействием;
- мутации носят стохастический характер;
- мутации, интерпретируемые как благоприятные, закрепляются за счет механизма естественного отбора.

Применительно к задачам общей биологии, дарвинистская точка зрения позволила, как известно, адекватно интерпретировать целую совокупность экспериментальных данных; она продолжает использоваться до сих пор [1-4]. Однако попытки применить эту концепцию к системам иной природы (а равно как и к отысканию механизмов предбиологической эволюции [1-4]) чаще всего сталкивались с непреодолимыми трудностями, краткий обзор которых дан, например, в [4], а в популярной форме – в [5].

Одно из таких затруднений носит общий характер. А именно, жизнь на этой планете существует в форме совокупности экосистем. До сих пор не удалось построить модель, которая бы поясняла, как мутационный механизм может приводить к появлению целостной системы, характеризуемой появлением качественно новых признаков, пусть даже и самой простой. Действительно, признак, который является благоприятным в условиях, когда система уже существует, вовсе не является таковым, когда системы еще нет.

В наиболее выраженной форме эти затруднения проявляются при попытках раскрыть природу ароморфозов (в общей биологии это понятие выражает скачкообразный характер появления нового состояния системы [6]). Есть основания полагать [7,8], что скачкообразные качественные трансформации вообще являются атрибутом эволюции любой сложной системы.

В частности, это можно проследить на примере эволюции культуры. Наиболее наглядным примером здесь является «греческое чудо» (по терминологии [9]): за невероятно короткий по историческим меркам промежуток времени на крохотной территории древней Греции неожиданно появляется все то, что в последующие два тысячелетия остается стержнем человеческой цивилизации – искусство, дипломатия, наука и философия [10].

Такие скачки невозможно объяснить с помощью мутационного механизма, так как он просто требует неоправданно длительного времени. Как говорит статистическая физика, десять обезьян, набирая на клавиатуре текст из случайно выбираемых символов, когда-нибудь напечатают все тома «Войны и мира», но ждать придется очень и очень долго.

Более общо, комплекс результатов, раскрывающих ограниченные возможности эволюционных теорий, восходящих к точке зрения Ч. Дарвина, можно выразить как невозможность появления нового системного качества за счет случайных мутаций. Как отмечается в [5], современная медицина однозначно показывает, что любые повреждения, связанные с изменением генетической трансформации, как правило, приводят к тяжелым болезням, а не к повышению устойчивости носителя.

Весьма наглядную – и практически важную – иллюстрацию к характеру таких трудностей можно дать, анализируя эволюцию познания в человеческом обществе, более конкретно – процесс инновационного развития. В этой области исследований случайной мутации можно поставить в соответствие появление нового изобретения (научной идеи, концепции и т.д.). Процессу закрепления мутации, очевидно, ставится в соответствие имплементация соответствующей идеи в общую систему научных знаний (внедрение изобретения в практику и т.д.).

Многочисленные работы, проведенные в области теории инноваций, например, [11-13], однозначно показывают, что наличия «благоприятного признака», т.е. наличия потенциальной высокой отдачи от внедрения изобретения или имплементации научной идеи, отнюдь не достаточно для того, чтобы они действительно оказались воспринятыми. Существует сколько угодно примеров идей и изобретений, о которых говорят, что они обогнали свое время. Более корректно, такие факторы трактуются через понятие информационного сопротивления

общества [13], которое на большей части истории любого государства оставалось значительным.

Периоды истории, в течение которых инновационное сопротивление общества существенно понижалось, являются, напротив, достаточно редкими. Вплоть до того, что именно по этой причине используются такие термины, как «греческое чудо» или «век гениев», отражающие всплески творческой и иной активности отдельно взятого народа, необъяснимо быстрое возникновение почти всех атрибутов современной цивилизации в сравнительно небольшом регионе. По выражению Э Ренана, интеллектуальная революция настолько внезапна и глубока, что ее считали необъяснимой в терминах исторической причинности и поэтому говорили о «греческом чуде», о том, что разум (логос) как бы вдруг освобождается от мифа, «подобно тому, как пелена спадает с глаз».

Анализ различных точек зрения на феномен «греческого чуда», а равно других ароморфозов, имевших место в истории культуры (и не только), проведенный в известных работах Б.М. Владимирского [14], был нацелен на попытку интерпретировать возникновение таких ароморфозов с позиций гелиобиологии. Аргументация в пользу этой точки зрения основывалась также на следующих соображениях. Б.М. Владимирский отмечает, что практически одновременное возникновение математики, логики в современном значении этого слова, философии и зачатков естественных наук не исчерпывает содержания «греческого чуда». Именно в это время появилась особая форма политического устройства – демократия, вполне возможно, что не менее важным было появление этики как системы самостоятельных представлений. Сюда же относится фейерверк фундаментальных для истории культурных идей, в частности, историософия, а также грандиозный всплеск в области искусства. Именно тогда родилась художественная литература, в области сценического искусства были открыты законы перспективы, причем стоит отметить, что написанные тогда пьесы ставятся по сей день.

Однако наиболее значимым для точки зрения Б.М. Владимирского [14] является то, что подобные всплески творческой активности практически одновременно произошли в регионах, весьма удаленных от Греции (Индия в VII-VI веках до н.э. представляла собой картину бурного расцвета и роста, «подобно джунглям в сезон дождей», равно как и Китай в период Чуньцю, 722 – 435 гг. до н.э.)

К. Ясперс [15] подчеркивал, что рассматриваемый период был также временем синхронного возникновения крупнейших религиозно-реформаторских движений. «Основатели буддизма и джайнизма в Индии были современниками Кун Цзы (Конфуция) и Лао Цзы. В Иране начал развивать свое учение Заратустра, тогда же выступили палестинские пророки Второисайя и Иеремия – почти современники Фалеса и Анаксимандра». Ясперс назвал этот период расцвета интеллектуальной деятельности «осевым временем» [16].

Однако общепринятого объяснения данному феномену до сих пор не существует. Отчасти признано, что весьма серьезной проблемой является отыскание некоего «пускового импульса», инициировавшего глобальный всплеск творческой

активности. Концепция «культурных заимствований», а равно представления о влиянии климатических факторов, неоднократно подвергалась критике [14].

Существует ряд интересных работ, в которых с различных позиций делаются попытки интерпретировать феномен культурных ароморфозов, в частности, греческого чуда. Так А. Зайцевым [10] предложена модель, рассматривающая этот феномен как результат сочетания особых социально-психологических факторов, освободивших творческую энергию, всегда существующую в обществе в латентном виде.

Основной тезис А. Зайцева звучит так: «... всякое более или менее нормально функционирующее общество препятствует любому духовному творчеству, не связанному с какой-либо практической деятельностью, и, тем самым, тормозит развитие культуры. По этой причине расцвет культуры происходит исключительно редко, и именно поэтому его всякий раз следует связывать с временным ослаблением системы, которая предохраняет общество от слишком быстрого обновления» [10, с. 279].

Говоря коротко, наглядные примеры такого рода показывают, что «благоприятный признак» закрепляется только тогда, когда для этого созрели необходимые предпосылки, иначе говоря, модифицировалась сама система, к которой принадлежит элемент – носитель этого признака.

Эти, равно как и оставшиеся неупомянутыми затруднения мутационных теорий эволюции привели к разработке принципиального нового подхода, альтернативного мутационным теориям эволюции, предложенного в [4, 7], который далее рассматривается с позиций общей теории информации.

Предпосылки для рассмотрения сложных систем с информационной точки зрения

В соответствии с подходом [4, 7], во главу угла ставится эволюция системы как таковой. Это предполагает наличие, как минимум, двух стадий эволюции. На первой стадии трансформируется совокупность связей между элементами системы, а сами элементы остаются практически неизменными. Данная, латентная, стадия интерпретируется через эволюцию аналога нейронной сети, комплементарной рассматриваемой системе. На второй стадии осуществляется «отбор» элементов, в наибольшей степени отвечающих новому состоянию системы.

Данный подход первоначально разрабатывался на основе аналогии между обществом и нейронной сетью [16]. В рамках этой аналогии каждому индивиду в соответствие ставится отдельный нейрон, каналам связи между нейронами – коммуникации между индивидами, а нейронной сети в целом – ноосфера (или социумы/этнотопосы, трактуемые как ее относительно самостоятельные фрагменты). Аналогии между социумом и нейронными сетями все более часто используются в настоящее время в других исследованиях социологической направленности [17].

На основе этой аналогии удалось продемонстрировать, что помимо личностного уровня переработки информации в обществе существует и надличностный. Несколько упрощая, наряду с той информацией, носителем которой является индивид, существует и информация, носителем которой является вся сеть в целом.

Последняя только косвенно связана с памятью собственно индивидов и определяется преимущественно характером совокупности межличностных коммуникаций. Уместно напомнить, что в процессе обучения нейронной сети изменяются весовые коэффициенты, характеризующие связи между нейронами, а характеристики последних остаются неизменными. Более того, функционирование нейронной сети может быть обеспечено и тогда, когда существенная часть ее элементов выходит из строя, что еще раз подчеркивает существование информационного уровня, ассоциированного с системой (нейронной сетью) в целом.

Есть все основания полагать, что именно надличностный уровень переработки информации отвечает за феномен коллективного бессознательного, многие проявления этнической идентичности и т.д. На уровне математических моделей можно доказать, что этот уровень отвечает за феномен, известный в социологии как «диктат среды», т.е. совокупность слабо выраженных факторов, которые заставляют индивида совершать поступки, в том числе, прямо противоречащие его собственным устремлениям и интересам. Не будет большим преувеличением сказать, что в системе возникает нечто, в определенном смысле контролирующее и направляющее дальнейшую эволюцию. Этот фактор вполне можно рассматривать на основании аналогии с представлениями о самоподдерживающихся информационных объектах [5], т.е. как некую совокупность информационных пакетов, в определенном смысле «живущих самостоятельной жизнью» за счет процессов непрерывной передачи информации между элементами системы.

Действительно, такие факторы как «диктат среды» и иные проявления нейросетевых свойств социума, заведомо могут иметь только информационную природу, коль скоро они порождаются не самими элементами, а существующими между ними связями. Корректно говорить о них можно только в рамках диалектического единства и противоположности материального и нематериального: носитель информационного объекта материален, но сам информационный объект представляет собой нечто иное и в этом смысле материальным не является. Сказанное полностью соответствует одному из основных положений системного подхода: система есть нечто качественно отличное от совокупности составляющих ее элементов.

Возвращаясь к предложенному в [4] механизму эволюции сложных систем, можно сказать так. Первая стадия эволюции, протекающая без изменения свойств элементов системы, отвечает появлению информационного объекта – нового качества, порождаемого трансформацией характера связей между элементами. Отметим, что такой переход может иметь место и при простом увеличении числа элементов систем и/или плотности связей между ними, что может быть продемонстрировано на соответствующих математических моделях [18].

На следующем этапе эволюции сформированный информационный объект начинает влиять на поведение системы в целом, «выбирая» элементы, в наибольшей степени отвечающие обеспечению его функционирования и дальнейшего развития. Разумеется, говорить об осознанности такого выбора и/или целеполагании, в той или иной форме, преждевременно, информационный объект просто создает условия

для преимущественного размножения элементов с соответствующими характеристиками.

Самоподдерживающиеся информационные объекты в эволюции сложных систем

Представления о самоорганизующихся информационных объектах [5], разумеется, проще всего было развить, отталкиваясь от анализа социальных явлений, где достаточно отчетливо прослеживаются макроскопические/коллективные эффекты различного характера. Более того, именно в этой области коллективные эффекты (диктат среды, коллективное бессознательное и т.д.) уже прочно вошли в научную традицию.

Однако, в силу сказанного выше, природа рассматриваемой системы не должна играть определяющую роль для формирования информационного объекта. Именно этот решающий шаг не был сделан в исследованиях, проведенных другими авторами в области трактовки эволюционных процессов.

Вместе с тем, информационные объекты могут возникать в системах самой различной, в том числе и физико-химической природы. По существу, доказательство существования и возникновения таких объектов делает предметными представления Д.С. Чернавского [19] о генерации информации, а также отвечает на вопрос о том, откуда вообще может появиться наследуемая информация.

Подчеркнем, что именно информационный объект, возникающий в системах физико-химической природы, делает замкнутым анализ эволюционных процессов на основе аналогии сложной системы и нейронной сети. Работы, в которых изучалась эволюция нейронных сетей как таковых, были известны и ранее, но в них так и не было сформулировано положений, трактующих появление нового качества системы как регулятора трансформаций составляющих ее элементов.

Резюмируя вышесказанное, основной тезис можно сформулировать следующим образом. Сложная система имеет Представление в информационном пространстве. При определенных условиях в ней происходит качественный переход, в результате которого в Представлении возникает самоподдерживающийся и самоорганизующийся информационный объект. Здесь уместно вернуться к дискуссии 19-го века о природе сознания. В любой сложной системе обязательно возникает нечто, что делает систему системой и заставляет ее вести себя как единое целое. В частности, сложная система приобретает способность хранить и, как выясняется, использовать (!) информацию, которая только косвенно связана с изменением состояния отдельного элемента.

Во всяком случае, можно утверждать, что обмен информацией в любой сложной системе классифицируется. Есть информация, которая непосредственно связана с отдельными элементами, и есть информация более высокого уровня – та, что связана с системой в целом.

Следовательно, как только любая система становится «достаточно сложной», в ней не просто возникает новое качество. Оказывается, что этому качеству присуще что-то вроде собственного сознания (возможно, предельно примитивного). Это

качество, за неимением лучшего термина, будем называть макроскопическим регулятором.

Примеры таких макроскопических регуляторов сейчас можно построить, рассматривая конкретные системы. В простейшем случае речь может идти о модели, содержащей совокупность узлов, связи между которыми находятся в динамическом равновесии, т.е. постоянно образуют и разрушаются снова. Удастся показать, что даже такая простая система обладает прямым аналогом программного кода, распределенной памятью и рядом других признаков, которые позволяют смотреть на сложную систему как на нечто, поддающееся программированию (разумеется, при условии, что пользователю известен «язык», отвечающий данной системе).

Заключение

Возвращаясь к рассмотренной выше аналогии, в которой индивиды ставились в соответствие нервным клеткам, а общество – головному мозгу в целом, можно заключить, что любой социум, перешедший определенный порог сложности, также должен приобрести свойства, отвечающие процессам использования и переработки информации более высокого уровня, нежели та, что связана с самостоятельным функционированием отдельных элементов.

Как и нейронная сеть, социум приобретает распределенную память, которая только опосредованно связана с памятью отдельных индивидов. Но это еще далеко не все, система в целом (система, а не отдельные ее элементы, например, люди) может эту информацию, так сказать, использовать. Более корректно говорить о том, что поведение системы в целом определяется не только (и может быть, не столько) свойствами отдельных элементов, сколько характеристиками макроскопического регулятора.

Список литературы

1. Avetisov V.A. Handedness, Origin of Life and Evolution / V.A. Avetisov, V.V. Kuz'min, V.I. Goldanskii // *Physics Today*. – 1991. – Vol. 44. – P. 33
2. Delaye L. Prebiological Evolution and the Physics of the Origin of Life / L. Delaye, A. Lazcano. // *Physics of Life Reviews*. – March 2005. – Vol. 2. – Issue 1. – P.47-64.
3. Bartsev S.I. Life as a Set of Matter Transformation Cycles: Ecological Attributes of Life / S.I. Bartsev, V.V. Mezhevikin, V.A. Okhonin // *Advances in Space Research*. – Vol. 28. – Issue 4. – 2001. – P. 607-612.
4. Suleimenov I. Non-Darwinists Scenarios of Evolution of Complicated Systems and Natural Neural Networks Based on Partly Dissociated Macromolecules / I. Suleimenov, S. Panchenko // *World Applied Sciences Journal*. – 2013. – Vol. 24 (9). – P. 1141-1147.
5. Переслегин С.Б. Опасная бритва Оккама / С.Б. Переслегин. – М.: Астрель, 2010. – 644 с.
6. Чернавский, Д. С. Проблема происхождения жизни и мышления с точки зрения современной физики / Д.С. Чернавский // *Успехи физических наук*. – 2000. – Т. 170. – №. 2. – С. 157-183.
7. Suleymenova K. I. Aromorphoses Phenomenon in the Development of Culture: a View From the Standpoint of Neural Net Theory of Complex Systems Evolution / K. I. Suleymenova, D. B. Shaltykova I. E. Suleimenov // *European Scientific Journal*. – 2013. – Vol. 9(19). – P. 840-844.
8. Сулейменов И. Э. Пространство смысловых кодов современной цивилизации / И. Э. Сулейменов, О. А. Габриелян, Д. Б. Шалтыкова, К. И. Сулейменова // *История и современность*. – 2014. – Т.1. – С. 46-68.

9. Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли / Ж.-П. Вернан. – М.: Прогресс, 1988. – 224 с.
10. Зайцев И.А. Культурный переворот в Древней Греции 8 – 5 вв. до н.э. / И.А. Зайцев / Под ред. Л. Я. Жмудя. — 2-е изд., испр. и перераб. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. — 320 с.
11. Дежина И.Г. Российская наука как фактор мировой политики / И.Г. Дежина // Космополис. – 2003. – №2. – С.43-56.
12. Соболевская А.А. Постиндустриальная революция в сфере труда / А.А. Соболевская, А.К. Попов. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – 205 с.
13. Nanotechnology Versus the Global Crisis / Ye.Ye. Yergozhin, Ye.M. Aryn, I.E. Suleimenov, G.A. Mun [and others]. – Seoul, Hollym Corporation Publishers, 2010. – 300 p.
14. Владимирский Б.М. Космическая погода и глобальные вспышки творческой активности / Б.М. Владимирский // Ноосферология: наука, образование практика / Под. ред. Габриелян О.А. – Симферополь, 2008. – 464 с.
15. Ясперс К. Истоки истории и ее цель / К. Ясперс // Смысл и назначение истории. – М.: Республика. 1994. – С. 32 - 37.
16. Сулейменов И.Э. Физические основы ноосферологии / И.Э. Сулейменов, П.Е. Григорьев. – Алматы – Симферополь, 2008. – 158 с.
17. Сулейменова К.И. Неформальные институты как информационные структуры / К.И. Сулейменова, Д.Б. Шалтыкова, И.Э. Сулейменов // Материалы международной научно-практической конференции «Интеграционные возможности современной экономики». – Иркутск, 2012 г. – С. 113-116.
18. Quantitative theory of effectiveness of highest education: role of interpersonal communications / I. Suleimenov, D. Shaltykova, P. Obukhova, A. Stentsova, K. Suleymenova, // European J. of Educational Sci. – Vol. 1. - Issue 2. – 2014. – P. 171-180.
19. Чернавский, Д. С. Синергетика и информация / Д.С. Чернавский – М: Наука, 2001. – 105 с.

Suleimenov I.E., Gabrielyan O. A., Suleimenova K.I. The Information Aspects of Complex Systems Evolution // Scientific Notes of Crimea Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 1. – P. 106-114.

The mechanism of complex systems evolution, which allows to overcome the difficulties of contemporary evolution theories, is presented from the standpoint information theory. It is shown that for systems of any nature there are two evolution stages: the emergence of information object due to the changes of links' structure without any changes in elements themselves, then information object starts to influence on whole system evolution by selection of elements, which properties are in good correspondence with information object. Proposed mechanism allows us to consider the complex system as an information system that has distributed memory and various control programs.

Any society which has passed a certain threshold of complexity, must also acquire the properties, corresponding to the use and processing of information of a higher level than the one that is related to the independent functioning of the individual elements. As a neural network, society acquires the allocated memory, which is only indirectly related to the memory of individuals. But that's not all, the whole system (the system and not its individual elements, such as individuals) may use this information. It is more correct to say that the behavior of the system as a whole depends not only on the properties of individual elements but also on the characteristics of the "macro-regulator".

Keywords: complex systems evolution, information system, complexity.

References

1. Avetisov, V.A. Handedness, Origin of Life and Evolution / V.A. Avetisov, V.V. Kuz'min, V.I. Goldanskii // *Physics Today*. – 1991. – Vol. 44. – P. 33
2. Delaye, L. Prebiological Evolution And The Physics Of The Origin Of Life / L. Delaye, A. Lazcano. // *Physics of Life Reviews*. – March 2005. – Vol. 2. – Issue 1. – P.47-64.
3. Bartsev, S.I. Life as a set of matter transformation cycles: ecological attributes of life / S.I. Bartsev, V.V. Mezhevikin, V.A. Okhonin // *Advances in Space Research*. – Vol. 28. – Issue 4. – 2001. – P. 607-612.
4. Bartsev, S.I. Life as a set of matter transformation cycles: ecological attributes of life / S.I. Bartsev, V.V. Mezhevikin, V.A. Okhonin // *Advances in Space Research*. – Vol. 28. – Issue 4. – 2001. – P. 607-612.
5. Suleimenov, I. Non-Darwinists Scenarios of Evolution of Complicated Systems and Natural Neural Networks Based on Partly Dissociated Macromolecules / I. Suleimenov, S. Panchenko // *World Applied Sciences Journal*. – 2013. – Vol. 24 (9). – P. 1141-1147.
6. Pereslegin, S. B. The Dangerous Occam's razor / S.B. Pereslegin. – M.: Astrel, 2010. – 644 p.
7. Chernavsky, D. S. The Problem of the Origin of Life and Thinking from the Point of View of Modern Physics / D.S. Chernavsky // *Successes of physical Sciences*. – 2000. – Vol.170. – №. 2. – p. 157-183.
8. Suleymenova, K. I. Aromorphoses Phenomenon in the Development of Culture: a View from the Standpoint of Neural Net Theory of Complex Systems Evolution / K. I. Suleymenova, D. B. Shaltykova, I. E. Suleimenov // *European Scientific Journal*. – 2013. – Vol. 9(19). – P. 840-844.
9. Suleimenov, I. E. Semantic Space of Codes of the Modern Civilization / I. E. Suleimenov, O. A. Gabrielyan, D. B. Saltykov, K. I. Suleimenova // *History and modernity*. – 2014. – Vol. 1. – P. 46-68.
10. Vernan, J.-P. The Origins of Greek Thought / J.-P. Vernan. – M.: Progress, 1988. – 224 p.
11. Zaitsev, A.I. Cultural Revolution in Ancient Greece 8 – 5 Century BC / A.I. Zaitsev / ed. by L. J. Zmud. — 2 ed.— SPb.: The philological faculty of St. Petersburg state University, 2001. – 320 p.
12. Dezhina, I. G. The Russian Science as a Factor in World Politics / I.G. Dezhina // *Cosmopolis*. – 2003. – No. 2. – P. 43-56.
13. Sobolevskaya, A. A. The Post-Industrial Revolution in the World of Work / A. A. Sobolevskaya, A. K. Popov. – M.: The Institute of world economy and international relations Russian Academy of Sciences, 2009. – 205 p.
14. Nanotechnology Versus the Global Crisis / Ye.Ye. Yergozhin, Ye.M. Aryn, I.E. Suleimenov, G.A. Mun [and others]. – Seoul, Hollym Corporation Publishers, 2010. – 300 p.
15. Vladimirov, B. M. Space Weather and Global Outbreaks of Creative Activity / B.M. Vladimirov // *Noospherology: science, education practice*. Under. edited by O. Gabrielyan. – Simferopol, 2008. – 464 p.
16. Jaspers, K. The Origins of History and its Purpose / K. Jaspers // «The meaning and purpose of history». – M.: Republic. 1994. – P. 32-37.
17. Suleimenov, I. E. The Physical Basis of Noospherology / I. E. Suleimenov, E. P. Grigoriev. – Almaty – Simferopol, 2008. – 158 p.
18. Suleymenova, K. I. Informal Institutions as Information Structure / K. I. Suleymenova, D. B. Saltykov, I. E. Suleimenov // *Materials of international scientific-practical conference "Integration possibilities of modern economy."* – Irkutsk, 2012 – p. 113-116.
19. Quantitative theory of effectiveness of highest education: role of interpersonal communications / I. Suleimenov, D. Shaltykova, P. Obukhova, A. Stentsova, K. Suleymenova, // *European J. of Educational Sci.* – Vol. 1. - Issue 2. – 2014. – P. 171-180.
20. Chernavskiy, D. S. Synergetics and Information / D.S. Chernavskiy. – M: Nauka, 2001. – 105 p.

УДК 167:303

КАТЕГОРИИ МЕТОДОЛОГИИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Жалдак Н.Н.

Статья обращает внимание на необходимость системного осознания философских категорий, которые выполняют методологическую функцию в социально-гуманитарных исследованиях. Основное содержание статьи – уточнение определений категорий объяснения человеческой деятельности, чтобы они могли эффективно выполнять свою функцию. Для определения этих категорий используется метод изобразительного логико-семантического анализа с применением линейно-табличных диаграмм автора и графов. Внесены исправления и дополнения в диаграммы и схемы, дающие образы: строения социальных сил субъекта; самого субъекта как открытой системы, на «выходе» которой силы и их носители затрачиваются в производстве, а на «входе» – приобретаются для потребления; взаимного дополнения субъектов в объединении таких сил, которые они вне этого объединения не могут использовать. Доказывается, что недопустимо отождествлять силы и их носителей. Действительные военные силы больше у победителя, а производительные – у того, кто больше производит реально потребляемого продукта. Обосновано, что минимизация затрат на достижение каждого частного результата и максимизация общего результата за счет использования всех ресурсов осуществляется одновременно. Опровергается возможность минимизации общих затрат для достижения максимума общих результатов. При помощи схемы общественного отношения показана важность учета того, что субъект выбирает наименее затратный путь к удовлетворению потребностей в зависимости от того, за что он платит.

Ключевые слова: социально-гуманитарные исследования, методология, категории, социальные силы, потребности, интересы.

Объект исследования – специфика методологической функции философии в социально-гуманитарном знании.

Цель исследования – актуализировать системное понимание философских категорий, которые выполняют методологическую функцию в социально-гуманитарных исследованиях и, в особенности, уточнить определения категорий объяснения человеческой деятельности так, чтобы они могли эффективно применяться в социально-гуманитарных исследованиях.

Одна из крупнейших интеллектуальных провокаций, осуществлённая под предлогом приобщения к так называемой мировой науке – побудить российских ученых к признанию негодности и к простому отбрасыванию старой марксистской методологии, а затем к замене ее другой, более соответствующей интересам провоцирующей стороны. Мы считаем такой подход вненаучным: научная критика любого, а тем более, весьма влиятельного учения, должна быть конструктивной, отделяющей истину от лжи и приумножающей истинное знание.

Для определения категорий философии социально-гуманитарных исследований в статье используется метод изобразительного логико-семантического анализа с применением линейно-табличных диаграмм автора и графов, причём внесены исправления и дополнения в те диаграммы и схемы, которые публиковались ранее [1].

Существуют категории, без которых нормального человеческого мышления нет, но которые используются интуитивно. Естественный язык ученого, какой бы наукой он ни занимался, не обходится без следующих наиболее часто употребляемых слов и употребления соответствующих категорий. «Есть» – бытие; «какой» – качество; «сколько» – количество; «где» – место в пространстве; «как бы» («вроде бы») – видимость; «лишь как бы» – обманчивое в видимости; «от чего» – основание; «из чего» – предмет или материал; «когда» – время; «чем» – средство, орудие; «как» – метод; «при ком» – социальная среда; «кто» – субъект; «с кем» – партнер; «от кого» – распределяющий, поставщик; «зачем» – цели, потребности или интересы; «за что» – возмездность; и т.д. Когда же говорится, например, о количественном социологическом [2] или вообще о любом количественном социально-гуманитарном исследовании, то имеется в виду измерение, в осмыслении которого в качестве основной работает категория более высокая, чем категория «количество», а именно категория «мера» и иные связанные с ней категории.

Требуется, во-первых, научно осознать такого рода категории, работающие в массовом понимании, представить в виде системы, и далее эту систему применять как всеобщий метод познания, социально-гуманитарного в частности. Таким философским методом может быть познавательная логика в виде системы логических форм вопросов и ответов на конкретизацию знания о любом объекте [3], примерный набросок которой построен автором аналогично системе категорий гегелевской «Науки логики» [4], с тем пониманием категорий объяснения человеческой деятельности, которое подробнее излагается в его работах [3. 4. 5].

Основные категории объяснения человеческой деятельности – это «социальные силы», «потребности субъекта», «интересы» и др. Притом через социальные силы определяются далее потребности субъекта и интересы.

Для действенного определения социальных сил необходимо следовать распространённому пониманию того, что есть сила.

Сила – это заключенная в ее носителе действительная возможность производить изменения в среде. Сила содержательно тождественна своему проявлению, поэтому по нему и качественно определяется, измеряется. Поэтому сколько действий, столько может быть названо и сил; и чем больше действие (проявление), тем больше сила. Например: политика – политические силы, война –

военные силы, производство – производительные силы, жизнь – жизненная сила, подъем груза – грузоподъемная сила и т.д.; подъем большого груза – проявление большей грузоподъемной силы. По Гегелю, различие между силой и ее проявлением вообще составляет лишь "пустая форма рефлексии-в-самое-себя" [7, с. 303], т.е., в терминах кибернетики, сила есть прогнозируемый «выход» «черного ящика», а сам этот «выход» есть проявление силы (см. рис.1, рис. 2). Социальные силы не есть их носители [см., например: 8]. Военные силы больше у победителя, а не у того, кто имеет больше бойцов, вооружения, лучшие технические показатели этого вооружения и т.д.

Человек (или общность людей как открытая самоуправляемая социальная система) имеет сложное иерархическое строение. Соответственно, действительная социальная сила (ДСС) есть соединение в нужном месте и времени в нужной последовательности, в нужном качестве и количестве семи сил: С1 – силы (способности) словесно выражать желанность; С2 – силы словесно, символически мыслить об этой желанности; С3 – силы желать эту деятельность; С4 – силы образно представлять деятельность; С5 – «физические» силы для деятельности; С6 – силы внешних средств; С7 – силы предметов деятельности. (Подробнее этот перечень сил изложен в предшествующей статье [см.: 9]. См. рис. 1.)

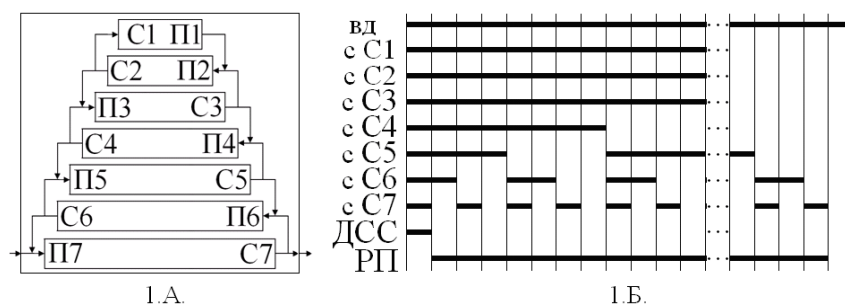

Рис. 1. Строение субъекта как самоуправляемой системы (1.А) и его сил (1.Б).

Структурирование социальной силы может совершенствоваться, но и данное позволяет делать практически значимые выводы.

На рис. 1.Б линейно-табличная диаграмма соотношения семи сил (возможностей деятельности). Столбец, выделенный линией ДСС, соответствует действительным силам и, а столбцы, выделенные линией РП, соответствуют лишь потенциальным силам: резервам и потерям. Измерение и учет всех сил необходимы для эффективного использования ресурсов в любой области деятельности.

Каждой из сил С1-С7 субъекта, необходимых для его существования, соответствует его потребность (одна из П1-П7) получить такую силу в случае отсутствия (см.: рис.1). Потребности субъекта (П) – это осознанное переживание такого недостатка (отсутствия) сил для последующего существования, который необходимо восполнить затратой имеющихся сил (С). Здесь существенно то, что такие отсутствующие силы, или такое, должное быть восполненным отсутствие определенных сил, составляет содержание потребностей, и эти отсутствующие силы, которые затем приобретаются, так относятся к тем, которые имеются у

субъекта, но затрачиваются, как приход к расходу в бухгалтерии. Силы и потребности оказываются соизмеримыми, а это принципиально важно для количественного подхода в социально-гуманитарных науках. Потребность есть прогнозируемый «вход» субъекта как открытой системы-«черного ящика» (см.: рис. 1.А, рис.2).

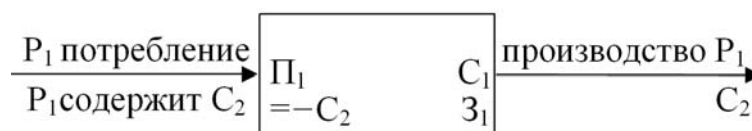

Рис. 2. Субъект как открытая система, проявляющая свои силы (на «выходе») и свои потребности (на «входе»).

Схема на рис. 2 показывает, что силы C_1 и, вместе с тем, их носители 3_1 затрачиваются в производстве результата P_1 для удовлетворения потребности $П_1$ в получении сил C_2 , которые содержатся в результате P_1 . На «выходе» – затрата сил и их носителей, на «входе» – получение нужных результатов (предметов потребления) и заключенных в них сил. На этой схеме термины «производство» и «потребление», как и далее термины «распределение» и «обмен» на рис.5, имеют более широкое значение, чем в экономических науках. Это – производство результата и потребление того, что затрачивается на это производство, в любой целесообразной деятельности.

Фактическую деятельность нельзя объяснять ни силами, ни потребностями по отдельности: в любом конкретном случае не всё, что человеку посильно, он делает, не все свои потребности удовлетворяет. В конечном счете, важно то, какие именно потребности из всего их множества и какими именно из своих потенциальных сил он будет удовлетворять в данном положении, т.е. в данной совокупности объективных условий. Понимание этого выражает категория «интерес», необходимая для объяснения и прогнозирования деятельности.

Интерес субъекта – причина его выбора в данных объективных условиях согласно собственной информированности и оценке такой деятельности, в которой каждый нужный результат, удовлетворение каждой потребности достигается минимальной затратой ресурсов, сил, а данной производимой их затратой достигается максимум результатов, удовлетворенных потребностей. Возможность количественного исследования интересов продемонстрируем следующими формулами.

$$\begin{aligned} \Phi.1) \quad I_P &= \frac{P}{Z_{\min}} & \Phi.2) \quad I_Z &= \frac{P_{\max}}{Z} \\ \Phi.3) \quad I_{\Pi} &= \frac{\Pi}{C_{\min}} & \Phi.4) \quad I_C &= \frac{\Pi_{\max}}{C} \end{aligned}$$

где: I_P – интерес достичь данный результат; I_Z – интерес сделать данные затраты; P – результат; Z – затраты. I_{Π} – интерес удовлетворения данной потребности; Π – данная потребность; $C_{\min}$ – минимум сил, которыми удовлетворима данная потребность в данных условиях; I_C – интерес затраты

данных сил; С – данные (заданные) силы; П_{макс} – максимум потребностей, удовлетворимых посредством затраты данных сил.

В формулах Ф.1 и Ф.3 минимум затрат ресурсов, сил – это низшая граница их меры в качестве достигающих данный нужный результат, удовлетворяющих данную потребность в сложившихся условиях. Минимальная величина затрат не может быть равна нулю, так как это означало бы просто отсутствие затрат, а они есть причина получения результата, а без причины не может быть следствия, притом в следствии только та субстанция, которая никак не в меньшем количестве имела в причине. Если на постройку дома будет выделено материалов меньше нужного, то дом будет не достроен, а затраты материалов будут иметь качество затрат на то, чтобы построить недострой, а не дом.

Формулы Ф.3 и Ф.4 интереса (соответственно и Ф.1 и Ф.2) действуют одновременно: увеличение общего результата достигается допустимым уменьшением затрат на частности. Однако неправильно говорить, что интерес состоит в том, чтобы иметь максимальные результаты при минимальных затратах. Такому заявлению соответствует формула 5.

$$5) \quad I = \frac{P_{\text{макс}}}{Z_{\text{мин}}} \quad 6) \quad I \cdot Z_{\text{мин}} = P_{\text{макс}}$$

Однако простое алгебраическое преобразование ее в формулу 6 выявляет следующее противоречие в таком понимании интереса. Согласно знаку равенства, чем больше величина в левой части уравнения, тем больше величина в правой, а согласно обозначениям минимума и максимума, чем меньше величина в левой, тем больше величина в правой.

Для получения максимальных результатов субъекту приходится использовать всё, что есть, добиваться всеми силами. На недовложенный капитал, при любом проценте прибыли будет недополучена прибыль и т.д.

Формулы интереса указывают возможность прогнозирования деятельности по интересу.

Пониманию того, что собственно соотносится во всех четырех формулах интересов, может помочь таблица-схема, которая иллюстрирует, как действуют интересы в использовании невозстановимых ограниченных ресурсов.

Невосстановимые природные ресурсы						
рентабельные, достаточные для развития					нерентабельные, недостаточные для существования	
для прогресса			для регресса			
P_0	P_1	P_2	P_3	P_4	P_5	P_6
Π_0	Π_1	Π_2	Π_3	Π_4	Π_5	Π_6
C_1	C_2	C_3	C_4	C_5	C_6	C_7
3_1	3_2	3_3	3_4	3_5	3_6	3_7

Рис. 3. Схема расходования невозстановимых ограниченных ресурсов по интересу.

На рис. 3 жирная линия – вектор, обозначающий те ограниченные невозстановимые силы природы или ресурсы, которые доступны людям. На этом

векторе отмеряются отрезки, соответствующие расходованию этих социализируемых сил природы и ресурсов. $3I$ – затраты 1, которые несут в себе силы 1 ($C1$). $P1$ – результаты 1. $P1$ – проявление сил 1. Достижение результатов 1 нужно для удовлетворения потребностей 1 ($П1$), так как эти результаты несут в себе силы 2 ($C2$). Результаты 1 составляют непосредственное, явное содержание потребностей 1 ($П1$), а силы 2 ($C2$) составляют опосредствованное, неявное содержание этих потребностей. Внешне наблюдаются затраты, затем результаты этих затрат. Но они есть проявление предшествующих им сил и потребностей. Проблема же познания действующего интереса – выяснить, какие силы заключены в затратах до их осуществления и какие будут заключены в результатах, которые будут получены вследствие этих затрат. Для измерения действительных сил по их проявлению следует учитывать, что, согласно тождеству силы и проявления, действительные силы $C1 = P1$, $C2 = P2$ и т.д.

Схема на рис. 3 указывает на необходимость соотносить затрачиваемые природные ресурсы и добываемые ресурсы, но вместе с тем затрачиваемые и приобретаемые силы. Ресурсы же имеют энергетическую, вещественную и информационную составляющие. Все эти составляющие рассматриваются как содержание социальных сил: социальная сила открытой социальной системы есть все то, чем она изменяет объекты вне себя для удовлетворения своих потребностей. При таком понимании, социальная сила, т.е. причина социальной деятельности, включает в себя наряду с энергетической и вещественную и информационную составляющие. Однако все они соизмеряются в единицах абстрактной энергии низшего качества, которую необходимо затрачивать на их производство.

В вычислении интересов следует учитывать, что существует КПД затрат на достижение результатов, так что величина действительных сил, заключенных в затратах, неоднозначно соответствует величине затрат, хотя и равна величине результатов. (При равных затратах ресурсов одни достигают больших, а другие меньших результатов)

Поскольку говорим о нужных результатах, то непосредственным содержанием потребностей признаем результаты, т.е. проявление затраченных сил. Но, по сути, содержание потребностей – это те новые силы, которые заключаются в полученных результатах и приобретены взамен израсходованных. Вещь, которую субъект не сможет далее использовать для удовлетворения дальнейших потребностей, не нужна ему по определению. Фактически удовлетворяемые потребности в действительных силах $П0 = C1 = P1$, $П1 = C2 = P2$ и т.д. Однако рис. 3 показывает лишь отношение сил и потребностей, затрат и результатов к действительным расходуемым людьми силам природы или природным ресурсам. Содержание же действующих интересов субъекта не сводится к тому, что показывает схема на рис 3, уже потому, что действующий интерес может включать неосуществимые потребности, которые, тем не менее, мыслятся субъектом как осуществимые.

В формулах 1, 2 не отражен тот факт, что в отличие от исследователя, который смотрит на внешние проявления человека со стороны, сам человек соизмеряет все свои затраты и приобретения в голове, на уровне своих духовных сил, степенью своей удовлетворенности или неудовлетворенности. Человеку нужна

удовлетворенность от деятельности. Эту удовлетворенность можно получить относительно большой затратой материальных сил на производство благ, которые действительно необходимы для его существования в будущем. Но удовлетворенность можно получить и значительно меньшими затратами материальных сил не на преобразования внешних предметов, а на само достижение этой удовлетворенности здесь и сейчас. Человек может стремиться и получить удовлетворение от иллюзии успешного движения к «приятной», но иллюзорной, недостижимой цели, а не от такого практического изменения реальности, которое требует большей затраты сил. Таким образом, формулы 1-2 можно назвать формулами возможного интереса эффективной деятельности. Они применимы к прогнозированию деятельности, если в ней реализуется объективная оценка эффективности деятельности и нейтрализуется субъективизм оценок отдельных людей, например, в некоторых видах экономической деятельности и др. Формулы 2 и 3, согласно самому понятию потребности, не исключают субъективизма оценок, требуют выяснять, как он сам думает, что ему нужно. Но с другой стороны, они требуют выяснения того, какие социальные силы приобретает субъект, производя или получая какой-то результат, например, купив вещь. Конечно, не исключено, что в обладании вещью усматривается лишь возможность обладать этой вещью, но обычно субъект более дальновиден и усматривает некоторые иные возможности (силы) что-то производить далее посредством этой вещи, т.е. содержанием потребности является не сама вещь, а то, зачем она нужна. Вещь, которая ни для чего не нужна, не составляет содержание действительной потребности.

Субъект, соизмеряя свои результаты и затраты не в действительности, а в своей духовной сфере, обречен на неполноту и на некоторую искаженность знания об объективных условиях своей деятельности, а также о, казалось бы, доступных ему возможностях. К тому же, не всё получение и не вся переработка информации осознаются. Указанное соизмерение происходит и в сознании, и в подсознании. Таким образом, при количественном исследовании действительных, т.е. фактически действующих, социальных сил, потребностей и интересов субъектов следует учитывать возможность их подмены своим представлением о них.

Количественное социально-гуманитарное исследование может быть необходимо для выявления возможностей увеличения или уменьшения социальных сил. А значит, надо представить их так, чтобы источники их роста подлежали количественному учету. Специфический источник социальных сил, а точнее, общественного прироста сил, – это объединение людей общественными отношениями, в которых они берут друг от друга такие силы, каких у них вне объединения нет, и устраняют несовпадение разных видов своих потенциальных сил за счет взаимного дополнения неполных комбинаций. Общественный прирост социальных сил сверх арифметической суммы тех действительных сил, которые субъекты имели бы и без объединения, можно назвать синергетическим эффектом. Покажем этот прирост на диаграммах (см.: рис 4):

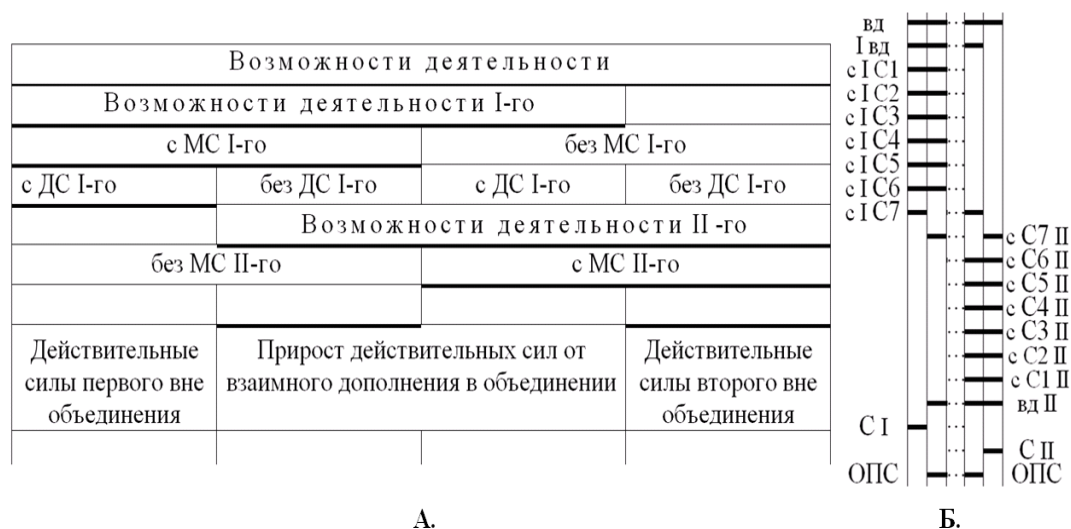

Рис. 4. Взаимное дополнение сил субъектов. А – упрощенная таблица с встроенной линейной диаграммой; Б - линейно-табличная диаграмма с демонстрацией взаимного дополнения C1-C7 двух субъектов.

На рис. 4 показана принципиальная возможность составления учетных таблиц для контроля над приростом сил от объединения. Притом, если учет материальных сил, входящих в действительные экономические силы, могут осуществлять экономисты, то учет духовных сил всех разновидностей остается представителям иных социально-гуманитарных наук. Это означает, что участие этих представителей в исследовании потенциальных сил имеет существенное значение для сохранения и укрепления социальных систем за счет более полноценного и эффективного взаимодействия людей в них. Может прогнозироваться ожидаемая величина прироста тех или иных социальных сил от объединения конкретных субъектов. Равным образом может прогнозироваться и величина потери социальных сил каждой из сторон, которые рвут свои отношения.

Вышесказанное означает, что количественные социально-гуманитарные исследования могут быть полезны для защиты в информационной войне. При этом в исследованиях, наряду с познавательной компонентой, может присутствовать и воспитательная. Например, сами формулировки вопросов социологами в анкете или собеседовании могут быть наводящими. Для разрушения государства и общества враждебные средства информации могут призывать ту или иную часть общества к свободе от другой. Люди могут некритически принимать такие призывы, не осознавая того, что они живут за счет прироста сил с теми, от кого их хотят освободить, и именно за счет этого прироста сил имеют реальную свободу выбора. Могут не осознавать и того, что при прочих равных условиях от разрыва отношений больше теряет сторона с меньшими силами (в предельном случае, когда отделенным от общества оказывается индивид, то лишь в редких случаях ему удастся выжить).

Могут ложно надеяться на предлагаемые новые лучшие партнерские отношения и т.д.

В игре на разрыв общественных отношений может использоваться то, что само устройство общественного отношения (см.: рис. 5) конфликтогенно, так как интересы находятся в обратной зависимости. Чем большая доля приобретаемого прироста социальных сил от объединения данным отношением достается одному, тем меньшая – другому. Но действующий общий интерес, который объединяет свободных субъектов, может существовать и состоит в том, что каждый из субъектов, согласно его оценке, именно в этом отношении получает больше, чем мог бы в любом альтернативном отношении с кем-то другим. Оценка, разумеется, может быть и ложной. При прочих равных условиях, чем больше возможных поводов для внутренних конфликтов, тем больше должна быть подпитка системы за счет поступлений благ извне, или консолидация за счет образа внешнего врага.

Хотя действующие интересы могут быть направлены на удовлетворение вредных или иллюзорных потребностей, в тенденции для выживания субъектов они должны приближаться к интересам эффективной деятельности. Само выживание самоуправляемой социальной системы свидетельствует о том, что она остается еще в границах достаточности такого приближения. Объясняющую способность интереса, а также полезность представления графами структуры общественного отношения демонстрирует также следующая схема :

Рис. 5. Выбор кратчайшего (легчайшего) пути к удовлетворению потребностей в зависимости от поощряемых результатов производства.

Схема демонстрирует, что, по формулам 1 и 3 интереса, производитель (справа) заинтересован идти по линии наименьшей затраты своих сил и достигать лишь того результата (точки 1-5) в своей деятельности для потребителей, за достижение которого он взаимно получает то, что удовлетворяет его материальные или духовные потребности. Кратко отметим то, какой результат (продукт) достигнут в каждой из указанных точек: 1 – непроизведенный, 2 – незавершенный, 3 – завершенный, 4 – проданный, 5 – удовлетворенная потребность потребителя (а здесь существенно для кого она полезна, а для кого вредна: оптимально поощрение потребностей, которые полезны и для производителя, и для потребителя, и для государства, и для общества). Соответствующие отрицательные результаты: 1 – отсутствие таковых, 2 – накопление «незавершенки», 3 – «затоваривание» складов ненужной готовой продукцией, 4 – продажа бесполезного, 5 – производство для бесполезных потребностей и по принципу «продать потребность». Соответственно,

можно вспомнить «доперестроечную» «борьбу» и за качественную готовую продукцию, и за переход к рыночной экономике. Зависимость, показанная последней схемой, была и есть. Поэтому в любой социально-гуманитарной науке исследование заинтересованности людей в достижении тех или иных результатов деятельности должно начинаться с уяснения того, за что собственно изучаемых людей поощряют в сложившейся системе отношений. Если конечным результатом, за который поощряется преподаватель вуза, являются заполненные соответственно изменяющимися требованиями планы и отчеты, то, естественно, он именно этим и будет заниматься в первую очередь в свое рабочее время. Если зарплата преподавателя тем больше, чем больше студентов и чем большую плату за обучение внесут, а потребность студента состоит в том, чтобы получить диплом, то... Если врачу для получения зарплаты необходимо заполнить массу документов, то он и будет делать это в ущерб времени, которое тратится собственно на пациентов. Если он получает зарплату за лечение, а не за удовлетворение потребности пациентов быть здоровыми, то он будет заинтересован в запущенных хронических больных или в фиктивных больных. Притом важнее не то, за что номинально платят работнику, а то без чего ему фактически не платят. Неплохо было бы каждую предлагаемую инновацию сопровождать достоверным, экспериментально подтвержденным исследованием затрат рабочего времени исполнителей на каждое из благих намерений управленцев.

Представленное исследование позволяет сделать вывод о том, что категории философии и, в особенности, категории объяснения человеческой деятельности – такие, как «социальные силы», «потребности субъекта», «интересы», «общественные отношения» (с тем их содержанием, которое частично раскрывается в данной статье и в соответствующих работах автора), плодотворны и необходимы в философской методологии социально-гуманитарных исследований.

Список литературы

1. Жалдак Н. Н. Изобразительный логико-семантический анализ категорий детерминизма в философии экономики / Н.Н. Жалдак. – Гуманитарные и социально-экономические науки, 2008. № 4. – С. 16 – 19.
2. Аверин Ю. П. Теоретическое построение количественного социологического исследования / Ю. П. Аверин. – М.: Академический Проект, 2014. – 432 с.
3. Жалдак Н. Н. Познавательная логика вопросов и ответов / Н.Н. Жалдак. – Белгород: ЛитКараВан, 2010. – 104 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Наука логики / Г. В. Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 1997. – 800 с.
5. Жалдак Н. Н. Практическая философия / Н.Н. Жалдак. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2014. – 96 с.
6. Жалдак Н. Н. Социальные силы (от марксистского к кибернетическому пониманию): Очерк практической философии / Н.Н. Жалдак. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2014. – 268 с.
7. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия Философских наук. Т.1. / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1974. – С.303.
8. Lakoba Taras I., Kaup D. J., Finkelstein Neal M. Modifications of the Helbing-Molnár Farkas-Vicsek Social Force Model for Pedestrian Evolution. URL – <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.457.2329&rep=rep1&type=pdf>

9. Жалдак Н. Н. Информационные конфликты и социальные силы (очерк методологии исследования) / Н.Н. Жалдак // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И.Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». – 2014. – Т.27 (66). № 3. – С. 85-91.

Zhaldak N.N. Categories of Social and Humanitarian Studies Methodology // Scientific Notes of Crimea Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 1. – P. 115-125.

The article draws attention to the need for a systematic knowledge of the philosophical categories that perform methodological function in social and humanitarian studies. The main content of the article is clarification of the definitions of categories of explanation of human activity, so that they can effectively carry out this function.

The author's method of linear-tabular diagrams and graphs was used for visual logical and semantic analysis to define these categories. Corrections and additions are made in the diagrams and graph schemes, which give the image of the structure of the social forces of the subject, and image of the subject himself as an open system (its forces and their carriers are expended in production at its "exit" and are purchased for consumption on its "input"), and an image of how joining together subjects mutually complement each other such forces which they are out of this association cannot be used. It is proving that it is unacceptable to be confused forces and carriers of these forces. It is recognized that the minimization of costs of achieving each particular result and maximization of the overall result due to the costs (use) of all resources and forces of the subject is carried out simultaneously, but is refuted due to the possibility of minimizing overall costs to achieve maximum of overall results. With the use of social relation scheme it is shown importance of accounting what the subject according to interest chooses the least expensive way to meet the needs depending on that for which he has encouraged.

Key words: social and humanitarian research, methodology, categories, social forces, needs, interests.

References

1. Zhaldak N. N. Iconic (Image-Bearing) Logical-Semantic Analysis of the Categories of Determinism in Philosophy of the Economy // Humanitarnie i Socialno-ekonomicheskie science. – 2008. – № 4. – pp 16–19.
2. Averin Y. P. Theoretical Constructions of Quantitative Sociological Research / Y. P. Averin. – M.: Akademicheskiiy proekt, 2014. – 432 p.
3. Zhaldak N. N. Cognitive Logic of Questions and Answers / N. N. Zhaldak. – Belgorod: LitKaraVan, 2010. – 104 p.
4. Hegel G.V.F. Science of Logic / G. V. F. Hegel. – St. Petersburg: Nauka, 1997. – 800 c.
5. Zhaldak N. N. Practical Philosophy / N. N. Zhaldak. – Belgorod: ID "Belgorod" NIU "BelGU", 2013. – 96 p.
6. Zhaldak N. N. Social Forces (from a Marxist Understanding to the Cybernetic): Essay of Practical Philosophy / N. N. Zhaldak. – Belgorod: ID "Belgorod" NIU "BelGU", 2014. – 268 p.
7. Hegel G. V. F. Encyclopedia of Philosophy. Vol.1. / G. V. F. Hegel. – M.: Misl, 1974. – 303 p.
8. Lakoba Taras I., Kaup D. J., Finkelstein Neal M. Modifications of the Helbing-Molnár Farkas-Vicsek Social Force Model for Pedestrian Evolution. URL – <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.457.2329&rep=rep1&type=pdf>
9. Zhaldak N. N. Information Conflicts and Social Forces (Essay Methodology Research) // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political science. Sociology. – 2014 – Т.27 (66). № 3. – pp. 85 – 91.

УДК164.043

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ «НЕМЕЦКОГО КОНСТРУКТИВИЗМА»

Мануйлов В. Т.

Рассматриваются методы и средства обоснования математического знания, характерные для «Немецкого конструктивизма» или «Эрлангенской школы»: 1) способы реконструкции обыденного языка с целью обеспечения его понятности и общезначимости для научного употребления; 2) методы обоснования математической теории с помощью «исчислений» (Kalkül); 3) «Лоренценовские диалоги» как средство построения и обоснования научного знания в «оперативной логике и математике». Выявляются гносеологические основания различения «строгого», «эффективного» и «классического» диалогов при обосновании научного знания в «Немецком конструктивизме».

Ключевые слова: конструктивизм, философия математики, логика, методология науки, исчисление, правило, диалог.

Цель работы: выявить и систематизировать основные методы обоснования логико-математического знания в Немецком конструктивизме.

Предмет исследования: методы обоснования логико-математического знания в работах основных представителей Немецкого конструктивизма.

В современных исследованиях по основаниям научного знания конструктивность рассматривается как одно из важнейших методологических требований [2]. Но современное состояние дел в области оснований научного (в частности, математического) знания характеризуется распадом прежде единого (в период классической науки) поля теоретизирования на три самостоятельные (самодостаточные) области: собственно наука (математика); логика и методология науки (математики); философия науки (математики) [3],[5]. Самодостаточность этих областей заключается не только в том, что каждая из них стремится оградить себя от вторжения «соседей», но и в построении в каждой области «образов» недостающих частей. Ситуация схематично может быть представлена следующим образом (см. Схему 1).

[Наука (математика)]-1	[Логика и методология науки (математики)]-1	[Философия науки (математики)]-1
[Наука (математика)]-2	[Логика и методология науки (математики)]-2	[Философия науки (математики)]-2
[Наука (математика)]-3	[Логика и методология науки (математики)]-3	[Философия науки (математики)]-3

Схема 1

Первая строка Схемы 1 представляет слой «собственно науки (математики)». Основные обитатели, «жители» этой области: теории, рассматриваемые как интерпретированные или неинтерпретированные («формальные») исчисления, строящиеся в формальных языках и проверяемые на выполнение определенных метатеоретических критериев (непротиворечивости, полноты, независимости аксиом и т.д.). [Логика и методология науки (математики)]-1 сводится к разработке методов решения логико-семиотических (синтаксических и семантических) проблем (непротиворечивости, полноты, аксиоматизируемости, разрешимости, категоричности и т.д.), возникающих в конкретной работе ученых (математиков), причем логико-методологический «органон» этого уровня – математическая логика – рассматривается как специальная математическая теория. [Философия науки (математики)]-1 (philosophy of sciences) сводит классические философские проблемы научного (математического) познания к логико-семиотическим проблемам и пытается решить их методами математической логики. Конструктивная логика этого уровня — «совокупность логических принципов, признаваемых представителями конструктивизма (в математике) и включающих абстракцию потенциальной, но не актуальной бесконечности, что определенным образом изменяет понимание логических связей и кванторов (по сравнению с их пониманием в классической логике), сочетая это понимание с конструктивными процессами (процессами, описываемыми алгоритмами)» [9].

Центральным пунктом второго уровня является *логика и методология научного (в частности, математического) знания*, теория научного знания – эпистемология; в немецкоязычной традиции эта область исследований обозначается термином Wissenschafts theorie (теория науки) [11]; [2]; [3]. В отличие от [Философии математики]-1 развиваемая на основе Wissenschaftstheorie [Философия математики]-2 проявляет гораздо больший интерес к традиционным философским концепциям научного знания. На уровне [Логики и методологии науки (математики)]-2 на основе оперативной логики и математики П. Лоренцена сложились две концепции математического и научного знания: аналитическая [Философия науки]-2 (analytische Wissenschaftstheorie) и противопоставляемая ей в современной литературе конструктивная [Философия науки]-2 (konstruktive Wissenschaftstheorie) [11]. Метод аналитической философии науки характеризуется как «исследование» или «путь (метод) исследования» («die Forschung» [26] и «the way of research» [13]) в противоположность методу конструктивной философии науки (konstruktive Wissenschaftstheorie), характеризуемому как «представление» или «путь (метод) представления» («die Vorstellung» [26] и «the way of representation» [13]). Логическая

часть конструктивной философии науки ([конструктивная логика]-2) представлена так называемой диалогической логикой [10].

«Немецкий конструктивизм» – философская программа в рамках «теории науки» (*Wissenschaftstheorie*), сложившаяся окончательно в 80-х годах прошлого века, основателями которой считают П. Лоренцена и В. Камла, совместная работа которых началась в 1962 году с приглашением П. Лоренцена в Эрланген [10, S. 746-758]. «"Теория науки" (*Wissenschaftstheorie*) в Германии есть достаточной степени то, что охватывается философией науки (*philosophy of science*) в ее широчайшем смысле, включая работы по логике и основаниям научных теорий, концептуальной истории науки, культурной и практической среде и нормативным аспектам как научного, так и технического прогресса... Замечательно, что англо-американская философия науки (*philosophy of science*), представители которой как раз ограничивались в своих занятиях изучением логики науки, вынуждены ныне становиться достаточно терпимыми в своих стремлениях осуществить внемецкой «теорией науки» (*Wissenschaftstheorie*)» [10, P. ix-x]. Конструктивная теория науки, в отличие от аналитической, рассматривает предметы науки как *конструкции*, то есть продукты целенаправленной человеческой деятельности; «...универсальная задача конструктивной теории науки состоит в том, чтобы производство предметов некоторой науки, как неявно заданное предписаниями, в последующем реконструировать, чтобы затем на фоне этих правил подвергнуть действительные науки критическому контролю [с точки зрения] их методического построения. При этом вопросы философии, поскольку они касаются построения науки, формулируются и разрешаются как теоретико-научные (*wissenschaftstheoretische*) проблемы» [12, S. 746].

Конструктивная теория науки как философское направление относит себя к «философии языка», но требования к обоснованию здесь принципиально отличаются от таковых как в герменевтической философии, так и в философии типа «философии обыденного языка» Витгенштейна. Теоретико-научная реконструкция исходит из того, что все философские усилия должны осуществляться «внутри [комплекса] (Жизнь, Мир, Язык и т.д.)» с тем, чтобы построить «язык науки» на прагматическом базисе, исходя из первых «жизненно-мировых» (*lebensweltlichen*) начал, и по правилам *методического* мышления, базирующимся на *методическом* и *диалогическом* принципах [17, S. 12-23].

Конструктивная теория науки вырастает из оперативной логики и математики П. Лоренцена – разновидности конструктивного направления в основаниях математики, относящегося в нашей классификации к первому уровню. В. Штегмюллер относит это направление к аналитической философии науки [25]. Противопоставление конструктивной и аналитической теории науки происходит в 1979 году в статье Г. Вольрапа [26]. На Схеме 2 представлено соотношение оперативной логики и математики и Немецкого конструктивизма.

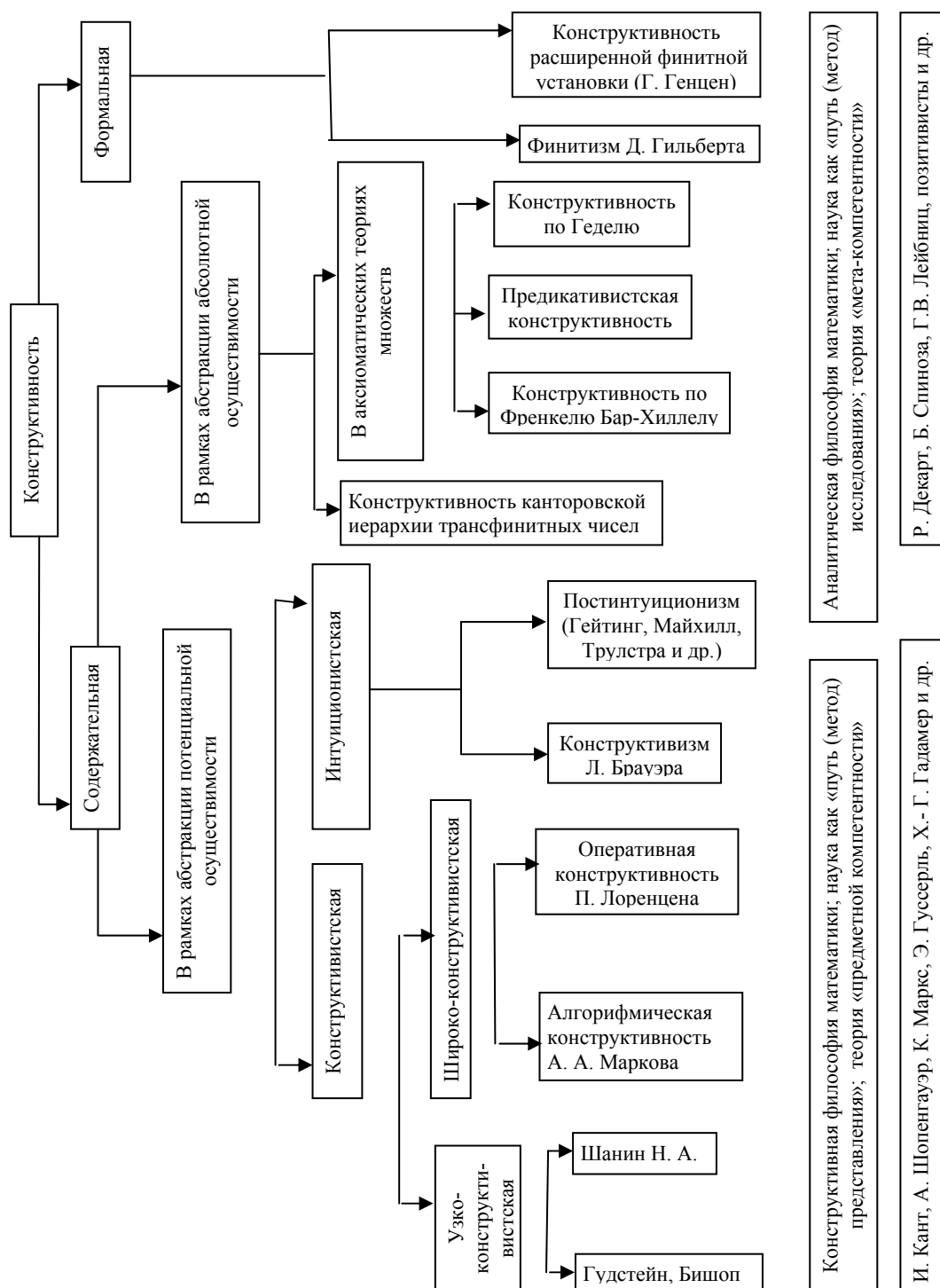

Схема 2

Оперативное обоснование математики должно начинаться с реконструкции обыденного разговорного языка с целью обеспечения его понятности и общезначимости для научного употребления. Очевидность, общезначимость математического знания основана на **инвариантных формах языкового поведения людей**, связанных с употреблением правил знаковых исчислений в общении [14, S. 133-143].

Уточнение разговорного языка, адекватного для построения и обоснования математической теории, производится П. Лоренцем на основе так называемых «экземплярных» определений (exemplarische Definition) [17]. В отличие от явных логических определений, «экземплярные» определения не опираются ни на какие неопределяемые предметы; их назначение – **разъяснить употребление языковых форм** посредством достаточно большого числа примеров. Экземплярное определение происходит по схеме: «учитель – ученик». «Учитель» предоставляет ученику некоторое число примеров употребления языкового образования. Затем «ученику» предлагается языковое образование, не входящее в число «базисных». Если «ученик» в состоянии распознать употребление нового выражения на основе предъявленных примеров, определение считается законченным и употребление языкового образования считается объясненным; в противном случае число «базисных» примеров расширяется путем разъяснения употребления нового выражения. Предполагается, что разъяснение любого языкового выражения может быть достигнуто путем предоставления конечного числа примеров. Как «очевидный», «обязательный для всех» базис «рудиментарного» языкового поведения Лоренцен рассматривает способность распознавать элементарные предложения, номинаторы (имена), предикаторы, связки в элементарном предложении. Переход к схематической записи элементарных предложений предполагает понятие «фигуры» или «знаковой фигуры» – объекта, распознаваемого на основе непосредственного восприятия и абстракции отождествления. Графическое равенство фигур разучивается экземплярно.

Дальнейшая реконструкция разговорного языка требует разъяснения употребления «правил». «Правило» есть схема перехода от одних «фигур» к другим; схема такого перехода разучивается экземплярно. Если, например, экземплярно обосновано, как переходить от одних элементарных предложений к другим, то считается разъясненной **терминологическая система** правил (R), имеющая вид [17, S. 47–62]: (R): $Sep \Rightarrow Seq$; $Sep \Rightarrow Se'q$; $Se'p \Rightarrow Seq$; $Se'p \Rightarrow Se'q$, знак « $\Rightarrow$ » читается: «от ... перейти к ...» или «из ... получить ...»; $Sep, Se'p$ – пропозициональные формы элементарных предложений: «S есть p» и «Sне есть p» соответственно. **Терминологическая система правил** позволяет вводить элементарные предложения с новыми предикаторами, если имеется некоторое число экземплярно введенных элементарных предложений. Терминологическая система правил (R) называется **экземплярно обоснованной** (exemplarischgesichert), если применяемые в ней элементарные предложения сводятся к экземплярно обоснованным элементарным предложениям конечным (но неограниченным) числом применений терминологических правил. Необходимое условие общепонятного языка гласит: каждое элементарное предложение языка или должно

быть непосредственно экземплярно обоснованным, или должно сводиться к экземплярно обоснованным посредством терминологической системы [20, p. 135–140].

Экземплярным разъяснением можно ввести переменные для номинаторов (собственных имен): $x_1, y_1, \dots$. Тогда экземплярные определения и терминологические системы позволяют разъяснить употребление **дескрипций** (описаний) и **абстрактных понятий**. Дескрипция вводится как результат действия функтора L_x «тот самый, который ...» на пропозициональную форму: $L_x S_1, \dots, x, \dots S_n e(e')p$; она может употребляться на месте номинатора в элементарном предложении, если экземплярно (или с помощью терминологической системы) показано, что существует лишь один номинатор S_k такой, что $S_1, \dots, S_k, \dots S_n e(e')p$. Процесс **абстракции** для образования понятия разъясняется Лоренцем в терминах экземплярных определений и терминологических систем без обращения к понятию «множество» или «класс». Этот процесс абстракции протекает так: 1) задается экземплярно обоснованный базис понимания (исходные фигуры, правила, языковые образования); 2) экземплярно вводится отношение эквивалентности; 3) формулируется правило, позволяющее переход от двух эквивалентных объектов к абстрактному объекту. **Результаты** процесса абстракции называются **понятиями (die Begriffe)** [17, S. 51–103]. Метод абстракции, основанный на экземплярном обосновании отношения эквивалентности, называют в конструктивистской математике «абстракцией отождествления». С введением «абстракции отождествления» реконструкция разговорного языка считается законченной; полученный язык может служить общезначимой базой для развития науки.

Уточненный разговорный язык (Umgangssprache, U-Sprache) не является теорией; в нем не определено никакой логики, не указаны никакие точные правила построения этого языка. Математическая теория в конструктивистском направлении вообще, и в лоренценовском оперативном направлении в частности, обосновывается самым способом ее построения (строится генетически) [6, с. 104–121]. Конструктивный базис всякой конструктивной по Лоренцу теории строится на основе понятия **исчисления (der Kalkül)**. Исчисление содержит: 1) конечное число знаков-атомов; 2) класс объектов; объекты конструируются из атомов по точно определенным правилам; 3) конечный набор переменных по объектам; 4) класс фигур, конструируемых из атомов; 5) класс формул, конструируемых из атомов и переменных; 6) конечное число правил перехода от формул к формулам.

Пример [21, S. 169–170]:

исчисление S:

(фигуры) – атомы: $I, <$;

(фигуры) – объекты $I, II, III, \dots$; переменные (по объектам): x, y ;

фигуры: $I < I, II < I, I < II; \dots$; формулы: $x < xI, y < yI, x < xII, \dots$

Исчисление **S** содержит правила $(R'), (R_1''), (R_2''), (R)$, применяемые последовательно к исходным атомам и к результатам применения предшествующих правил, так что в структуре **исчисления S** можно выделить исчисления S' и S'' .

$$S': \frac{\text{Базис : } |}{\text{Правило}(R') : x \Rightarrow x |},$$

где x – переменная по объектам, то есть символ исчисления S : пустое место, на которое могут подставляться фигуры-объекты.

$$S'' \frac{\text{Базис : } | < |}{\text{Правило}(R_1'') : x < y \Rightarrow x | < y |},$$

$$\text{Правило}(R_2'') : x < y \Rightarrow x < y |$$

(x, y – переменные по объектам исчисления S).

$$S: \frac{\text{Базис : } x < x |}{\text{Правило}(R) : x < y \Rightarrow x < y |}.$$

Здесь x, y – переменные метаязыка, т.е. языка, в котором описывается исчисление S .

Согласно правилу (R) формулы исчисления S имеют вид: $x < x |, y < y |, x < x ||, y < y ||, \dots$. П. Лоренцен рассматривает исчисление S как (**фундаментальное**) **индуктивное определение** отношения порядка: «... меньше +++» для натуральных чисел, отождествляемых в конструктивистском направлении с объектами исчисления S (т.е. фигурами вида $|, ||, |||, \dots$). В такого рода определениях нет ссылок на другие понятия, что выгодно отличает их от определений в теоретико-множественной (или «аксиоматической» по терминологии П. Лоренцена) математике. В общем случае правила исчисления имеют вид: $A_1, A_2, \dots, A_l \rightarrow B$, где: $A_1, A_2, \dots, A_l, B$ – метапеременные по формулам исчисления.

Назовем реализацией формулы A или правила R подстановку в формулу или в правило объектов вместо переменных по объектам. Реализациями формул являются фигуры. Если реализации формул (фигуры $A_1, A_2, \dots, A_l$), графически равны фигурам левой части реализации правила R , то назовем правую часть реализации R (формулу B) результатом применения правила R к фигурам $A_1, A_2, \dots, A_l$. Если фигура B является результатом применения некоторого правила исчисления K к фигурам $A_1, A_2, \dots, A_l$, будем говорить, что B **непосредственно выводима** из $A_1, A_2, \dots, A_l$ в исчислении K . Выводом фигуры B из фигур $A_1, A_2, \dots, A_l$ в исчислении K называется конечная последовательность фигур: $B_1, B_2, \dots, B_m$, каждая из которых есть : или $A_i (i=1, \dots, l)$, или реализация одной из формул базиса K , или непосредственно выводима из предшествующих фигур, и $B_m \overline{\sigma} B$, где $\overline{\sigma}$ – знак графического равенства. Вывод или доказательство фигуры B в исчислении K есть вывод фигуры B из реализаций базиса. Фигура B называется доказуемой или выводимой (выводимой из $A_1, A_2, \dots, A_l$) в исчислении K , если существует доказательство (вывод) B (вывод B из $A_1, A_2, \dots, A_l$) в исчислении K . В «оперативной математике» П. Лоренцена предикаты: «быть атомом исчисления K », «быть объектом K », «быть переменной K », «быть фигурой K », «быть формулой K », «быть правилом K », «быть выводом фигуры A в K » являются эффективно разрешимыми, то есть имеется **эффективный способ** распознать для любой предъявленной нам последовательности знаков, является она или нет атомом,

объектом, переменной, фигурой, формулой, правилом K ; и для любой последовательности фигур в алфавите K – является ли она выводом фигуры A в K . Предикат **быть выводимой фигурой в K** является полуразрешимым; класс всех выводимых в K фигур всегда перечислим (является индуктивным классом), но не всегда разрешим. Конструктивный базис всякой математической теории содержит, по Лоренцену, **практическую часть** – некоторое исчисление, – и **теоретическую часть**, где рассматриваются высказывания о конструкциях, производимых в практической части, и об их результатах. Только в теоретической части можно говорить об истинных и ложных высказываниях, о логических доказательствах, о логических выводах; в практической части имеют место лишь действия [19].

Об исчислениях в общем можно утверждать (или отрицать) наличие (или отсутствие) следующих свойств и отношений [20] (A и B – обозначения для произвольных фигур исчисления):

I) Фигуры A и B **идентичны**.

II) Фигуры A и B **различны**.

III) A **выводимо** в исчислении K : $\xrightarrow{K} A$.

IV) Правило R допустимо в исчислении K (что значит: каждая фигура, выводимая в исчислении, полученном добавлением к исчислению K правила R , выводима уже в K).

V) Метаправило $R_1, \dots, R_n \Rightarrow R$ **допустимо в K** (это значит: правило R допустимо в K , если допустимы в K правила $R_1, \dots, R_n$; аналогично для метаметаправил, метаметаметаправил, и так далее). Метаправилом исчисления K называется правило, формулами которого являются записи правил исчисления K . Поскольку записи правил исчисления K представляют собой фигуры и формулы некоторого нового исчисления, надстроенного над K средствами реконструированного U -языка (Umgangssprache), введение в рассмотрение метамправил и метамета...правил приводит к построению расширяющейся конструкции «языковых слоев» (Sprachstufen). Метамета...правило мы будем записывать с помощью обозначения: $k \{ \Rightarrow \}$ или $\xrightarrow{k}$, где $k (=1, 2, \dots)$ характеризует кратность метамета...правила, т.е. число повторений приставки «мета» в названии правила, или число «языковых слоев», предполагаемых данным метамета...правилом. Например, высказывание может иметь вид: «метаметаправило:

$(R_1^0, \dots, R_k^0 \Rightarrow R_n), \dots, (R_1^i, \dots, R_n^i \Rightarrow R_s) \Rightarrow (R_1^i, \dots, R_p^i \Rightarrow R_q)$ допустимо в

K », где i, k, n, p, q – натуральные числа.

VI) Правило R допустимо относительно K (это значит: при добавлении правила R к правилам K фигура A , не выводимая в K и составленная только из символов относящегося к K алфавита, остается не выводимой).

Аналогично вводится понятие допустимости относительно K метамета...правил.

VII) а) Все фигуры, которые могут быть выведены на основе правил данного исчисления K , имеют определенное свойство.

б) Для каждого правила K , которое уже полученным фигурам $A_1, \dots, A_n$ сопоставляет новую фигуру A , если фигуры $A_1, \dots, A_n$ обладают указанным в а) свойством, то и фигура A обладает этим свойством.

Пункты а) и б) определяют индуктивность свойства; если некоторое свойство удовлетворяет условиям а) и б), то его называют индуктивным. Например, свойство **быть выводимой формулой** является индуктивным в любом исчислении K . Предложения теоретической части рассматриваются как **зашифрованные** сообщения о свойствах I)–VII) некоторого исчисления в практической части. Утверждения теоретической части теории и логические выводы в ней строятся средствами точного синтаксиса (**принцип конструктивности синтаксиса теории**). Понятия теоретической части некоторой теории могут быть представлены исчислением и стать практической частью более расширенной теории. Такой метод расширения теории П. Лоренцен называет «**логическая рефлексия**» [18, Р. 241–249].

Все осмысленные элементарные высказывания языка математической теории можно разбить по методам их семантического обоснования на три группы: истинностно-определенные (*wahrheitsdefinite*), определенные относительно доказательства (*beweisdefinite*) и диалогически определенные (*dialogdefinite*) [19]. Пусть мы рассматриваем некоторую математическую теорию, **практическая** часть которой представляет собой исчисление K . Это значит, что предложения математической теории рассматриваются как **зашифрованные** сообщения о свойствах исчисления K . Рассмотрим, как тогда можно было бы интерпретировать логические связки в языке теории. Пусть, например, элементарные предложения теории говорят о выводимости фигур в K . Будем обозначать такие элементарные высказывания по их расшифровке:

« $\xrightarrow{K} A$ » – фигура A выводится в K . Выбор системы семантических оценок определяется, очевидно, в первую очередь, непосредственно свойствами исчисления, являющегося **практической** частью теории. Можно приписывать семантические значения **истинно** и **ложно** элементарным предложениям языка: « $\xrightarrow{K} A$ » истинно, если и только если **фигура A выводима в исчислении K** ;

« $\xrightarrow{K} A$ » ложно, если и только если **фигура A не выводима в исчислении K** . Если исчисление K таково, что предикат «быть выводимой фигурой K » является разрешимым, то элементарные предложения теории имеют определенные семантические значения «**истинно**» и «**ложно**» в зависимости от того, будет ли выводима соответствующая **фигура** в исчислении K или нет; элементарные предложения языка теории будут **истинностно-определенными** (*wahrheitsdefinite*), и в языке может быть построена обычная классическая логика [19, s. 15–16]. Однако, имеются исчисления, в которых предикат **быть выводимой фигурой исчисления K** не является разрешимым. Можно, конечно, просто игнорировать неразрешимость и считать, что независимо от способа доказательства каждая фигура исчисления или выводима, или не выводима (так сказать, в себе выводима или не выводима), и приписывать опять элементарным предложениям языка математической теории значения «истинно» или «ложно» (в классическом смысле),

но такое допущение выходит за рамки гносеологических оснований конструктивности в рамках абстракции потенциальной осуществимости. Семантическая истинностная оценка таких элементарных предложений должна учитывать неразрешимость предиката **быть выводимой фигурой К**, то есть истинностную неопределенность элементарных предложений. Такая семантическая оценка возможна. Дело в том, что все предложения, говорящие о выводимости фигур в **любом** исчислении, являются определенными относительно доказательства (beweisdefinite), так как предикат «быть выводом (доказательством) фигуры А в К» является разрешимым во всех исчислениях. Семантическая оценка предложения дается не по свойству «быть истинным» или «быть ложным», а по свойству «быть определенным относительно доказательства» или «не быть определенным относительно доказательства». Предложения, для которых распознаваемость доказательства является эффективно разрешимой, называются **определенными относительно доказательства** (или **доказуемо-определенными** – **beweisdefinite**). Очевидно, все истинностно-определенные предложения являются доказуемо-определенными, но не наоборот.

Введем теперь логические связки для элементарных предложений:

$$(П'_1) \xrightarrow{K} A \Rightarrow \neg \xrightarrow{K} A;$$

$$(П'_2) \xrightarrow{K} A, \xrightarrow{K} B \Rightarrow \xrightarrow{K} A \wedge \xrightarrow{K} B;$$

$$(П'_3) \xrightarrow{K} A, \xrightarrow{K} B \Rightarrow \xrightarrow{K} A \vee \xrightarrow{K} B;$$

$$(П'_4) \xrightarrow{K} A, \xrightarrow{K} B \Rightarrow \xrightarrow{K} A \supset \xrightarrow{K} B.$$

Пусть $A(\alpha)$ обозначает произвольную фигуру исчисления К с одним или несколькими выделенными вхождениями объекта α ; тогда $A(x)$ обозначает результат замены одного (или нескольких) вхождений объекта α в $A(\alpha)$ переменной x , не содержащейся в $A(\alpha)$. В таком случае $A(\alpha)$ есть результат подстановки в $A(x)$ объекта α вместо всех вхождений переменной x . $\xrightarrow{K} A(x)$ есть **элементарная пропозициональная форма**, дающая при подстановке вместо x имен объектов исчисления элементарные предложения языка теории. Тогда

$$(П'_5) \xrightarrow{K} A(\alpha) \Rightarrow \exists x \xrightarrow{K} A(x);$$

$$(П'_6) \xrightarrow{K} A(\alpha) \Rightarrow \forall x \xrightarrow{K} A(x).$$

Какой смысл можно придать логическим связкам и кванторам для области доказуемо-определенных высказываний? Легче всего дело обстоит с конъюнкцией $\wedge$, дизъюнкцией $\vee$ и квантором существования $\exists$:

(С1) дать доказательство $\xrightarrow{K} A \wedge \xrightarrow{K} B$ – значит дать доказательство $\xrightarrow{K} A$ и дать доказательство $\xrightarrow{K} B$;

(С2) дать доказательство $\xrightarrow{K} A \vee \xrightarrow{K} B$ – значит дать доказательство $\xrightarrow{K} A$ или дать доказательство $\xrightarrow{K} B$;

(С3) дать доказательство $\exists x \xrightarrow{K} A(x)$ – значит указать в К объект α и дать доказательство $\xrightarrow{K} A(\alpha)$.

Легко видно, что полученные составные высказывания являются доказуемо-определенными. Построение составных высказываний с помощью $\wedge$, $\vee$ и $\exists$ эквивалентно простому расширению исчисления K до K' : в K' вводятся новые атомы, новые фигуры, переменные по фигурам a , b , и новые правила: $(R_2) a, b \rightarrow a \wedge b$; $(R_3) a, b \rightarrow a \vee b$; $(R_5) a, b \rightarrow \exists x a(x)$. Нетрудно видеть, что предоставление доказательства, скажем, для $\xrightarrow{K} A \wedge \xrightarrow{K} B$ равносильно выведению в расширенном K' фигуры $A \wedge B$. Принципиально иная ситуация имеет место для остальных традиционных логических связок: отрицания ($\neg$), импликации ($\supset$) и квантора общности ($\forall$). Что значит дать доказательство $\xrightarrow{K} A \supset \xrightarrow{K} B$? Какие действия нужно совершить в исчислении K , чтобы получить **доказательство** $\xrightarrow{K} A \supset \xrightarrow{K} B$? Здесь возможны два подхода. Х. Карри [1, с. 151] использует так называемую дедуктивную импликацию: дать доказательство $\xrightarrow{K} A \supset \xrightarrow{K} B$ понимается здесь как: доказать выводимость правила $A \rightarrow B$ в некотором расширенном исчислении K' . П. Лоренцен и А. А. Марков [24, Р. 283–294] определяют смысл импликации другим способом:

(C4) дать доказательство $\xrightarrow{K} A \supset \xrightarrow{K} B$ – значит доказать допустимость правила $A \rightarrow B$ в K .

Но **доказать допустимость правила R** в исчислении K – значит показать, что каждая фигура, доказанная с помощью R , доказуема в K и без R , то есть что правило R элиминируемо в K . Очевидно, **доказательство** этого факта уже не является последовательностью фигур исчисления K . Доказать здесь – значит предоставить эффективный способ, позволяющий по каждому доказательству фигуры A в исчислении K с использованием правила R строить доказательство A без использования R . Известно, что нельзя указать общий метод доказательства элиминируемости произвольного правила R в произвольном K : предикат **правило R является допустимым в K** не является в общем случае разрешимым. Некоторая общая схема поиска эффективного способа доказательства элиминируемости и есть игра-диалог. Отрицание вводится подобно импликации:

(C5) дать доказательство $\neg \xrightarrow{K} A$ значит доказать допустимость относительно K правила $A \xrightarrow{K} Z$, где Z – фигура, не выводимая в K .

В данном случае допустимость правила $A \xrightarrow{K} Z$ относительно K нельзя понимать как демонстрацию того факта, что каждое доказательство фигуры в K с помощью правила $A \xrightarrow{K} Z$ можно преобразовать в доказательство без этого правила; ведь под Z понимается не выводимая в K фигура, а поэтому правило $A \xrightarrow{K} Z$ заведомо не может использоваться при доказательстве какой-нибудь выводимой в K фигуры. Но **опровержение допустимости правила $A \xrightarrow{K} Z$** в K может быть предоставлено лишь тем, что в K будет выведена фигура A : тогда по правилу $A \xrightarrow{K} Z$ в $K \cup \{A \xrightarrow{K} Z\}$ будет выводимо и Z ; из предположения о допустимости правила $A \xrightarrow{K} Z$ в K следует, что Z будет выводимо уже в K , что

противоречит определению Z . Следовательно, $\neg \xrightarrow{K} A$ понимается как утверждение о невыводимости A в K , то есть о графическом отличии A от любой фигуры, выводимой в K . Является ли $\neg \xrightarrow{K} A$ предложением, определенным относительно доказательства (beweisdefinite)? По определению фигура Z в составе правила $A \xrightarrow{K} Z$ есть фигура, не выводимая в K , то есть Z принадлежит дополнению класса выводимых в K фигур. Класс выводимых в K фигур всегда рекурсивно-перечислим (по определению исчисления); но известно, что дополнение рекурсивно-перечислимого класса может и не быть рекурсивно-перечислимым классом. Поэтому в общем случае предикат **быть не выводимой в K фигурой** не является рекурсивным, а, следовательно, предикат **быть доказательством не выводимой в K фигуры** (если понимать под доказательством последовательность фигур) не является разрешимым (то есть невозможно построить такое исчисление K' , в котором выводимыми были бы все те и только те фигуры в алфавите K , которые не выводимы в K). Теперь ясно, что предложение $\neg \xrightarrow{K} A$ в общем случае не является определенным относительно доказательства (даже если предложение $\xrightarrow{K} A$ является таковым); конструктивистское истолкование $\neg \xrightarrow{K} A$ может быть дано только посредством указания диалога, в котором могут быть обоснованы предложения подобного вида. Аналогично для универсальных предложений:

(С6) дать доказательство $\forall x \xrightarrow{K} A(x)$ – значит доказать допустимость в K правила (скорее схемы правил) $\Lambda \rightarrow A(x)$, где Λ – любая выводимая в K фигура.

Утверждать эффективную допустимость в K правила $\Lambda \rightarrow A(x)$ значит иметь метод нахождения доказательства для любой фигуры $A(\alpha)$, полученной подстановкой объекта α вместо переменной x в $A(x)$. Доказательство наличия такого метода также не есть последовательность фигур в K , но есть некоторый диалог. Класс диалогически определенных (dialogdefinite) предложений языка теорий составляют предложения, для которых существует эффективный метод нахождения их семантической оценки в диалоге по правилам; смысл связок, входящих в состав таких предложений, разъясняется посредством понятия **допустимости** соответствующего правила висчисления, составляющем практическую часть теории, или относительно данного исчисления. Легко показать, что все доказуемо-определенные (beweisdefinite) предложения являются диалогически определенными; для этого достаточно заметить, что выводимые в K правила тривиально допустимы в K , и смысл логических союзов $\wedge$, $\vee$ и $\exists$ можно понимать как **допустимость** в расширенном K' правил (R_2) , (R_3) и (R_5) . Теперь можно ввести общие **правила образования** языка теории **Я1**.

Пусть A, B, C обозначают произвольные формулы нашего языка; тогда понятие формулы языка **Я1** задается следующим фундаментальным индуктивным определением.

- П(1) Элементарные формулы являются формулами Я1;
- П(2) $A \Rightarrow \neg A$;

П(3) $A, B \Rightarrow A \wedge B$;

П(4) $A, B \Rightarrow A \vee B$;

П(5) $A, B \Rightarrow A \supset B$;

П(6) $A(\alpha) \Rightarrow \exists x A(x)$;

П(7) $A(\alpha) \Rightarrow \forall x A(x)$, где: $A(\alpha)$ – формула языка Я1 с одним или несколькими выделенными вхождениями объекта α исчисления К, не содержащая свободных вхождений переменной x ; $A(x)$ – результат правильной подстановки x вместо α в $A(\alpha)$ (α свободно для x в $A(x)$).

Семантический инвариант, сохраняемый правилами П(1)–П(7), выражается предикатом «...есть диалогически определенное высказывание»: высказывание называется диалогически определенным, если для его утверждения в некотором диалоге правила для обоих партнеров установлены так, что во всякое время может быть решено: (i) закончен ли диалог; и (ii) кто в этом случае проиграл. Ничья не допускается [19, S. 20–21].

Такие правила диалога приводятся в таблице 1.

Таблица 1

	Утверждение	Атака (нападение)	Защита
Конъюнкция	$A \wedge B$	? A(? L) ? B(? R)	A B
Дизъюнкция	$A \vee B$ $A \vee B$	? ?	A B
Импликация	$A \supset B$	A ?	B
Отрицание	$\neg A$	A ?	
Универсальное высказывание	$\forall x A(x)$	α ?	A(α)
Экзистенциальное высказывание	$\exists x A(x)$	?	A(α)

1) В случае конъюнкции атакуется левый (?L) или правый (?R) ее член; защита состоит в утверждении атакуемого члена конъюнкции. 2) Дизъюнкция атакуется вся целиком; защита состоит в утверждении левого члена дизъюнкции или правого; в этом месте диалог раздваивается: одна его ветвь соответствует защите левого члена дизъюнкции, другая – правого. 3) Атака на импликацию состоит в утверждении ее антецедента A?, защита импликации состоит в утверждении ее консеквента B. 4) В случае отрицания $\neg A$ атакуется отрицаемое высказывание A?; защита при атаке отрицания невозможна (можно лишь контратаковать предшествующие тезисы противника). 5) Атака универсального высказывания заключается в предъявлении некоторого объекта α предметной области теории (то есть объекта исчисления, являющегося практической частью теории); защита состоит в утверждении A(α) для этого объекта α . 6). Экзистенциальное суждение атакуется в целом; защита состоит в утверждении A(α) для некоторого объекта α из предметной области.

Нетрудно видеть, что правила атаки и защиты находятся в соответствии с семантическими определениями (C1–C6). Например, в случае импликации: атака заключается в утверждении антецедента, то есть в предоставлении доказательства А (в диалоге); защита состоит в утверждении В, то есть в предоставлении доказательства В в случае, если предоставлено доказательство А. Если импликация защищается, то есть, по любому доказательству А предоставлено доказательство В, то это означает допустимость в исчислении (или относительно исчисления) К, являющемся практической частью теории, (метамета...)правила $(A) \Rightarrow (B)$.

Теперь необходимо ввести структурные правила диалога, регулирующие протекание игры-диалога, определяющие стратегию выигрыша, и устанавливающие, когда диалог выигран или проигран. При выборе структурных правил диалога учитываются идеализации, связанные с практикой языковой коммуникации между людьми. Не всякие правила ведения диалога признаются Лоренцем допустимыми, но лишь те, которые являются разумными. Игра-диалог должна выявлять образцы языкового поведения, называемого Лоренцем логическим. П. Лоренц и К. Лоренц разработали различные варианты структурных правил ведения диалога ([16, s. 210–238], [22]). Исходная система правил является наиболее жесткой; она предполагает самые строгие ограничения на способности участника диалога [17, s. 65–88].

(D1) Правило начала. Пропонент начинает с утверждения тезиса. Партнёры по диалогу делают ходы попеременно.

(DS2) Общее правило диалога. Каждый партнёр по диалогу атакует высказывание, полагаемое другим партнером на предшествующем шаге, или защищается от атаки, предпринятой на предшествующем шаге другого партнёра.

(D3) Правило выигрыша. Пропонент выигрывает, если он защищает элементарное высказывание (то есть высказывание, которое не содержит логических связок), или если оппонент не в состоянии защищать атакованное элементарное высказывание.

Сформулированное здесь общее правило диалога (DS2) называется строгим правилом диалога (die strenge Dialogregel), так как оно предполагает у играющих партнеров способность реагировать лишь на последний шаг соперника. Игра-диалог в соответствии с этим строгим правилом диалога характеризуется «шагами развертывания» (Entwicklungsschritte) диалога из начального состояния для каждой из логических связок; эти «шаги развертывания» диалога представляются с помощью «состояний диалога» (Dialogstellungen). Если утверждаемый проponentом тезис представляет собой конъюнкцию двух предложений $A \wedge B$, то оппонент может атаковать или правый ?R, или левый ?L член конъюнкции; поэтому после атаки оппонента на конъюнкцию диалог раздваивается (так как проponent для выигрыша должен защитить тезис при любой стратегии оппонента); такой шаг развертывания диалога изображается следующим состоянием диалога:

		($\wedge$)	$A \wedge B$
			$A B$

Если конъюнкция утверждается оппонентом, то проponent может выбирать между ?L и ?R, то есть для защиты он имеет право выбрать один из двух шагов развертывания:

$$\begin{array}{ccc} \begin{array}{|c|} \hline (\wedge ||)_L \\ \hline \end{array} & \begin{array}{|c|} \hline A \wedge B \\ \hline \end{array} & \begin{array}{|c|} \hline (\wedge ||)_R \\ \hline \end{array} & \begin{array}{|c|} \hline A \wedge B \\ \hline \end{array} \\ & \text{и} & & \text{В} \\ & A & & \end{array}$$

При атаке на дизъюнкцию $A \vee B$ проponent может выбирать любой шаг из двух:

$$\begin{array}{ccc} \begin{array}{|c|} \hline (|| \vee)_L \\ \hline \end{array} & \begin{array}{|c|} \hline A \vee B \\ \hline \end{array} & \begin{array}{|c|} \hline (|| \vee)_R \\ \hline \end{array} & \begin{array}{|c|} \hline A \vee B \\ \hline \end{array} \\ & \text{или} & & \text{В} \\ & A & & \end{array}$$

Если дизъюнкция утверждается оппонентом, то диалог раздваивается; оппонент должен защитить тезис при любом выборе членов дизъюнкции проponentом:

$$\begin{array}{ccc} \begin{array}{|c|} \hline (\vee ||) \\ \hline \end{array} & \begin{array}{|c|} \hline A \vee B \\ \hline \end{array} & \\ & A \vee B & \end{array}$$

Для отрицания имеются следующие шаги развертывания:

$$\begin{array}{ccc} \begin{array}{|c|} \hline (|| \neg) \\ \hline \end{array} & \begin{array}{|c|} \hline \neg A \\ \hline \end{array} & \text{и} & \begin{array}{|c|} \hline (\neg ||) \\ \hline \end{array} & \begin{array}{|c|} \hline \neg A \\ \hline \end{array} \\ & A & & & A \end{array}$$

Для предложений с квантором общности:

$$\begin{array}{ccc} \begin{array}{|c|} \hline (|| \forall) \\ \hline \end{array} & \begin{array}{|c|} \hline \forall x A(x) \\ \hline \end{array} & \\ & A(\alpha) & \text{[для всех } \alpha \text{]} \\ \begin{array}{|c|} \hline (\forall ||)_\alpha \\ \hline \end{array} & \begin{array}{|c|} \hline \forall x A(x) \\ \hline \end{array} & \\ & A(\alpha) & \end{array}$$

с выбранным проponentом α .

Для квантора существования:

$$\begin{array}{ccc} \begin{array}{|c|} \hline (|| \exists)_\alpha \\ \hline \end{array} & \begin{array}{|c|} \hline \exists x A(x) \\ \hline \end{array} & \begin{array}{|c|} \hline (\exists ||) \\ \hline \end{array} & \begin{array}{|c|} \hline \exists x A(x) \\ \hline \end{array} \\ & A(\alpha) & & A(\alpha) & \text{[для всех } \alpha \text{]} \end{array}$$

Представленные десять состояний диалога, характеризующие шаги развертывания диалога в соответствии с правилами (D1), (DS2) и (D3), образуют правила развертывания диалога (Entwicklungsregeln). Указание некоторого хода диалога по правилам развертывания диалога, при котором проponent выигрывает во всех ветвях (а это значит, что он может защитить все находящиеся справа от знака $||$ элементарные предложения, в то время как оппонент не может защитить ни одно из расположенных слева от знака $||$ элементарных предложений), является

указанием стратегии защиты тезиса в строгом диалоге. Если все имеющиеся в таком диалоге высказывания являются истинностно-определенными (wahrheitsdefinite), то вышеуказанные правила развёртывания диалога принято формулировать в виде «семантического» определения истинности и ложности высказывания:

$(\quad \wedge)$	$A \wedge B$	истинно, если и только если A истинно и B истинно
$(\wedge \quad)$	$A \wedge B$	ложно, если и только если A ложно или B ложно
$(\quad \vee)$	$A \vee B$	истинно, если и только если A истинно или B истинно
$(\vee \quad)$	$A \vee B$	ложно, если и только если A ложно и B ложно
$(\quad \forall)$	$\forall x A(x)$	истинно, если и только если $A(\alpha)$ истинно для всех α
$(\forall \quad)$	$\forall x A(x)$	ложно, если и только если $A(\alpha)$ ложно для некоторого α
$(\quad \exists)$	$\exists x A(x)$	истинно, если и только если $A(\alpha)$ истинно для некоторого α
$(\exists \quad)$	$\exists x A(x)$	ложно, если и только если $A(\alpha)$ ложно для всех α
$(\quad \neg)$	$\neg A$	истинно, если и только если A ложно
$(\neg \quad)$	$\neg A$	ложно, если и только если A истинно.

Как замечает П. Лоренцен, «в классической логике утверждается, что на основе этого определения истинного и ложного каждое высказывание будто бы является истинностно-определенным (то есть или истинным, или ложным). Однако, это метаутверждение (Metabehauptung) (то есть утверждение метаязыка – В. М.) приобретает видимость истинности только в том случае, когда в метаязыке рассуждают по классическим правилам: например, принимают, что или $A(n)$ истинно для всех n , или $A(n)$ ложно для некоторого n . То есть используют $\forall x A(x) \vee \exists x \neg A(x)$ как логически истинное высказывание. Но как раз логическая истинность таких высказываний и является предметом дискуссии. Здесь обнаруживается, что классическая логика поступает догматически, когда она – на ступени метаязыка – некритически перенимает из естественного языка логические правила» [17, s. 69].

Итак, развёртывание диалога в соответствии с правилом (D^S2) воспроизводит эффективные смыслы логических связок конъюнкции $\wedge$, дизъюнкции $\vee$, отрицания $\neg$, а также кванторов общности $\forall$ и существования $\exists$. Что же касается импликации $A \supset B$, то ее использование в диалоге со строгим общим правилом не воспроизводит ее эффективный смысл. При атаке импликации атакующий обязан защищать антецедент импликации A , а его соперник должен взять на себя обязательства по защите консеквента B . В случае элементарных предложений A и B это как раз и означает, что для защиты импликации $A \supset B$ (то есть доказательства ее эффективной истинности) необходимо по каждому доказательству (выводу) фигуры A в базисном исчислении K , о котором сообщает предложение A , предоставить вывод (доказательство) в том же исчислении K фигуры B , о котором сообщает предложение B , – то есть доказать допустимость правила $A \rightarrow B$ в исчислении K . Следовательно, шаг развёртывания диалога, в котором защищается импликация, должен представляться состоянием диалога:

$\begin{array}{|l} \hline (\parallel \supset) \\ \hline \end{array}$
 $\begin{array}{|l} \hline A \quad A \supset B \\ \hline \end{array}$
 $\begin{array}{|l} \hline B \\ \hline \end{array}$
 $\begin{array}{|l} \hline ?A \\ \hline \end{array}$

Но такой шаг развёртывания диалога не может встречаться в диалоге со строгим общим правилом (DS2), так как, например, после атаки импликации оппонентом

Оппонент (O)	Пропонент (P)
2. A ?	1. A $\supset$ B

пропонент должен выбрать между защитой B или атакой A. Выбрав одну из этих возможностей, он уже не может затем использовать другую, т.к. согласно правилу (DS2) каждый партнер диалога должен или атаковать высказывание, сделанное на предшествующем шаге его соперника, или защищаться от атаки на предшествующем шаге. Такое развёртывание диалога со строгим общим правилом (DS2) соответствует пониманию импликации $A \supset B$ как $\neg A \vee B$ [17, s. 65–88]. Для адекватной передачи смысла эффективной импликации необходимо, чтобы при атаке на импликацию $A \supset B$ пропонент имел право использовать обе указанные выше возможности. Такое право предоставляет ослабленное (более либеральное: liberalere) общее правило диалога, которое П. Лоренцен называет эффективным общим правилом диалога: (De2) пропонент атакует одно из сделанных ранее оппонентом высказываний или защищается от последней атаки оппонента; каждое утверждение оппонента пропонент имеет право атаковать только один раз в течение диалога; оппонент должен атаковать только высказывание, сделанное пропонентом на предшествующем шаге, или защищаться от атаки пропонента на предшествующем шаге. Правило (De2) оставляет в силе для оппонента условия строгого общего правила диалога (DS2). Добавив к десяти правилам развёртывания диалога правила для импликации

$(\parallel \supset)$
 $\begin{array}{|l} \hline A \supset B \\ \hline \end{array}$
 $(\supset \parallel)$
 $\begin{array}{|l} \hline A \supset B \\ \hline \end{array}$
 $\begin{array}{|l} \hline ?A \\ \hline \end{array}$
 $\begin{array}{|l} \hline B \\ \hline \end{array}$

$\begin{array}{|l} \hline A \\ \hline \end{array}$
 $\begin{array}{|l} \hline B \\ \hline \end{array}$
 $\begin{array}{|l} \hline A \\ \hline \end{array}$

и заменив общее правило диалога (DS2) на (De2), получаем понятие эффективного диалога. Заменив строгое общее правило диалога (DS2) на классическое общее правило (Dk2): (Dk2) пропонент атакует одно из сделанных ранее оппонентом высказываний или защищается от одной из сделанных ранее атак оппонента; каждое утверждение оппонента пропонент имеет право атаковать всего один раз в течение диалога; оппонент должен атаковать только высказывание, сделанное

пропонентом на предшествующем шаге, или защищаться от атаки пропонента на предшествующем шаге, – получаем понятие классического диалога.

Диалогическое обоснование предложений языка науки позволяет провести четкое различие между конструктивной теорией науки (konstruktive Wissenschaftstheorie) или немецким конструктивизмом и аналитической теорией науки (analytische Wissenschaftstheorie). Немецкий термин «Wissenschaftstheorie», как и английский термин «philosophy of science», обозначает область тех метатеоретических исследований науки (как правило, естественно-математической), где используются методы, промежуточные между собственно философией и собственно наукой. Конструктивная теория науки как раз создает «образ науки» в соответствии с оперативной логикой и математикой П. Лоренцена. Через понятие классического диалога классическая формальная логика, «аксиоматическая» в терминологии П. Лоренцена, получает конструктивное (в смысле конструктивной теории науки) обоснование.

Как подчеркивает П. Лоренцен, «конструктивисты (то есть сторонники конструктивистского направления в обосновании математики – В. М.) утверждают, что между строгим правилом и классическим правилом диалога имеется третье правило диалога, которое либерализует атаку пропонента, но не его защиту.

Для конструктивизма (конструктивной Wissenschaftstheorie – В. М.) ставится задача обоснования обоих шагов либерализации (замена строгого правила диалога эффективным правилом, с одной стороны, и классическим правилом, с другой стороны – В.М.). Уже тот голый факт, что спор между конструктивистами (конструктивным направлением в математике – В. М.) и классиками с Брауэровской диссертации 1907 года и до сегодняшнего времени не приведен к состоянию общего согласия, вызовет у читателя подозрение, что эта проблема из области оснований не может быть решена без известной деликатности» [17, s. 75]

Либерализация строгого правила диалога приводится для того, чтобы можно было добавить правило для импликации; однако, либерализация влияет также на защищаемость в диалоге предложений без импликации. Это обнаруживается уже на простых примерах тезисов формы $\neg A \vee B$ и $\neg(A \wedge \neg B)$ с элементарными предложениями A и B [17, s. 65 – 88].

Нет никакого различия между эффективным диалогом с тезисом $\neg(A \wedge \neg B)$ и классическим диалогом с тезисом $\neg A \vee B$. Но эффективный диалог с тезисом $\neg A \vee B$ выигрывается пропонентом только тогда, когда он заранее знает, может ли оппонент защитить высказывание A или он (пропонент) защитить высказывание B . «Вопрос, на который мы должны ответить с помощью таких примеров... есть вопрос о том, будем ли мы называть (составное) высказывание (без импликации) «истинным», когда оно защищено в строгом, эффективном или классическом диалоге? Легко уклониться от ответа, различая три «понятия истины» («Wahrheitsbegriffe»): строгая, эффективная и классическая истина. Но тогда остается вопрос о целесообразности, т.е. вопрос о том, какие цели преследуют эти понятия истины. Здесь эффективное понятие истины легко выделяется: только оно позволяет выявить различие между эффективной и классической неисключающей дизъюнкцией ([а также между эффективным и классическим – В. М.]

«существованием»). А именно: *строгие* $\neg A \vee B$ и $\neg (A \wedge \neg B)$ неразличимы (*строгие* диалоги выигрываются в точности тогда, когда $\neg A \vee B$ *эффективно* защитимо), и, равным образом, оба высказывания классически неразличимы (*классические* диалоги выигрываются в точности тогда, когда $\neg (A \wedge \neg B)$ *эффективно* защитимо). Только в эффективном диалоге $\neg A \vee B$ и $\neg (A \wedge \neg B)$ приводят к различным состояниям диалога» (выделено мною – В. М.) [17, S. 77].

Заметим, что общее правило диалога играет в конструктивной теории науки роль семантического определения истины, то есть это правило, прежде всего, определяет, когда составные высказывания являются «истинными» (в зависимости от истинностных значений их конститuent). **Принцип сохранности** требует, чтобы при *расширении* конструктивной теории все, что было истинным на начальной стадии, оставалось таковым в расширенной теории. Этот принцип и является основанием того обстоятельства, что при либерализации *строгого* общего правила диалога меняются правила атаки и защиты только для пропонента; ослабление правил атаки и защиты для оппонента при переходе к *эффективному* или *классическому* диалогу неминуемо привело бы к нарушению **принципа сохранности**, то есть при таком ослаблении некоторые предложения, защищаемые в *строгом* диалоге, перестали бы быть защищаемыми в *эффективном* или *классическом* диалоге. «Только для либерализаций, которые ограничиваются пропонентом, является тривиальным то, что строгие истины постоянно остаются истинами» [17, S. 77].

Таким образом, построение структуры игры-диалога проводится П. Лоренцем в строгом соответствии с **общими принципами конструктивности** для конструктивных теорий, в частности, в соответствии с **принципом сохранности В1** [6, с. 113].

В целом, можно отметить, что именно детальная проработка с использованием современных логико-семиотических средств фундаментальных идей исчисления и диалога, пронизывающих все сколько-нибудь представительные направления в области философии и методологии науки XX века, позволяет «немецкому конструктивизму» («Эрлангенской школе») претендовать на создание образа конструктивного построения и обоснования математического и, в общем, научного знания, удовлетворяющего самым строгим требованиям рациональности логико-семиотического и философского характера и вобравшего в себя все наиболее значительные потенции конструктивных направлений в философии науки XX века. Во второй статье будет показано, как используются исчисления и диалоги при обосновании логико-математического знания в «немецком конструктивизме», в частности, в «оперативной логике и математике» П. Лоренца.

Список литературы

1. Карри, Х. Основания математической логики / Х. Карри. – М.: Мир, 1969. – 568 с.
2. Мануйлов, В. Т. Гносеологические основания конструктивности математического знания / В.Т. Мануйлов // Проблема конструктивности научного и философского знания: Сб. ст.: Вып. 9. / [Предисл. В.Т. Мануйлова]. — Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2007. — С. 43-62.

3. Мануйлов, В. Т. Исчисление и диалог как методы математической аргументации в «немецком конструктивизме» / В.Т. Мануйлов // Проблема конструктивности научного и философского знания: Сб. ст.: Вып. 4. / [Предисл. В.Т. Мануйлова]. — Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2005. — С. 29-46.
4. Мануйлов, В.Т. Конструктивное обоснование логико-математического знания в «немецком конструктивизме» / В.Т. Мануйлов // Проблема конструктивности научного и философского знания: Сб. ст.: Вып. 5. / [Предисл. В.Т. Мануйлова]. — Курск, 2005. — С. 50-67.
5. Мануйлов, В.Т. Конструктивность античной математики / В.Т. Мануйлов // Проблема конструктивности научного и философского знания: Сб. ст.: Вып. 11. / [Предисл. В.Т. Мануйлова]. — Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2008. — С. 59-84.
6. Мануйлов, В. Т. Конструктивность как принцип обоснования научного знания / В.Т. Мануйлов // Философские науки. — 2003. — №10. — С. 104–121.
7. Мануйлов, В. Т. Конструктивность классического математического анализа / В.Т. Мануйлов // Проблема конструктивности научного и философского знания: Сб. ст.: Вып. 12. / [Предисл. В.Т. Мануйлова]. — Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2009. — С. 93-110.
8. Мануйлов, В. Т. Конструктивность обоснования математического знания в философии математики И. Канта / В.Т. Мануйлов // Проблема конструктивности научного и философского знания: Сб. ст.: Вып. 1. / [Предисл. В.Т. Мануйлова]. — Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2005. — С. 29-62.
9. Чагров, А. В. Конструктивная логика [Электронный ресурс] / А.В. Чагров // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Под ред. В. С. Стёпина. — М.: Мысль, 2001. — Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/1490.html>, свободный. — Загл. с экрана.
10. Butts, R. E. Introduction / R. E. Butts, J. R. Brown // Constructivism and science: essays in recent German philosophy / Ed. by Butts R. E. and Brown J. R. — Dordrecht; Boston; London: Kluwer 1989. — P. IX–X.
11. Constructionism and Science: Essays in Recent German Philosophy / Ed. by Butts R.E. and Brown J. R. — Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Publishers, 1989. — xxv + 287 p.
12. Gethman, C. F. Wissenschaftstheorie, Konstruktive / C.F. Gethman // Enzyklopädie Philosophie und Wissenschaftstheorie. Bd.4. Sp-Z. — Stuttgart; Weimar: Metzler, 1996. — S. 746.
13. Lorenz, K. Science, a Rational Enterprise? Some Remarks on the Consequences Distinguishing Science as a Way of Presentation and Science as a Way of Research / K. Lorenz // Constructivism and science / Ed. by Butts R. E. and Brown J. R. — Dordrecht etc.: Kluwer Acad. Publ., — P. 3–18.
14. Lorenzen, P. Constructive Mathematics as a Philosophical Problem / P. Lorenzen // Logic and foundations of mathematics. — Groningen: Walters-Noordhoff publishing, 1968. — P. 133–143.
15. Lorenzen, P. Einführung in die Operative Logik Und Mathematik / P. Lorenzen. — Berlin; Göttingen; Heidelberg: Springer, 1955. — 298 p.
16. Lorenzen, P. Konstruktive Logik / P. Lorenzen, K. Lorenz / P. Lorenzen // Dialogische Logik. — Darmstadt: Wissenschaftl. Buchgesellschaft, 1978. — P. 210–237.
17. Lorenzen, P. Lehrbuch der Konstruktiven Wissenschaftstheorie / P. Lorenzen. — Mannheim; Wien; Zürich: BI – Wissenschaftsverlag, 1987. — 331 p.
18. Lorenzen, P. Logical Reflection and Formalism / P. Lorenzen // Journal of symbolic logic. — Groningen, 1958. — Vol. 23. — № 3. — P. 241–249.
19. Lorenzen, P. Metamathematik / P. Lorenzen. — Mannheim: Bibl. Inst., 1962. — 167 S.
20. Lorenzen, P. Operative Logik / P. Lorenzen // La philosophie contemporaine / Ed. by Klibansky R. — Firenze: La nuova Italia, 1968. — Vol. I. — P. 135–140.
21. Lorenzen, P. Überdie Begriffe «Beweis» und «Definition» / P. Lorenzen // Constructivity in mathematics / Ed. by Heyting A. — Amsterdam: North – Holl. Publ. Co., 1959. — P. 169–170.
22. Lorenzen P. Dialogische Logik / P. Lorenzen, K. Lorenz. — Darmstadt: Wissenschaftl. Buchgesellschaft, 1978. — 178 p.
23. Mainzer K. Kants Philosophische Begründung des mathematischen Konstruktivismus und seine Wirkung in der Grundlagenforschung: Inaugural-Diss / K. Mainzer. — Münster, 1972-1973. — 497 p.
24. Markov A. A. An Approach to Constructive Mathematical Logic / A.A. Markov // Logic, methodology and philosophy of science III. Proc. of the third international congr. for logic,

- methodology and philosophy of science / Ed. by von Rootselaar, B. – Amsterdam: North – Holl. publ. co., 1968. – P. 283–294.
25. Stegmüller W. Probleme und Resultate des Wissenschaftstheorie und Analytische Philosophie / W. Stegmüller. – Berlin u.a., Bd. I: 1969; Bd. II: 1970; Bd. III: (mit Varga von Kibed Mattias): 1984; Bd. IV/I: 1973.
26. Wohlrapp H. Analytischer Versus Konstruktiver Wissenschaftsbegriff / H. Wohlrapp // Konstruktionen versus Positionen. Bd. II. Allgemeine Wissenschaftstheorie / Hrsg. von Lorenz K. – Berlin; N. Y.: Bruyter, 1979. – P. 348-377.

Manuylov V.T Methodological Principles of «German Constructivism» // Scientific Notes of Crimea Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 1. – P. 126-147.

Characteristic for «German constructivism» or Erlangen school methods and means of a substantiation of mathematical knowledge are considered: 1) tools of reconstruction of ordinary language with the purpose of maintenance of its clearness and valid for the scientific usage; 2) methods of a substantiation of the mathematical theory by means of «calculations» (Kalkül); 3) «Lorenzenian dialogues» as tools of construction and substantiation of scientific knowledge in «operative logic and mathematics». We construct a formal language of logic $\mathcal{A}1$, ascertain grounds of distinction of "definable relative to truth", "definable relative to proof" and "definable relative to dialogue" statements. The epistemological foundations of distinction of «strict», «effective» and «classical» dialogues are come to light at a substantiation of scientific knowledge in «German constructivism».

Keywords: constructivism, philosophy of mathematics, logic, methodology of science, calculus, rule, dialogue, Erlangen School, German constructivism.

References

1. Curry, H. Foundations of Mathematical Logic / H. Curry. – M.: Peace, 1969. – 568 p.
2. Manuylov, V. T. Gnoseological Foundations of Mathematical Knowledge Constructivity / V.T. Manuylov // The problem of scientific and philosophical knowledge constructivity: Col. of papers.: Vol. 9. / [Preface from V.T. Manuylov]. — Kursk: Publishing House of Kursk state university, 2007. — P. 43-62.
3. Manuylov, V. T. Calculation and Dialogue as Methods of Mathematical Reasoning in "German Constructivism" / V.T. Manuylov // The problem of scientific and philosophical knowledge constructivity: Col. of papers.: Vol. 4. / [Preface from V.T. Manuylov]. — Kursk: Publishing House of Kursk state university, 2005. — P. 29-46.
4. Manuylov, V. T. Constructive Ground of the Logical-Mathematical Knowledge in "German Constructivism" / V.T. Manuylov // The problem of scientific and philosophical knowledge constructivity: Col. of papers.: Vol. 5. / [Preface from V.T. Manuylov]. — Kursk: Publishing House of Kursk state university, 2005. — P. 50-67.
5. Manuylov, V. T. Constructivity of the Ancient Mathematics / V.T. Manuylov // The problem of scientific and philosophical knowledge constructivity: Col. of papers.: Vol. 11. / [Preface from V.T. Manuylov]. — Kursk: Publishing House of Kursk state university, 2008. – P. 59-84.
6. Manuylov, V. T. Constructivity as a Principle of Scientific Knowledge Justification / V.T. Manuylov // Philosophical sciences. – №10 – 2003. – P. 104–121.
7. Manuylov, V. T. Constructivity of Classical Mathematical Analysis / V.T. Manuylov // The problem of scientific and philosophical knowledge constructivity: Col. of papers.: Vol. 12. / [Preface from V.T. Manuylov]. — Kursk: Publishing House of Kursk state university, 2009. – P. 93-110.
8. Manuylov, V. T. Constructivity of Mathematical Knowledge Justification in I. Kant's Philosophy / V.T. Manuylov // The problem of scientific and philosophical knowledge constructivity: Col. of papers.: Вып. 1. [Preface from V.T. Manuylov]. — Kursk: Publishing House of Kursk state university, 2005. – P. 29-62.

9. Chagrov, A. V. Constructive logic [Electronic resource] / A.V. Chagrov // New philosophical encyclopedia. In 4 v. / Ed. by V. S. Stepin. – M.: Thought, 2001. – Access mode: <http://iph.ras.ru/elib/1490.html>, free.
10. Butts, R. E. Introduction / R. E. Butts, J. R. Brown // Constructivism and science: essays in recent German philosophy / Ed. by Butts R. E. and Brown J. R. – Dordrecht; Boston; London: Kluwer 1989. – P. IX–X.
11. Constructionism and Science: Essays in Recent German Philosophy / Ed. by Butts R.E. and Brown J. R. – Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Publishers, 1989. – xxv + 287 p.
12. Gethman, C. F. Wissenschaftstheorie, Konstruktive / C.F. Gethman // Enzyklopädie Philosophie und Wissenschaftstheorie. Bd.4. Sp-Z. – Stuttgart; Weimar: Metzler, 1996. – S. 746.
13. Lorenz, K. Science, a Rational Enterprise? Some Remarks on the Consequences Distinguishing Science as a Way of Presentation and Science as a Way of Research / K. Lorenz // Constructivism and science / Ed. by Butts R. E. and Brown J. R. – Dordrecht etc.: Kluwer Acad. Publ., – P. 3–18.
14. Lorenzen, P. Constructive Mathematics as a Philosophical Problem / P. Lorenzen // Logic and foundations of mathematics. – Groningen: Walters-Noordhoff publishing, 1968. – P. 133–143.
15. Lorenzen, P. Einführung in die Operative Logik Und Mathematik / P. Lorenzen. – Berlin; Göttingen; Heidelberg: Springer, 1955. – 298 p.
16. Lorenzen, P. Konstruktive Logik / P. Lorenzen, K. Lorenz / P. Lorenzen // Dialogische Logik. – Darmstadt: Wissenschaftl. Buchgesellschaft, 1978. – P. 210–237.
17. Lorenzen, P. Lehrbuch der Konstruktiven Wissenschaftstheorie / P. Lorenzen. – Mannheim; Wien; Zürich: BI – Wissenschaftsverlag, 1987. – 331 p.
18. Lorenzen, P. Logical Reflection and Formalism / P. Lorenzen // Journal of symbolic logic. – Groningen, 1958. – Vol. 23. – № 3. – P. 241–249.
19. Lorenzen, P. Metamathematik / P. Lorenzen. – Mannheim: Bibl. Inst., 1962. – 167 S.
20. Lorenzen, P. Operative Logik / P. Lorenzen // La philosophie contemporaine / Ed. by Klibansky R. – Firenze: La nuova Italia, 1968. – Vol. I. – P. 135–140.
21. Lorenzen, P. Über die Begriffe «Beweis» und «Definition» / P. Lorenzen // Constructivity in mathematics / Ed. by Heyting A. – Amsterdam: North – Holl. Publ. Co., 1959. – P. 169–170.
22. Lorenzen, P. Dialogische Logik / P. Lorenzen, K. Lorenz. – Darmstadt: Wissenschaftl. Buchgesellschaft, 1978. – 178 p.
23. Mainzer K. Kants Philosophische Begründung des mathematischen Konstruktivismus und seine Wirkung in der Grundlagenforschung: Inaugural-Diss / K. Mainzer. – Münster, 1972-1973. – 497 p.
24. Markov A. A. An Approach to Constructive Mathematical Logic / A.A. Markov // Logic, methodology and philosophy of science III. Proc. of the third international congr. for logic, methodology and philosophy of science / Ed. by von B. Rootselaar. – Amsterdam: North-Holl. publ. co., 1968. – P. 283–294.
25. Stegmüller W. Probleme und Resultate der Wissenschaftstheorie und Analytische Philosophie / W. Stegmüller. – Berlin u.a., Bd. I: 1969; Bd. II: 1970; Bd. III: (mit Varga von Kibed Mattias): 1984; Bd. IV/I: 1973.
26. Wohlrapp H. Analytischer Versus Konstruktiver Wissenschaftsbegriff / H. Wohlrapp // Konstruktionen versus Positionen. Bd. II. Allgemeine Wissenschaftstheorie / Hrsg. von Lorenz K. – Berlin; N. Y.: Bruyter, 1979. – P. 348–377.

УДК 161.1

ОБ ОДНОМ КЛАССЕ ЛОГИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ (ФУНКТОРАХ)

Николко В.Н.

*В множестве логических функций вводятся классы функторных функциональных связей, N-функторы, среди которых имеют место принимаемые в качестве правильных в аристотелевской силлогистике формулы. Дается определение функтора как множества двузначных функций $f(x_1, x_2, \dots, x_n)$, аргументы которых $x_1, x_2, \dots, x_n$ принимают значения 0 или 1 и которые полностью определяются законом соответствия f . Формулируется принцип силлогистического следования. Обращается внимание на то обстоятельство, что среди N-функторов находятся принимаемые (правильные) аристотелевские силлогизмы, существенно увеличивает исследовательский интерес к N-функторам. Подчеркивается, в связи с этим, необходимость тщательного функторного анализа аристотелевской силлогистики, состоящего в редакции общих утверждений силлогистики в контексте функторной терминологии. **Ключевые слова:** функция, логические функции, пропозициональные функции, функции алгебры логики, функторы.*

Цель: предъявить класс функций, существенно расширяющий границы известных в настоящее время классов логических функций.

Новизна: предлагаемое обсуждение функторов на уровне сущности осуществляется впервые.

Пусть имеется множество переменных, обозначаемых прописными буквами второй половины латинского алфавита с индексами или без них – $x, y, z, t; x_1, x_2, \dots, y_1, y_2, y_3, \dots, u_1, u_2, \dots$, определенных в множестве M . Связь двух или более переменных, в результате которой изменения одной или нескольких переменных, например, $(x_1, x_2, \dots, x_n)$, вызывает соответствующее изменение переменной например – u , по закону f , назовем функциональной связью и будем записывать ее в виде формулы $u = f(x_1, x_2, \dots, x_n)$. Переменную u в этом случае называют функцией от $(x_1, x_2, \dots, x_n)$ по закону (алгоритму) f ; области изменений рассматривают как множество ее значения; а переменные $x_1, x_2, \dots, x_n$ считают аргументами функции u . К примеру, пусть $(a_1, a_2, \dots, a_n)$ – пакет значений аргументов $x_1, x_2, \dots, x_n$ функции u , всякое a_i ($1 \leq i \leq n$) принадлежит M , а $u = f(x_1, x_2, \dots, x_n)$. Тогда по закону f можно указать, найти, вычислить, в конце концов, для всякого пакета $(a_1, a_2, \dots, a_n)$ соответствующее значение u из некоторого множества M_1 , которое, конечно же, может совпадать и с M . Число аргументов функции (будем полагать, что среди

аргументов не бывает одинаковых) – местность функции. Число значений функции – ее значность. В дальнейшем будем иметь дело с двужначными функциями.

Примем, что функция полностью определена, если обозначены ее местность, значность, указаны области ее изменений и области значений аргументов, а также предъявлен внятный алгоритм – f – соответствия наборов значений аргументов и значений функции. В нашем случае f будет матричной конструкцией, в левой части которой будут находиться столбцы значений аргументов, а крайне правом столбце – соответствующие значения функции. При этом каждая строчка будет состоять из пакета значений аргументов (левая часть) и соответствующего пакету значения функции (правая часть).

Логической будем называть функцию, если и только если областями значений ее аргументов и ее самой являются предметные единицы логики – имена, выражения, связки, предложения, суждения, высказывания и т.д. или характеристики этих единиц – например – истина (1), а закон f – представляется в виде матрицы. Широко известны так называемые «пропозициональные функции», представляющие собой предложные сообщения на любом (скажем, русском языке), в которых подлежащие, сказуемые или дополнительные члены предложения заменены переменными. Таковым является, например, высказывание «Все s суть p », где s , p – переменные – аргументы пропозициональной функции Asp , аргументы которой принимают значения общих имен. При подстановке в Asp (Все s суть p), вместо s и p общих имен из словаря русского языка выражения типа Все s суть p превращаются в обычные предложения, которые могут выполнять (тогда Все s суть p принимает значение истины (1)) или не выполнять эту функцию (принимать значение 0).

Среди логических функций широкое распространение получили функции алгебры логики, в частности, – функции Буля и классы функций Э. Поста.

Вполне корректное определение функции алгебры логики в русскоязычной литературе дано в книге Яблонского С.В., Гаврилова Г.П., Кудрявцева В.Б. «Функции алгебры логики и классы Поста» [1, с. 10]. Воспроизведем его полностью, без существенной редакции. Авторы исходят из некоторого счетного алфавита переменных $u=[uv]$, $v=1, 2, 3, \dots$. В дальнейшем, во избежание употребления сложных индексов используются для обозначения букв этого алфавита мегасимволы $x, y, z, t, u, \dots$, с индексами или без них. Функции алгебры логики составляют (по определению упомянутых авторов) «множество всех функций $f(x_1, x_2, \dots, x_n)$, переменные которых определены на множестве $E_2=[0,1]$ и таких, что $f(a_1, a_2, \dots, a_n) \in E_2$, если $a_i (i=1, 2, \dots, n)$. При этом $\in$ – знак «принадлежит». И далее отмечается: «Очевидно, что функция $f(x_1, x_2, \dots, x_n)$ полностью определена, если задана Таблица 1» [там же]. Приведем ее ниже:

Таблица 1

$x_1 x_2 \dots x_{n-1} x_n$	$f(x_1, x_2, \dots, x_{n-1}, x_n)$
0 0 ... 0 0	$f(0, 0, \dots, 0, 0)$
0 0 ... 0 1	$f(0, 0, \dots, 0, 1)$
0 0 ... 1 0	$f(0, 0, \dots, 1, 0)$
0 0 ... 1 1	$f(0, 0, \dots, 1, 1)$

$\dots \dots \dots$	$\dots \dots \dots$
1 1 ... 1 1	$f(1, 1, \dots, 1, 1)$

Нетрудно выделить особенности функций алгебры логики. Например, формулировка функций алгебры логики включает в себя Таблицу 1. Без нее функции алгебры логики не определены полностью. Тогда корректной выглядела бы следующая редакция определения функций алгебры логики: к функциям алгебры логики относятся все те двузначные функции $f(x_1, x_2, \dots, x_n)$, аргументы которых принимают значение только 0 или 1, закон соответствия которых – f – определяется вышеуказанной Таблицей 1, согласно которой аргументы $x_1, x_2, \dots, x_n$ независимы друг от друга, а разные пакеты значений аргументов образуют матрицу из 2^n строк и n разных столбцов. Коррекция определения функций алгебры логики допускает нетривиальные обобщения, в частности, – класс функций, названных нами функфорами.

Определение 1. Функфорами будем называть множество двузначных функций $f(x_1, x_2, \dots, x_n)$, аргументы которых $x_1, x_2, \dots, x_n$ принимают значения 0 или 1 и которые полностью определяются законом соответствия f , выражаемого таблицей 2.

Таблица 2

$x_1 \quad x_2 \quad \dots, x_{n-1}, x_n$	$f(x_1, x_2, \dots, x_{n-1}, x_n)$
$A_{12} a_{12} \dots a_{n-1} a_n$	$f(a_{11}, a_{12}, \dots, a_{n-1}, a_n)$
$a_{21} a_{22} \dots a_{2n-1} a_{2n}$	$f(a_{21}, a_{22}, \dots, a_{2n-1}, a_{2n})$
$a_{31} a_{32} \dots a_{3n-1} a_{3n}$	$f(a_{31}, a_{32}, \dots, a_{3n-1}, a_{3n})$
$\dots \dots \dots$	$\dots \dots \dots$
$a_{i1} a_{i1} \dots a_{in-1} a_{in}$	$f(a_{i1}, a_{i2}, \dots, a_{in-1}, a_{in})$

При этом, число столбцов матрицы, представленной в таблице 2, – $n+1$, и все они разные (по определению), а число строк – меньше 2^{n+1} . Последнее замечание – существенная строчка определения функфоров.

Нетрудно видеть, число одинаково местных функфоров конечно.

Среди функфоров находятся все булевы функции: 0, 1, x , x_1 , $\neg x_1$, $x_1 x_2$, $x_1 \neg x_2$, $x_1 \rightarrow x_2$, $x_1 \sim x_2$, $x_1 - x_2$, $x_1 | x_2$. Указанные булевы функции полностью определяются содержанием следующей таблицы 2.

x	0	1	x	$\neg x$	$x_2 x_2$	$x_1 \wedge x_2$	$x_1 \vee x_2$	$x_1 \rightarrow x_2$	$x_1 \sim x_2$	$x_1 + x_2$	$x_1 x_2$
0	0	1	0	1	0 0	0	0	1	1	0	1
1	0	1	1	0	0 1	0	1	1	0	1	1
					1 0	0	1	0	0	1	1
					1 1	1	1	1	1	0	0

Функции 0, 1 и x называются соответственно константой 0, константой 1 и функцией, тождественно равной x . Функция x называется отрицанием переменной x , $x_1 \wedge x_2$ – конъюнкцией, $x_1 \vee x_2$ – дизъюнкцией x_1 и x_2 , $x_1 \rightarrow x_2$ – импликацией x_1

и x_2 , $x_1 \sim x_2$ – эквивалентностью x_1 и x_2 , x_1+x_2 – суммой x_1 и x_2 по модулю 2, $x_1|x_2$ – функцией Шеффера (штрих Шеффера) от x_1 и x_2 .

Нетрудно видеть: среди функфоров присутствуют все функции алгебры логики. Это следует из определения функций алгебры логики, воспроизведенного выше. Вместе с тем, существуют такие функфоры, которые не являются функциями алгебры логики. Например, двужначные двуместные функции $f_1(x_1, x_2)$ и $f_2(x_1, x_2)$, которые полностью определяются Таблицами 4 и 5.

Таблица 4

x_1	x_2	$f_1(x_1, x_2)$
1	1	1
0	1	0
1	0	0

Таблица 5

x_1	x_2	$f_1(x_1, x_2)$
1	1	1
0	1	0
0	1	1
1	0	0

Названий для функфоров, которые не являются функциями алгебры логики, нет. Но учитывая огромное значение таких функфоров, имеет смысл номинально их выделить, назвав, скажем, N-функфорами.

Среди функфоров находится множество аристотелевских силлогизмов. Это видно из нижеследующей редакции определения аристотелевских силлогизмов. Вообще говоря, к аристотелевским силлогизмам относят тройки функций типа Axy («Все x суть y »), или Esp («Все s не суть p »), или Igr («Некоторые $г$ есть 2 »), или Omn («Некоторые m не суть n »), каждая пара которых имеет общий аргумент. При этом, значениями аргументов x, y, s, p, g, r, m, n выступают общие имена из словаря, скажем, русского языка.

Иными словами простейшими формулами аристотелевской силлогистики являются выражения, получаемые из операторов «Все ... есть ...», «Все ... не есть ...», «Некоторые ... есть ...», «Некоторые ... не есть ...» подстановкой в них вместо многоточий переменных x, y, s, p, g, r, m, n и т.д., определенных в множестве общих имен естественного языка.

Сложными формулами силлогистики – силлогизмами, в таком случае оказываются любые тройки введенных выше простейших формул, каждая пара которых имеет одну общую переменную, как, например, это есть в следующих формулах: $Amp, Asm, Asp, Emp, Asm, Esp$ и т.д. Связь простейших формул в силлогизмах посредством общих переменных обеспечивает функциональную связь между левыми простейшими формулами и крайне правой простейшей формулой в силлогизмах, т.е. $Asp = f_1(Amp, Asm)$ или $Esp = f_2(Amp, Esm)$ и т.д.

В контексте функфорного подхода множество аристотелевских силлогизмов можно было бы определить как множество функций $Z = f(X, Y)$, таких, что:

1. X, Y, Z из множества $[Axy, Esp, Igr, Jmn$ и т.д.];
2. Каждая пара из X, Y, Z имеет общий аргумент (термин);
3. X, Y, Z принимают значения 0, 1;
4. Z полностью определяется Таблицей 6:

X	Y	$Z = f(X, Y)$
x_{11}	y_{11}	z_{11}
x_{12}	y_{12}	z_{12}
.....		
x_{i1}	y_{i2}	z_{i3}

При этом x_{ij}, y_{ij}, z_{ij} принимают значение 0 или 1, а $(i, j=1, 2, \dots, n), n \leq 8$.

Построим таблицу истинности хотя бы одного правильного силлогизма из списка персонально названных, например Barbara, или Amp Asm Asp. Подставляя вместо m, s, p отдельные конкретные имена из множества общих терминов в Amp Asm Asp получаем Таблицу 7

общие имена	Amp	Asm	$Asp=f(Amp, Asm)$
m - лошади s - камни p – животные	и	л	л
m - лошади s - животные p – камни	л	л	л
m - камни s - лошади p – животные	л	л	и
m - люди s - спортсмены p – смертные	и	л	и
m - смертные s - спортсмены p - люди	л	л	и
m - спортсмены s - люди p - смертные	и	л	и

Нетрудно видеть – других строчек истинности-ложности выражений Amp, Asm, Asp как частей правильного силлогизма под названием Barbara, при указанных выше условиях – нет.

При этом мы помним, что крайние справа выражения силлогизма – в нашем случае это Asp – являются выводами из первых двух слева стоящих выражений (в нашем случае Amp, Asm), т.к. $Asp = f(Amp, Asm)$.

Других, отличных от случаев 1, 2, 3 в таблице истинности закона обращения $Aab\ Iba$ – нет. Очевидно, $Aab\ Iba$ функфорное образование.

Доказывается следующая теорема 1.

Все правильные силлогизмы аристотелевской силлогистики из 24 стандартных силлогизмов, имеющих персональное историческое название (*Barbara*, *Celarent* и т.д.), являются N-функфорами, т.е. имеют таблицу истинности-ложности такую же, как таблица 7.

В целях доказательства теоремы следует построить таблицы значимости упомянутых в условии теоремы силлогизмов. Однако, достаточно того, что таблицы, их (силлогизмы) определяющие, точно не будут иметь строки 110 потому, что выбранные силлогизмы – правильные, а это означает, что крайне правое выражение силлогизма (вывод) необходимо истинно при истинности посылочных утверждений.

Теорема 2. Все формулы, принимаемые в аристотелевской силлогистике в качестве правильных, являются N-функфорами. Теорема доказывается по принципу доказательства Теоремы 1: таблицы, их характеризующие, не имеют «плохую» строку.

То обстоятельство, что среди N-функфоров находятся принимаемые (правильные) аристотелевские силлогизмы, существенно увеличивает исследовательский интерес к N-функфорам. Необходим тщательный функфорный анализ аристотелевской силлогистики, состоящий в редакции общих утверждений силлогистики в контексте функфорной терминологии. Речь идет о таких утверждениях как, например, - правила силлогизмов, средства аксиоматизации и т.д. Для этой цели необходимо в первую очередь исследовать свойства матриц (таблиц) N-функфоров, состоящих из 0 и 1.

Определение 1. Матрицу, состоящую из 0 и 1 будем называть стандартной, если:

- 1) в ней нет одинаковых строк и столбцов
- 2) все столбцы имеют одинаковое количество мест. Это же относится и к строкам
- 3) ни в столбцах (ни – соответственно, в строках) нет «пустых» мест. Иными словами, стандартные матрицы – «квадратные» или «прямоугольные» таблицы из 0 и 1, без повторов строк и столбцов, а также без пустых мест.

Определение 2. Строчку стандартной матрицы, крайне правый член которой 0, а все остальные – 1, будем называть «плохой». Плохая строчка, к примеру, имеет вид 111110.

Определение 3. Строчку стандартной матрицы, которая сплошь состоит из 1, назовем «хорошей», например, строчка 11111 – хорошая.

Определение 4. Строчка стандартной матрицы, у которой крайне правый элемент – 0, а в левой части тоже есть хотя бы один 0 – «обычная». Например, 00110 – обычная.

Теорема 3. Если длина строчки стандартной матрицы n (содержит n элементов), то максимальное число различных строк этой матрицы $2n$. Теорему легко проверить эмпирически – попробовать построить матрицу с $2n+1$ разными строчками.

Определение 5. Матрицы с n -различными столбцами и с $2n$ разными строками будем называть особыми.

Например, матрица вида 11 – особая.

10

01

00

Особые матрицы – бывают 2 строчные, 4 строчные, 8 строчные, 10 строчные и т.д.

Определение 6. Два столбца a , b стандартной матрицы независимы друг от друга, если и только если при любом значении a значение b может быть как 0, так и 1.

Теорема 4. Особые матрицы имеют независимые столбцы. Независимость столбцов состоит в том, что изменение значения какого-либо столбца не сказывается на изменении других столбцов. Теорема очевидна.

В дальнейшем нас будут интересовать матрицы с выделенным крайне правым столбцом. Этот столбец будем называть выводом. Все прочие столбцы по отношению к выводному являются посылками.

Определение 7. Матрицу, в которой посылочные столбцы образуют особую матрицу, будем называть классической. Особую матрицу классической матрицы будем называть ее ядром.

Теорема 5. В классической матрице, число строк которой меньше $2n+1$, где n – число разных столбцов ядра этой матрицы, выводной столбец является зависимым от прочих столбцов матрицы, точнее – является функцией прочих столбцов этой матрицы, или $a_{n+1} = f(a_1, a_2, \dots, a_n)$. Теорема интуитивно ясна и является развитием Определений 5 - 7. Выводной столбец, если не независим, то, значит, зависим, что нормально выражается в виде функции $a_{n+1} = f(a_1, a_2, \dots, a_n)$.

Определение 8. Будем говорить, что $a_{n+1} = f(a_1, a_2, \dots, a_{i-1}, a_i, a_{i+1}, \dots, a_n)$ существенно зависит от a_i , если найдутся две строчки ядра матрицы $a_1 a_2 a_3 \dots a_n$, а именно:

$$\neg a = (a_{11}, a_{12}, \dots, a_{i-1}, 0, a_{i+1}, \dots, a_n)$$

$a = (a_{11}, a_{12}, \dots, a_{i-1}, 1, a_{i+1}, \dots, a_n)$ такие, что $f(a) \neq f(\neg a)$. Переменная a_i называется существенной для функции f . Все переменные, от которых функция $f(a_2, a_3, \dots, a_n)$ не зависит существенно, называются фиктивными. Число всех переменных, от которых функция $f(x_1, x_2, \dots, x_n)$ зависит существенно называется порядком этой функции. Определение 8 (в некоторой редакции) взято из [1, с. 11].

В функциях, используемых в дальнейшем, будут указываться только переменные, от которых функции зависят существенно.

Определение 9. N -функтор $f(x_1, x_2, \dots, x_n) = x_{n+1}$ назовем согласованным, если матрица, его определяющая, не содержит плохой строчки.

Определение 10. N-функфор $f(x_1, x_2, \dots, x_n) = x_{n+1}$ назовем сильно согласованным, если матрица, его определяющая, содержит $2^{n+1}-1$ различных строк, причем отсутствует плохая строчка матрицы.

Нетрудно видеть, что принимаемые в аристотелевской силлогистике функции – сильно согласованы. Отсюда естественно утверждать принцип следования в силлогистике в следующей формулировке: формула Z аристотелевской силлогистики следует из формулы XY (где X, Y – простые формулы силлогистики), если и только если формула XYZ – сильно согласована. В некоторых случаях достаточно простой согласованности. Тогда можно говорить, что Z следует из (XY) и записывать этот факт в виде $(XY) \rightarrow Z$, а читать как «Если XY , то Z ».

Что бросается в глаза при сравнении функфорных образований, их систем, с одной стороны, и устоявшихся в математической логике образований – с другой? Как нам представляется – в случае функфорного построения формальных систем интересны согласованные или строго согласованные формулы. В случае же классических построений математической логики – отбор проходит по принципу тождественной истинности формул. Это маленькое формальное различие в принимаемости формул таит в себе, как представляется, потенциал развития современной логики.

Список литературы

1. Яблонский С.В., Гаврилов Г.П., Кудрявцев В.Г. Функции алгебры логики и классы Поста («Математическая логика и основания математики»). – М.: Наука, 1966. – 120 с.
2. Гиндикин С.Г. Алгебра логики в задачах. – М.: Наука, 1972. – 288 с.
3. Яновская С.А. Лекции по алгебре логики / Сост., ред., коммент. Б.В. Бирюкова, З.А. Кузичевой. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 264 с.

Nikolko V.N. On a Logic Functions Set (Funcfors) // Scientific Notes of Crimea Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 1. – P. 148-155.

The set of functions called funcfors that significantly expands the boundaries of the currently known logic functions is presented. The discussion of such functions at the level of their essence is suggested for the first time. The funcfor functional connections classes called N-funcfors among which there are formulas accepted in the Aristotele's syllogistics are introduced into the set of logical functions. The principle for syllogistic implication is formulated. The following definition for funcfors is given: the elements of the set of binary functions $f(x_1, x_2, \dots, x_n)$ which arguments take value 0 or 1 and which are determined by the rule of correspondence f are called funcfors. This set includes logic algebra functions. The subset of N-funcfors is distinguished. The following theorem is proved: all the formulas accepted in Aristotele's syllogistics as correct are N-funcfors in the case of funcfor constructing of the formal systems.

Keywords: function, logical function, propositional function, logic algebra functions, funcfors.

References

1. Yablonskiy S.V., Gavrilov G.P., Kudryavtsev V.G. Logic Algebra Functions and Post's Sets (Mathematical Logic and Boundaries for Mathematics). – M.: Nauka, 1966. – 120 p.
2. Gindikin S.A. Logic Algebra in Exercises. – M.: Nauka, 1972. – 288 p.
3. Yanovskaya S. A. Lectures on Logic Algebra / Comp., red., comm. by B.V. Biryukov, Z.A. Kuzitcheva. – M.: LENAND, 2015. – 264 p.

УДК 159.955

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ВИДОВ МЫШЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Семерей А.В.

Рассматривается классификация видов мышления. К базовым видам мышления отнесены: абстрактное, образное и речевое мышление. Проанализированы основные концепции понимания взаимосвязи языка и мышления, а также модификации этих концепций.

В работе подвергается переосмыслению позиция, согласно которой субстратом мышления является один конкретный его элемент, например – внутренняя речь или идеальные (нематериальные) объекты. Критикуется распространённая тенденция переноса сущности мышления одного вида на все другие виды. Автор разделяет позицию «расширенного» толкования мышления, предложенного Николко В.Н.: мышление есть волевое управление любым материалом сознания.

Ключевые слова: мышление, мысль, язык, внутренняя речь, метафизическая концепция.

Цель: представить основные точки зрения философов и представителей научного знания о степени участия в актах мышления языкового варианта речи (языка).

Новизна: предлагается субстратная классификация видов мышления, включающая в себя абстрактное, образное и речевое мышление.

Выяснение природы форм мышления зависит от способов определения мышления. В «расширенном» толковании мышления, которое было предложено В.Н. Николко в работе «Современная формальная логика», мышление определяется как «волевое управление любым материалом сознания» [8, с.16]. «Материалы» сознания, справедливо полагает автор, чрезвычайно разнообразны: это – внутренняя речь, воображение, представления, эмоции, желания, фобии. Каждый из этих «материалов» волевого управления сознанием сопряжен с особым видом мышления.

Учитывая факт существования различных видов мышления, целесообразно поставить вопрос о контексте, в котором тот или иной вид начинает доминировать. Рассмотрим теперь детальней природу разных видов мышления.

Абстрактное мышление – это волевое управление понятиями, включающими в себя категории, суждениями (гипотезами), умозаключениями, теориями. Они позволяют проникать в закономерные связи действительности, использовать полученные знания на практике. Данный вид мышления доминирует в научном

сообществе, язык которого насыщен абстрактными идеями, формулами, предельно широкими понятиями, а также специальными терминами.

Образное мышление – это волевое управление зрительными образами (картинками). Оно преобладает в творческой, поисковой фазе и доминирует у представителей художественных профессий. Значимость развития образного мышления для специалиста, работающего в сфере искусства, особо важна. Как пишет В.Н. Николко, «мышление художника – это управление зрительными ощущениями посредством внутренних сил мозга» [8, с.15]. Образное мышление обогащают художники, продуцирующие новые образы, новое видение реальности, которые позже становятся привычными и общепринятыми. Практическое знание и умение дополняются и расцветаются фантазией и воображением, эстетической позицией художника. Конечно, для решения креативных профессиональных задач представители любых сфер деятельности опираются на образное и творческое мышление. При подготовке специалистов, таким образом, целесообразно в равной степени развивать как абстрактное (логическое) мышление, так и образное.

Существует расхожее мнение, что помимо внутреннего «материала» сознания, существует также идеальная (нематериальная) сфера сознания. В логике данная позиция раскрывается в метафизической концепции, которая отождествляет мышление с движением, возникновением, превращением и разрушением мыслей – особых единиц сознания, отличных по своему субстрату от всех других наполнителей сознания человека, – таких, как внутренняя речь, желания, фобии и так далее.

Среди сторонников метафизического толкования мышления – многие выдающиеся философы и логики. Например, Томас Гоббс считал, что для познания необходимо чувственные запоминания. Если чувственные восприятия, образующие первый слой опыта – простейшее знание (*cognitio*), то словесное общение – второй слой, который философ именует наукой. Искусство точного дефинирования слов, в особенности абстрактно-туманных, – труднейшая гносеологическая проблема. «Язык, что паутина: слабые и тщеславные умы цепляются за слова и запутываются в них, а сильные легко сквозь них прорываются. Отсюда можно также заключить, что первые истины были произвольно созданы теми, кто впервые дал имена вещам, или теми, кто получил эти имена от других. Ибо, например, предложение человек есть живое существо истинно только потому, что людям когда-то пришло в голову датъоба этих имени одной и той же вещи» [5, с.97]. Поэтому Гоббс утверждал, что имена «не суть знаки самих вещей, а знаки понятий» [8, с.14]. С помощью знаков мы можем передавать мысль.

Согласно позиции Г. Фреге, язык занимает промежуточное место между реальностью и мыслью, смыслом. С одной стороны – слова обозначают мысленное содержание, с другой стороны, они обозначают некоторые фрагменты реальности, существующей вне мышления, языка и ощущений. Слово – это единица речи, служащая для выражения понятия.

Основу выражаемого в языке содержания образуют мысли. Через мышление, через отражательную деятельность человеческого мозга языковые единицы могут соотноситься с предметами и явлениями объективного мира, без чего невозможно

было бы общение между людьми при помощи языка. Из этого следует, что метафизическая концепция – это концепция, в которой мышление существует само по себе, и лишь в коммуникации используется язык.

Утверждается, что наряду с языком и внеязыковой реальностью существует особая структура психики, субстратными единицами которой являются не ощущения, не слова и не фрагменты вне нас находящегося мира, а мысли. Мир мыслей образует особую сферу логического, идеального в противовес языковому, чувственному и даже природному. Поэтому для Фреге речь есть лишь чувственная оболочка мысли. Язык же выступает как некая форма сознания, которая предполагает существование предмета

Известный лингвист Ноам Хомский полагал, что язык помогает нам познавать мир так же, как зрение и слух. Он совершил переворот в современной лингвистике, заявив, что язык может быть отдельным предметом серьёзного исследования, тогда как выдающиеся философы, психологи и лингвисты рассматривали его лишь как выбранное средство коммуникации. Хомский полагал, что «язык не есть мышление, а мышление не есть язык». Согласно автору, «крупнейший недостаток классической философии мышления заключается в безоговорочном допущении, что свойства и содержание мышления доступны для самоанализа. Исследования языка страдали от недооценки либо абстрактности тех структур, которые даны уму, когда производится или понимается высказывание» [14, с.30]. Из этого следует важный вывод, что коммуникация – это лишь вторичный аспект речи, так как это лишь часть воплощения языка. Таким образом, язык является не только и не столько средством коммуникации, сколько средством познания. По мнению Хомского, приближение к раскрытию тайн сознания невозможно без изучения языка.

В подтверждении позиции мышления без языка свидетельствуют высказывания многих людей о том, что они не пользуются словами в процессах абстрактного мышления. А. Эйнштейн отмечал: «Слова, написанные или произнесенные, не играют ни малейшей роли в механизме моего мышления. Психологическими элементами мышления являются некоторые более или менее ясные знаки или образы, которые могут быть по желанию воспроизведены и комбинированы. Обычные и общепринятые слова с трудом подбираются лишь на следующей стадии, когда упомянутая ассоциативная игра достаточно устоялась и может быть воспроизведена по желанию» [17, с.28].

Многие философы полагали, что выражение мышления посредством языка искажает мышление. Например, Артур Шопенгауэр отмечал: «настоящей, живой жизнью мысль живёт до тех пор, пока она не перейдёт границы, где начинаются слова, тут она окаменеет и отныне становится мёртвой» [16, с.817].

Эти высказывания подтверждают несоответствие высказывания и мысли. Язык не может передать всю полноту мышления. Здесь полностью отодвигается друг от друга речь и мышление.

В истории философии выделяется другая, столь же доминантная теория, которая определяет мышление как волевое управление внутренней речью и в которой язык и мышление отождествляются. Посредством внутренней речи как «материала» сознания раскрывается природа речевого мышления.

«Речевое мышление предстает как сложное динамическое целое, в котором отношение между мыслью и словом обнаружилось как движение через целый ряд внутренних планов, как переход от одного плана к другому. В процессе речевого мышления движение идет путем от мотива, порождающего какую-либо мысль, к оформлению самой мысли, к опосредствованию ее во внутреннем слове, затем – в значениях внешних слов и наконец – в словах» [3, с. 315].

Мы будем рассматривать речевое мышление как волевое управление звуковыми ощущениями.

Первые идеи о том, что мышление человека есть «разговор души самой с собой» были сказаны Платоном. В диалоге «Теэтет» мыслитель приходит к выводу о тождестве языка и мышления. Платон полагал, что мышление могло быть только в словесно-логической форме. Далее следует фрагмент диалога:

«Сократ: Но то ли ты называешь «мыслить», что и я?

Теэтет: А что называешь так ты?

Сократ: Я называю так рассуждение, которое душа ведёт сама с собою о том, что она наблюдает... Я воображаю, что мысля, она делает не что иное, как рассуждает, сама себя спрашивая и отвечая, утверждая и отрицая... Так что, по мне, иметь мнение – значит рассуждать, а мнение – это словесное выражение, но без участия голоса, обращённое не к кому-то другому, а к самому себе, молча» [9, с.297].

Американский лингвист Леонард Блумфилд в работе «Язык» пишет: «Человеческая речь отличается от сигналоподобных действий животных огромным разнообразием звуков» [1, с.41]. Он приводит пример, что на всех языках на протяжении всей истории говорили люди, не умевшие ни читать, ни писать, но языки таких народов не менее устойчивы и богаты, чем языки народов, обладающих письменностью. Язык создаётся, тем самым, независимо от того, какая система используется для его передачи. Лингвист говорит о важности мышления. То, что мы понимаем под мыслью, он считал актом коммуникации, говорения с самим собой. «В детстве мы разговариваем сами с собой вслух, вскоре привыкаем подавлять в себе звуковоспроизводящие движения и заменяем их чуть заметными и беззвучными: мы думаем словами про себя» [1, с. 43].

Немецкий лингвист Лео Вайсгербер исследует понятийный строй и возможности языка. В работе «Родной язык и формирование духа» исследователь писал: «Я могу применять языковые средства, не прибегая при этом к говорению, мысленно произносить предложение, не проговаривая его вслух. Таким образом, использование языковых средств может происходить также в виде мышления в языковых формах» [2, с.44]. Для Вайсгербера язык является «промежуточным миром», который, выступая посредником между действительностью и человеком, вербализирует этот мир. Язык обеспечивает возможность абстрактного мышления.

Детально феноменом внутренней речи занимались советские психологи XX века. Языковое оформление мысли необходимо человеку не только тогда, когда он хочет передать ее кому-либо, но и тогда, когда он мыслит про себя.

Внутренняя речь, по определению Л. С. Выготского, представляет собой особое явление и отличается от внешней не только отсутствием произнесения вслух, но и

своей структурой. Он полагал, что без внутренней речи не происходит осмысливания и запоминания информации. В ходе внутренней речи мозг посылает в речевой аппарат нервные импульсы. Это подтверждается невозможностью вести во внутренней речи одновременно два или более мыслительных действия, например, слушать лекцию и повторять по себе стихотворение. Психолог акцентирует внимание на том, что говорение требует перехода из внутреннего плана во внешний, а понимание предполагает обратное движение от внешнего плана речи к внутреннему. Значение внутренней речи связывается с сокращением обычного речевого акта.

Положение о внутренней речи также разрабатывал советский психолог П. Я. Гальперин. Он выделяет особые этапы развития речевой активности людей. Действие, в плане внешней речи про себя, становится автоматическим процессом, и вследствие этого проговаривание ситуаций отрывается от устной речи, переводится в план беззвучного проговаривания про себя, которое в свою очередь становится автоматическим, уходит из сознания, становится скрытым, в полном смысле внутренним и «чистым» от всякого присутствия внешних речевых элементов

А.Н. Соколов показал, что в процессе мышления внутренняя речь представляет собой активный артикуляционный, несознаваемый процесс, беспрепятственное течение которого очень важно для реализации тех психологических функций, в которых внутренняя речь принимает участие. В его опытах, проведенных с испытуемым предлагалось непрерывно (без пауз) произносить хорошо заученные стихи или оды и те же слоги («ба-ба» или «ля-ля») и одновременно слушать какой-либо текст или решать арифметическую задачу.

Результаты опытов показали, что воспроизведение текстов во всех случаях было очень неполным и неточным. Понимались и запоминались лишь отдельные слова, а смысл фразы в целом – нет.

Многие философы и лингвисты говорят о единстве языка и мышления. В исследованиях данной проблемы философы Нового времени обращаются к пониманию языка как инструмента познания истины.

Рене Декарт в работе «Рассуждения о методе для хорошего направления разума и отыскания истины в науках» утверждал, что в основе нашего мышления лежат рациональные врожденные идеи: числа, фигуры, логические и математические понятия. Декарт писал: «Способность правильно использовать язык является признаком того, что некоторое существо обладает человеческим разумом» [7, с.270]. Хорошо развитое мышление порождает ясный и логичный язык, в результате чего каждому акту мысли есть соответствие в языке. Продолжая рациональную теорию Декарта, аббаты монастыря Пор-Рояля Арно и Лансло делают вывод, что слова были созданы людьми для передачи и постижения мыслей.

Развивая позицию «язык как инструмент выражения мысли» лингвисты и философы XIX–XX веков приходят к пониманию языка как средства коммуникации между людьми.

Немецкий лингвист Вильгельм Гумбольдт, основоположник общего языкознания как науки, также говорил о тождестве мышления и языка. В работе «О различии организмов человеческого языка» исследователь исходит из положения:

«язык как формирующий орган мысли». Развивая этот тезис, он говорил, что «язык народа – его дух, дух народа – это его язык». Гумбольдт первым выдвинул гипотезу о том, что наше мышление зависит от того, на каком языке мы говорим. Различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия.

Среди отечественных мыслителей следует выделить рассуждения А.А.Потебни, который развивая идеи Гумбольдта, считал, что язык неразрывно связан с культурой народа. Потебня пишет: «Язык есть необходимое условие мысли отдельного лица даже в полном уединении, т.к. понятие образуется только посредством слова, а без понятия невозможно истинное мышление. Однако в действительности язык развивается только в обществе» [10, с.30].

В начале XX века в философии появилась возможность рассмотреть проблематику языка с новой стороны.

Немецкий философ Мартин Хайдеггер, говоря о соотношении языка и мышления отмечает, что язык впервые дает имя сущему, и путь к подлинному смыслу бытия лежит через рефлексию над языком. Хайдеггер предлагает «вслушиваться» в забытые и повседневно используемые слова, «слушая», что они говорят «сами по себе», вне исторических контекстов, и часто прибегает сам к этой установке при осмыслении философских терминов. Например, одно из ключевых понятий буддизма – нирвана, в переводе с санскрита угасание, потухание, в процессе наложения смысловых оттенков получило широкое распространение и использование в повседневной жизни, обозначая наслаждение или высшее блаженство.

Философ даёт определение: «язык есть дом бытия», а речь выступает как фундамент этого дома. Исходя из этого, Хайдеггер усматривает в языке единственный способ обнаружения и раскрытия бытия [13, с. 129].

Австрийский философ Людвиг Витгенштейн рассматривает язык как выполняющий функцию обозначения «фактов», основу для чего создаёт его внутренняя структура. В этом смысле границы языка совпадают с границами «мира», а мышление отражает картину мира. Витгенштейн ставит вопрос – является ли мышление родом разговора? Он проводит мысленный эксперимент. «Произнеси фразу: «А перо-то, кажется, тупое. Ну, ничего, сойдет». Сначала обдуманно; затем бездумно; наконец, воспроизведи только мысль, без слов. И, занимаясь различными измерениями, я бы мог вести себя так, что всякий наблюдающий за мной сказал бы, что я без слов думал. Но то, что здесь составляет мысль, не является процессом, который должен сопровождать слова, коль скоро их не следует произносить бездумно» [15, с.372 – 373]. Потому мы не можем мыслить без слов и не можем говорить бездумно, т.е. без мышления.

В рамках одного из пониманий мышления можно дать качественное определение его содержанию. В речевом мышлении понятие как форма мышления строится из именных частей внутренней речи. Суждение – это осмысленное предложение внутренней речи, утверждающее или отрицающее что-то о внешнем мире, отождествлённое с естественным языком. Следовательно, умозаключение – это осмысленное предложение внутренней речи, посредством которого приходим к заключению, также отождествляющееся с естественным языком.

По-другому будут определяться те же самые формы мышления, скажем в метафизической концепции. Здесь они выступают отдельными качественно отличными друг от друга мыслями, в которых какие-либо образования – признаки, да и сами предметы – воспроизводятся в идеальной форме.

В свою очередь, сторонники образного мышления пытаются построить суждения, например, из отдельных частей различных восприятий, понятия из общих частей восприятий одного и того же предмета.

Представляется, в этой связи, что каждый вид мышления сопровождается своими чертами. Работа по выяснению этих черт ещё предстоит.

Список литературы

1. Блумфилд Л. Язык / Л.Блумфилд. – М.: Прогресс, 1968. – 607 с.
2. Вайсгербер Йохан Лео. Родной язык и формирование духа/ Пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О.А. Радченко. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.
3. Выготский Л.С. Мышление и речи / Л.С. Выготский. – М., 1956. – 325с.
4. Гальперин, П.Я. К вопросу о внутренней речи / П.Я. Гальперин. // Доклады АПН РСФСР. №4. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1957. – с. 55-60.
5. Гоббс Т. Часть1 О теле. Сочинения в 2 т. Т.1./ Т. Гоббс. – М. Мысль, 1989. – 622с.
6. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию: Пер с нем. / Общ.ред. Г.В. Рамишвили; Послесл. А.В.Гульги и В.А. Звегинцева. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 400с.
7. Декарт Р. Сочинение в 2 т.: Пер. с лат.и франц. Т.1 / Сост., ред., вступ. ст. В.В. Соколова. – М.: Мысль, 1989. – 654 с.
8. Николко В.Н. Современная формальная логика. Часть1: учебное пособие / В.Н. Николко. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2012. – 226с .
9. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т.2. / Под общ.ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та: «Изд-во Олега Абышко», 2007. — 626 с.
10. Потебня А. А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.
11. Соколов А. Н. Внутренняя речь и мышление / А. Н. Соколов. – М., 1968. – 248 с.
12. Фреге Г. Смысл и значение / Готлоб Фреге. Пер. с нем. Е.Э. Разголовой. – СиИ, №8, 1977. – с. 181 – 210.
13. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем. В. В. Бибикина. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
14. Хомский Н. Язык и мышление / Ноам Хомский. – М.: Изд-во Московского университета, 1972. – 126с.
15. Языки как образ мира. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 568 с.
16. Шопенгауэр А. Мелкие философские сочинения. ПСС, т.3 / А. Шопенгауэр.– М., 1991. – 917с.
17. Эйнштейновский сборник. – М.: Изд. «Наука», 1967. – 307с. –

Semerey A.V. To the Question about the Key Types of Thinking // Scientific Notes of Crimea Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 1. – P. 156-163.

The article considers the types of thinking. The author investigates the nature of the key types of thinking and analyzes the concepts of the correlation between language and thought. The purpose of the publication is to research the problem of language and thought in the history of philosophy.

The difficulty of the problem of the interrelationship between language and thought is caused by the complexity and structure of their nature. And there comes the following complex question: what is a thought, thinking? Is it the same thing as speech, a word we use in everyday life, or anything which is different from them?

Therefore, we can talk about a variety of approaches to the problem of the correlation between thought and language. However, a position is allocated in the debate about the nature of thinking in which the substrate is the inner speech – there centration. Therefore, the author suggests to follow the position of the extended interpretation of thinking, in which thinking – is willful control of material conscience.

Keywords: interrelationship, thought, language, inner speech, metaphysical concept.

References

1. Bloomfield L. Language/L. Bloomfield.– M.: Progress, 1968. – 707 p.
2. Weisgerber Johann Leo. Native Language and the Formation of the Spirit/ Trans.fr.Ger., Entry Articl. And Comm. O.A. Radchenko. Edit. 2-s.Correct.And Addit.– M.:EditorialURSS, 2004. – 232 p.
3. Vygotsky, L.S.Thought and Speech/L.S. Vygotsky.–M.,1956. – 325 p.
4. Halperin P.Y. To the Question of Inner Speech/ P.Y. Halperin// Reports APS RSFSR .№4.M.: Edit. APS RSFSR, 1957. – p.55- 60.
5. Hobbes T. Part1On the Body. Compositions in 2s t.T.1. / T. Hobbes.– M. Think,1989.– 622p.
6. Humboldt W. Von Selected Works on Linguistics: Trans.fr.Ger./ The Tot.Edit. Ramishvili G.V; Afterwor. A.V. GulgiAnd V.A. Zvegintseva. – M.: OJSC IG «Progress»,2000.– 400p.
7. Descartes R. Composition In 2 t.: Trans.Fr.Lat.And French. T.1/ Compl.Edit.Introduct.Article.V.V.Sokolova. – M.:Think,1989. – 654 p.
8. Nikolko V.N. Modern Formal Logic. Part 1: Tutorial/ V.N. Nikolko.–Simferopol: PP «ARIAL», 2012. – 226 p.
9. Plato. CollectedWorksIn 4 t. T./ Under the Editorship of .A.F. Loseva and V.F. Asmusa; Trans.fr.The Ancient Greek. – SPb.:Edit. S-Peters. Un-ty: «Publishing House Of Oleg Abyshko», 2007. – 626 p.
10. Potebnja A.A. Thought and Language/ A.A. Potebnja. – M.: The Maze, 1999. – 300 p.
11. Sokolov A.N. Inner Speechand Thinking/ A.N. Sokolov. – M., 1968. – 248 p.
12. Frege G. Meaning and Reference / GottlobFrege.Trans.fr.Ger.E.E.Razgolvoy.–M.:1977. – p.181 - 210.
13. Heidegger M. Time and Being / Translated from German V.V.Bibihin. – M .: Republic, 1993. – 447p.
14. Chomsky N. Language and the Mind / Noam Chomsky. – M .: Publishing House of Moscow University, 1972. – 126 p.
15. Languages as a Way of Peace. – M.:Ltd«Publisher AST», 2003. – 568 p.
16. Schopenhauer A. «Smaller Philosophical Writings» from «Parerga und Paralipomena». T.3. – M.: 1991. – 917 p.
17. Einstein Collection. – M.: Edit. «Science»,1967. – 307p.

УДК 165.23

ОБОБЩЕННЫЙ НЕСТАНДАРТНЫЙ АНАЛИЗ И ИССЛЕДОВАНИЕ ФОРМ ЛОГИЧЕСКОГО ИСЧИСЛЕНИЯ НА ОСНОВЕ СТРУКТУР ЗНАЧЕНИЙ ОЦЕНКИ

Титов А.В.

В работе рассматривается возможность исследования динамики развития различных типов логического исчисления на основе исследования оценки, анализируется связь этого подхода с тезисом о внутреннем саморазвитии понятия, выдвинутым Гегелем в «Науке логики», и возможность его применения к развитию математики и математической логики. Приводятся примеры, позволяющие показать, что в развитии математики стихийно этот метод уже используется как диалектика внешней рефлексии.

Подход на основе исследования оценки позволяет рассмотреть с единой позиции вариантивное развитие логических исчислений как диалектический процесс, в котором возникновение различных вариантов логических исчислений рассматривается как результат разделения алгебраических структур, элементы которых служат значениями оценок формул логического исчисления.

При этом в центре внимания оказывается как отношение между формой логического исчисления и типом структуры оценки, а также отношением эквивалентности, определяющим меру на структуре оценки, так и отношение между различными языками теории структур.

Ключевые слова: диалектика, формальная логика, оценка, семантика, математическая структура, мера, алгебраическая структура.

Объектом исследования является формальная логика в ее классической и неклассических формах. **Целью** работы является поиск методологии, позволяющей с общей позиции рассмотреть соотношение между различными видами логики и проследить динамику их развития как диалектический процесс.

На развитие современной формальной логики оказывает значительное влияние развитие математического знания. Идея Лейбница о возможности сведения рассуждений к вычислению нашла свою реализацию в математической логике. Однако и современная логика не свободна от проблем традиционной логики. В частности, предметом дискуссий являются законы логики или, переходя на язык математической логики, тавтологии логического исчисления. Система законов классической логики подвергалась критике как со стороны диалектики, так и со стороны формальной логики. Результатом критического анализа законов логики

стали системы, в которых не действуют законы исключенного третьего и противоречия. Однако формирование таких неклассических логик не имеет систематического характера: связи между ними проследить не всегда легко, а порой и невозможно, особенно если построения носят синтаксический характер. В случае, когда объектом исследования являются типы исчислений в математической логике, объединяющим моментом может служить понятие оценки, значение которой в математической логике играет роль истинности для формул алгебры логики.

В «Науке логики» Гегель следующим образом определяет свою задачу, подчеркивая новизну предлагаемого подхода к разработке логики: «Изображение царства мысли философски, т.е. в его собственной имманентной деятельности, или, что тоже самое, в его необходимом развитии, должно было поэтому явиться новым предприятием, и притом начинающем все сначала» [1, с.22].

В равной мере и чистая математика (А.Ф.Лосев делит математику на чистую математику и математику естествознания), а вслед за ней и математическая логика, как понятие есть результат работы мысли, а значит, и она имеет свое необходимое развитие, проследить которое и есть задача математиков, точнее, «проследить» раскрытие понятия «математика» в его необходимом развитии.

В математической логике, как следует и из ее названия, используется язык математики или языки, используемые и разрабатываемые в математике, в частности, языки, на которых описываются математические структуры. Понятие оценки, о котором речь пойдет ниже, позволяет перейти от синтаксического подхода к рассмотрению различных вариантов исчислений формальной логики к семантическому, основанному на анализе структур, на которых принимает значение оценка, эквивалентностей и мер на этих структурах. При этом соотношение между различными типами исчисления определяется соотношением между структурами.

Наши мысли о тех или иных объектах, в том числе математических, проявляют себя в языке. Поэтому проблемы выразительных возможностей языка и понимания выступают на первый план. Будем полагать, что языковая явленность мысли есть ее модель.

Теория категорий в этом смысле является объектом, позволяющим проследить как развитие языка математических структур влияет на содержание основных понятий математики. Классическая математика в этом случае может играть роль предпосылки, и ее разделы должны найти свое место в новом образе математики, выраженном на категорном языке.

Относительно развития логики Гегель выразил следующим образом суть метода, который, по его мнению должен лежать в основании ее развития: «... раскрытие того, что единственно только и может быть истинным методом философской науки, составляет предмет самой логики, ибо метод есть осознание формы внутреннего самодвижения ее содержания» [1, с.42].

Другими словами, в данном случае метод, используемый в науке логики, сам есть объект этой науки и раскрывается в ходе ее развития.

В полной мере это можно отнести и к математической логике, в которой развитие понятия «математическая структура» дает нам «инструмент» для исследования развития и взаимосвязи форм логического исчисления. И если это не

слишком заметно при синтаксическом подходе к исследованию этих форм, при котором может возникнуть ощущение произвольности формирования неклассических типов исчислений, то семантический подход, выражением которого можно считать нестандартный анализ как метод, основанный на исследовании оценки, в полной мере отвечает приведенному положению.

Разработка нестандартного анализа в интерпретации Робинсона явилась первым шагом в направлении развития понятия истинности. Наряду с «обычной» истинностью появился новый вид истинности, открывающий, возможность введения новых типов этого понятия, к тому же, не только не отрицающих друг друга, но взаимно дополнительных.

В общем случае алгебра $\langle F_m, o_1, o_2, o_3, \dots, o_n \rangle$ формул языка нулевого порядка L_0 является свободной в классе R универсальных алгебр $\langle A, o_1, o_2, o_3, \dots, o_n, \rangle$, в которых операции с одинаковыми индексами имеют одинаковую размерность. Множество V_0 всех пропозициональных переменных языка L_0 является системой свободных образующих в F_m .

Таким образом, на алгебре формул как универсальной алгебре еще не задается никакая система аксиом, которой определяется ее превращение в тот или иной тип исчисления. Решение этого вопроса может осуществляться как на синтаксической, так и на семантической основе. В первом случае задается система аксиом теории, исходя из представлений о том, какой вид должны принимать истинные суждения (тавтологии) в данном типе исчисления. Во втором – система аксиом определяется на основе сохранения структур в оценке.

Однако и при «синтаксическом» подходе к истинности формулы алгебры логики требуют, согласно которому истинность формулы $F(A_1, A_2, \dots, A_n)$ зависит от истинности $A_1, A_2, \dots, A_n$, т.е., оценка как отображение сохраняет структуру алгебры формул. При синтаксическом подходе последнее требование есть, скорее, пожелание, но при семантическом – является неизбежным требованием, сохраняющим операции при переходе к значениям оценки.

В общем случае оценка языка L_0 есть отображение $v: F_m V_0 \rightarrow A$, где A алгебра подобна алгебре $\langle F_m, o_1, o_2, o_3, \dots, o_n \rangle$. При этом отображение v есть гомоморфизм множества формул в алгебру, элементы которой служат значениями оценки.

В нестандартном анализе в первоначальном виде оценка рассматривается как отображение вида: $F_m \rightarrow P(I)$, где $P(I)$ – множество всех подмножеств некоторого фиксированного (индексного) множества I . Множество всех подмножеств, как известно, является булевой алгеброй или булевой решеткой. В работе [см.: 2, с. 100-101] это определение обобщается до отображения на решетку:

«Оцениванием (оценкой) в данном языке для фиксированной решетки X называется сопоставление каждой формуле ϕ элемента из X , обозначаемого $\|\phi\|_X$ или короче $\|\phi\|$, причем логические связки языка моделируются операциями в решетке X .»

При этом X рассматривается как импликативная решетка общего вида. Уже в этом случае, анализируя разные типы оценок, мы можем проследить то, как количественные изменения и сопоставляемая им мера определяют качественный тип логики, зафиксированный в системе аксиом логического исчисления.

В частности, в нестандартном анализе рассматривается множество - степень KI , где K - структура, а формулы –суждения о свойствах данной структуры. Оценка принимает значения на $P(I)$, выбор в качестве j ультрафильтра в $P(I)$ позволяет заменить $Trj(\phi k)$ ($Trj(\phi k) \equiv \|\phi k\| \in j$) [3, с.378]) «обычной» истинностью суждения ϕk о структуре KI . Поскольку для ультрапроизведений $KI|j \equiv KI|\sim j$, имеем: $\phi k|j([f_1], [f_2], \dots, [f_n]) \Leftrightarrow ([\phi k(f_1, f_2, \dots, f_n)] \in j)$, где $[f_i] \in KI|j$. Как будет показано ниже, это фактор-множество содержит два элемента, что обеспечивает эквивалентность обеих семантик. Ситуация в нестандартном анализе определяет множество, на котором принимает значение оценка, а именно, истинность как мера на множестве индексов, не являющихся элементом ультрафильтра, является бесконечно малой величиной и, следовательно, результатов оценки формулы на этой совокупности индексов не достаточно для изменения в сторону понижения, если на оставшихся индексах она равна 1, и повышения, если она на них равна нулю.

Таким образом, если рассматривается оценка со значениями в $P(I)$, т.е. оценка $\|\phi k\|: \phi \rightarrow P(I)$, то при условии, что j ультрафильтр над $P(I)$ получим оценку в ультрапроизведении $P(I)|\sim j$. В [4, с. 81-82] доказано, что, если фильтр j в псевдобулевой алгебре A максимален, то фактор-алгебра $A|\sim j$ содержит два элемента, т.о., отношение эквивалентности $\sim j$ приводит к оценке на булевой алгебре $P(I)|\sim j = B = \{0, 1\}$. Это позволяет заменить $Trj(\phi k) \equiv (\|\phi k\| \in j)$ «обычной» истинностью суждения ϕk о структуре K . В то же время, этого нельзя сделать при $Trj(\phi k) \equiv (\|\phi k\| = 1)$, т.е., в случае если в качестве j выбран единичный фильтр. С математической точки зрения это объясняется тем, что при выбранном отношении эквивалентности только оценка, равная 1, дает значение истинности, равное 1. Кроме того, для любых оценок таких, что $\|\phi k\| \leq \|\phi k_1\|$ будет иметь место $\|\phi k\| < \|\phi k_1\|$. С точки зрения приведенных выше рассуждений, это означает, что при таком выборе фильтра каждый элемент множества I обладает конечной мерой, и множество значений оценок эквивалентно мощности $P(I)$.

В классическом нестандартном анализе оценка принимает значения на булевой решетке; как уже отмечалось, в работе [2, с.101] рассматривается оценка на произвольной импликативной решетке, и при этом рассматриваются операции на алгебре формул с единственным отрицанием. В то же время, на импликативной решетке общего вида заданы два типа дополнения [4, с.67].

В [5, с.89] приводится вариант логики с двумя типами отрицания. Это Н-В логика, аксиомы которой состоят из формул вида :

1. $(\alpha \rightarrow \beta) \rightarrow ((\beta \rightarrow \gamma) \rightarrow (\alpha \rightarrow \gamma))$
2. $\alpha \rightarrow \alpha \vee \beta$
3. $\beta \rightarrow \alpha \vee \beta$
4. $(\alpha \rightarrow \gamma) \rightarrow ((\beta \rightarrow \gamma) \rightarrow (\alpha \vee \beta \rightarrow \gamma))$
5. $\alpha \wedge \beta \rightarrow \alpha$
6. $\alpha \wedge \beta \rightarrow \beta$
7. $(\gamma \rightarrow \alpha) \rightarrow ((\gamma \rightarrow \beta) \rightarrow (\gamma \rightarrow \alpha \wedge \beta))$
8. $(\alpha \rightarrow (\beta \rightarrow \gamma)) \rightarrow (\alpha \wedge \beta \rightarrow \gamma)$

9. $(\alpha \wedge \beta \rightarrow \gamma) \rightarrow (\alpha \rightarrow (\beta \rightarrow \gamma))$
10. $\alpha \rightarrow (\beta \vee (\alpha \div \beta))$
11. $(\alpha \rightarrow \beta) \rightarrow (\neg \beta \rightarrow \neg \alpha)$
12. $(\alpha \div \beta) \rightarrow \vdash (\alpha \rightarrow \beta)$
13. $((\alpha \div \beta) \div \gamma) \rightarrow (\alpha \div \beta \vee \gamma)$
14. $\neg(\alpha \div \beta) \rightarrow (\alpha \rightarrow \beta)$
15. $(\alpha \rightarrow (\gamma \div \gamma)) \rightarrow \neg \alpha$
16. $\neg \alpha \rightarrow (\alpha \rightarrow (\gamma \div \gamma))$
17. $((\gamma \rightarrow \gamma) \div \alpha) \rightarrow \vdash \alpha$
18. $\vdash \alpha \rightarrow ((\gamma \rightarrow \gamma) \div \alpha)$

В работе [6, с. 388-390] показано, что аксиомы этого исчисления полностью соответствуют утверждениям о свойствах импликативной решетки общего типа и при условии сохранения оценкой структуры индуцированы оценкой на такой решетке. Следует также заметить, что в математической логике, во всех вариантах исчислений, речь идет об оценке на некоторой структуре, а не об истинности. Хотя этот термин и применяется, здесь вообще не поднимается вопрос о том, что такое истина и истинность, и соотношение этих понятий требует отдельной проработки.

В описанном подходе рассматривались отображения алгебры формул на алгебру значений оценки, являющиеся гомоморфизмами. Обобщением этого подхода на случай алгебры оценок с дополнительной структурой может служить подход, основанный на использовании теоретико-категорного представления. В частности, к категорному описанию приходят в обобщенном нестандартном анализе, которое «есть алгебро-логический метод, основанный на рассмотрении оценок и в основном применяемый для изучения объектов, представимых в виде глобальных элементов некоторого пучка» [3, с. 377].

Использование категорного языка в математике и математической логике позволяет в терминах гегелевской диалектики снимать определения математических понятий и переходить к новым, расширяющим «снятые». Математика, как и всякая наука Нового времени, ориентируется на методы, диктуемые рефлектирующим рассудком. Т.е., оперирует абстрактными определениями, которые разделяют между собой определяемые предметы. Однако математика же и преодолевает это рассудочное разделение. И первый пример тому – история с 5-м постулатом. Мучительный отказ от него привел и к разделению геометрий, и к их обобщению в абстрактной системе без 5-го постулата. Т.о., в математике возможно единство различного в аксиоматике более высокого уровня абстракции. Это, конечно, не является примером спекулятивного мышления, внутренней диалектики, в которой объект отрицает сам себя, но дает примет того, что у Гегеля обозначено как диалектика внешней рефлексии. Однако в «Воображаемой логике» Васильева можно найти и примеры того, как происходит отрицание постулатов формальной логики (законы противоречия и исключенного третьего), исходя из их внутреннего содержания, т.е., из них самих, что уже можно отнести к примерам спекулятивного или разумного мышления, для которого противоречие есть «возвышение разума над ограниченностью рассудка и устранение ее» [1, с. 36].

Также и в математической логике, отрицая формы истинности как оценки определенного вида, на определенной структуре, и переходя к оценкам на структурах иного порядка, их единство мы можем искать в структурах более высокого порядка иерархии, более бедных формальным содержанием, дальнейшее раскрытие которого и дает разнообразие оценок. И категории здесь могут служить базой в силу «бедности» определяющего их содержания. Это та простая форма, все содержание которой должно раскрыться в ходе дальнейших определений.

Нестандартный анализ является примером не только действия разделения рефлексии, но и примером разрешения противоречия в новое единство, т.е. примером разумного хода. При непосредственном восприятии истинности того или иного утверждения объект, в данном математический, рассматривается в целом. В частности, пусть речь идет о сравнении функций $f(x)$ и $g(x)$. Возможны четыре вида отношения между ними: $f(x) < g(x)$, $f(x) > g(x)$, $f(x) = g(x)$, $f(x)$ и $g(x)$ несравнимы. При этом, для каждого конкретного x выполняется одно из первых трех отношений, четвертая же возможность означает, что в разных точках выполняются разные отношения, а каждое из приведенных отношений между функциями считается выполненным, лишь если оно выполнено для всех x . Таким образом, сравнение таких объектов как функций отождествляется со сравнением таких объектов как значений функции в точке, причем отношение выполнено, если выполнена тождественная ситуация, заключающаяся в том, что оно выполнено для каждого нового объекта – значения функции в точке x . В этом, собственно, и заключается то, что Гегель обозначил как выход за пределы непосредственного, определение и разделение его. В то же время, переход к рассмотрению значений функций в точке позволяет говорить о локальной истинности одного из отношений или о их истинности в определенных областях области определения функции. Разделение рефлексии здесь заключается в том, что разделяются истинные и неистинные высказывания относительно выполнения отношения, причем оно выполнено, если это отношение выполнено для значений во всех точках области определения. В нестандартном анализе рассматривается случай, когда невыполнение отношения на области меры 0 не влияет на результат, утверждение об истинности отношения остается в силе – это пример того, как объединяются утверждения первоначально противоречивые. Но, как отмечает Гегель, необходимо выходить за пределы разделяющих определений и соотносить их, в результате чего выявляется их столкновение. Спекулятивность проявляется здесь в том, что полярности отношение истинно/отношение ложно, первоначально рассматриваемые изолированно, взаимодействуют, и теперь истинность есть результат этого взаимодействия (становления), правда, пока в ограниченной форме, поскольку влияние одного из полюсов считается ничтожным. Развитие этого принципа должно привести к множественности мер истинности, т.е., к тому, что называется нечетким множеством.

Примером того, как категорный язык позволяет снимать старые определения и и тем самым выводить их за рамки привычных представлений, может служить, в частности, определение мономорфной стрелки (как, впрочем, и практически все

определения в теории категорий). Мономорфная стрелка в теории категорий – это стрелка $a \rightarrow b$, «сократимая слева», т.е. if $f \circ g = f \circ h$ to $g = h$.

В теории множеств этому соответствует инъективное отображение. Но это понятие охватывает также отношение порядка, которое представляется стрелкой $a \rightarrow b$, если $a < b$ (т.е. отношение в языке теории структур заменяется стрелкой в языке теории категорий), и операции, например, над натуральными числами: $m+n=m+p \Rightarrow n=p$. Здесь натуральное число на языке теории категорий есть стрелка, а композиция – операция сложения чисел.

Уже из этих примеров видно, что понятие стрелки в теории категорий охватывает такие понятия, как отображение в теории множеств (и не только), отношения, числа, а более широко – элемента алгебраической структуры и, вероятно, многое другое, что еще не описано языками различных разделов математики. А если это так, то это позволяет надеяться на то, что потенциал теории категорий позволит расширить рамки моделирования до объектов и процессов, которые пока не могут моделироваться с достаточной степенью адекватности на языках других разделов математики.

Список литературы

1. Гегель Г.В.Ф. Наука логики / Г.В.Ф Гегель. – СПб: «Наука», 1997. – 799 с.
2. Любецкий В.А. Оценки и пучки. О некоторых вопросах нестандартного анализа / В.А. Любецкий // Успехи математических наук. – 1989. – Том 44. Выпуск 4(269). – с. 99 – 153.
3. Любецкий В.А. Некоторые применения теории топосов к изучению алгебраических систем // П.Т.Джонсон. Теория топосов. – М.: «Наука», 1986. – с.376 – 430.
4. Рассева Е., Сикорский Р. Математика метаматематики / Е.Рассева, Р.Сикорский. – М.: «Наука», 1972. – 591 с.
5. Васюков В.Л. Категорная логика /В.Л. Васюков. – М.: АНО Институт логики, 2005. – 194 с.
6. Титов А.В. Диалектика в развитии типов логических исчислений на основе структур значений оценки / А.В. Титов // Доказательство очевидность, достоверность и убедительность в математике. Труды Московского семинара по философии математики / Под ред. В.А.Божанова, А.Н.Кричевца, В.А.Шапошникова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 432с.

Titov A.V. Generalized Non-Standard Analysis and Study of the Forms of Logical Calculation on the Basis of Assessment of Value Structures // Scientific Notes of Crimea Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 1. – P. 164-171.

This paper considers the possibility of studying the dynamics of development of different types of logical calculi on the basis of the assessment study, analyze the connection of this approach with the thesis about internal self-development concepts put forward by Hegel in “Science of logic” and the possibility of its application to the development of mathematics and mathematical logic. The examples allow to show that in the development of mathematics spontaneously this method is already being used as the dialectics of external reflection.

An approach based on assessment study allows us to consider a unified position options for the logical calculus as a dialectical process in which the emergence of different variants of logical calculus is seen as the result of the division of algebraic structures whose elements are the values of the logical calculus formulas estimates. At the same time the focus is as the relation between the form of a logical calculus type of pricing structure as well as equivalence relation determining the measure on the evaluation of the structure and the relationship between the different languages of the theory of structures.

Keywords: dialectic formal logic, evaluation, semantics, the mathematical structure of the measure, the algebraic structure.

References

1. Hegel G.V.F. Wissenschaft der Logik / G.V.F. Hegel. – St. Petersburg: "Science", 1997. – 779 p.
2. Lubtskii V.A. Valuations and Sheaves. On Some questions of Non-Standard Analysis / Lubtskii. // UMN vol.44, issue 4(269), 1989. – pp. 99 – 153.
3. Lubetskii V.A. Some Applications of the Topos Theory to the Study of Algebraic Systems / V.A. Lubtskii. // P.T. Johnstone. Topos Theory. – M.: "Science", 1986. – pp. 376 – 430.
4. Rasiowa H., Sikorski R. The Mathematics of Metamathematics – M.: "Science", 1972., – 591 p.
5. Vasyukov V.L. Categorical Logic / V.L. Vasyukov – M.: ANO Institute of Logic, 2005. – 194 p.
6. Titov A.V. Dialectics in the Development of Logical Calculi / A.V. Titov. // Proof . Moscow Studies in the Philosophy of Mathematics. – M.: URSS, 2014. – pp. 375 – 399.

УДК 1(91)+16

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ЛОГИКИ

Шиян А.А.

В статье исследуется проблема обоснования логики в феноменологии Э. Гуссерля. В сравнительном анализе идей, высказанных Гуссерлем в работах «Логические исследования» и «Опыт и суждение», подчеркивается особенность эволюции феноменологического подхода к предмету логики. В статье подчеркивается, что феноменологическая разработка проблематики суждения, опирающаяся на восприятие как опыт предданности предмета, содержит ряд критически не отслеживаемых Гуссерлем допущений. Среди них автор выделяет и анализирует предпосылку, согласно которой предметность рассудка продуцируется в особых актах категориального созерцания бессознательно, что делает невозможным обоснование, ссылающееся на опыт. Автор приходит к выводу, что предпринятый Гуссерлем феноменологический анализ восприятия как основы суждения является одним из возможных вариантов описания опыта восприятия, который помещается в контекст решения конкретной задачи обоснования логики.

Ключевые слова: феноменология, основания логики, восприятие, общее понятие, суждение, предикативное суждение

Феноменология как философское направление началась с выхода в свет «Логических исследований» Гуссерля в 1900-1901 годах. Именно проблема обоснования логики побудила Гуссерля к исследованию сознания и человеческой субъективности. Однако полномасштабного и законченного обоснования логики в «Логических исследованиях» мы не найдем. В этом отношении они носят, скорее, фрагментарный характер, представляют собой исследования лишь некоторых аспектов логического и выдвигают тезис о необходимости изучения сознания, в котором нам даны логические суждения. Здесь хотелось бы обратить внимание на гуссерлевский подход к образованию общих понятий, представленный во втором и третьем Логических исследованиях. По Гуссерлю, сущности, к которым относятся общие понятия, усматриваются в особом типа интуиции – сущностной интуиции, которая надстраивается над чувственным восприятием. Например, чтобы усмотреть сущность красного, нам должен быть дан в восприятии какой-либо красный предмет.

Однако в логических суждениях встречаются не только общие понятия, но и связки: или, и, но, есть и т. д. Отчего в окружающем мире мы должны

отталкивается, что мы смогли их усмотреть и использовать в суждениях? Предварительные размышления на эту тему мы можем найти в шестом Логическом исследовании. Однако более детальным обсуждением природы логических суждений во всей ее полноте Гуссерль занимается в более поздний период творчества. Особый интерес в этом отношении представляет его работа «Опыт и суждение», опубликованная Лангребе уже после смерти автора.

В «Опыте и суждении» Гуссерль утверждает, что в центре логики стоит учение о предикативном суждении¹. И, если обращать внимание не только на форму суждения, но также и на его содержание, то необходимо признать, что каждое суждение имеет свой предмет, о котором оно нечто высказывает. Гуссерль замечает, что предметы должны быть нам предданны таким образом, чтобы мы могли вынести о них очевидное суждение [2, с. 11]. То есть, предметы должны быть нам предданы с очевидностью. Далее Гуссерль делает интересное замечание, что очевидность в широком смысле и есть опыт данности предметов, к которому принадлежит, прежде всего, восприятие. Тот факт, что предикативное суждение изначально относится к опыту предданности предметов, для Гуссерля означает, что мы должны направить свое внимание на изучение опыта этой предданности, то есть опыта восприятия.

Прежде чем ответить на вопрос, как конкретно соотносятся восприятие и предикативное суждение, необходимо прояснить, что понимает Гуссерль под суждением. Смысл этого понятия Гуссерлем постоянно уточнялся и в поздний период получил новую конкретизацию. Это принципиальный для Гуссерля вопрос, поскольку речь идет о понимании сознания и классификации его переживаний. Следуя Brentano, Гуссерль полагает интенциональность основным признаком сознания (психических феноменов, на языке Brentano), однако отказывается однозначно принимать Brentановскую классификацию переживаний сознания на представления, суждения и эмоции. В «Логических исследованиях» Гуссерль критикует тезис Brentano о том, что «каждое интенциональное переживание или само есть (простое) представление, или имеет представление в качестве основы» [1, с. 417], главным образом, за непроясненность понятия представления. В результате долгих критических размышлений [см. 1, §§ 41–43]. Гуссерль приходит к необходимости заменить этот тезис на положение, согласно которому каждое интенциональное переживание или само является объективирующим актом, или основано на нем. Переживание сознания принадлежит к классу объективирующих актов в том случае, если оно может, сохраняя ту же материю, иметь противоположный характер бытийного полагания.

В «Опыте и суждении» тема объективирующих актов получает дальнейшее развитие. Гуссерль теперь утверждает, что любой объективирующий акт есть акт суждения [2, с. 63]. Отличительным признаком суждения выступает уже не категориальная структура акта созерцания, а наличие сознательной активности. Активность, конечно, может быть различной, и в соответствии с ее типом Гуссерль

¹ В современной русскоязычной логической терминологии – атрибутивное или категорическое суждение.

различает предикативные и непредикативные суждения. Первые – это суждения в обычном смысле, например, типа «S есть Р», ко вторым относятся восприятия вещей. В случае восприятия речь идет об активности низшего типа – внимании. «Уже при каждом допредикативном повороте к сущему нужно говорить о суждении в широком смысле», – пишет Гуссерль [2, с. 63].

Расширение понятия суждения в «Опыте и суждении» путем включения в него объективирующих актов подчеркивает, что сознанию присуща активность в разной степени. Весьма существенное различие, которое Гуссерль проводит внутри этого расширенного класса суждений. Речь идет о различении допредикативного опыта и предикативного познания. Это различие Д. Ломар назвал основным различием «Опыта и суждения» [3, с. 252]. К допредикативному опыту относится восприятие вещей, или чувственное восприятие, как его иногда называет Гуссерль. Под предикативным опытом познания понимается, прежде всего, логически артикулированное суждение. Обратим внимание на то, что исследования сознания в «Логических исследованиях» являются, по сути, исследованиями познающего сознания, на что указывает в первую очередь подзаголовок II тома этой работы «Исследования по феноменологии и теории познания». Введенные Гуссерлем в V исследовании объективирующие акты не исследуются, но лишь являются трамплином для рассмотрения теоретико-познавательной проблематики в VI Исследовании: для введения феноменологически обоснованных понятий истины и лжи и для анализа категориальных синтезов.

Остановимся подробнее на различии предикативных и непредикативных суждений. Гуссерль подчеркивает, что субъективным смыслом допредикативного опыта является «обыденное обладание», «обыденное знание», «обыденное умение» [2, с. 137]. Осознанное стремление к достижению истинности, к предикации, к экспликации – характеристика познавательного интереса. Именно выраженность нашего знания в языке дает возможность вернуться к нему в любой момент. Это свойство предикативного познания Гуссерль называет «наличным обладанием» (*verfügbarer Besitz*) и отличает его от «обыденного обладания» (*habituelle Besitz*), которое приобретает в результате чувственного восприятия, и к которому мы не можем обратиться в любой момент по нашему желанию. Одно из важнейших отличий касается предметности сознания: в ходе восприятия конституируются чувственные вещи окружающего мира, а в предикативных суждениях – особого рода предметности рассудка: связки, общие понятия и т. д.

Допредикативный опыт восприятия, однако, сам не присутствует в нашей жизни в явном виде. В обыденной жизни мы редко смотрим просто так, «из интереса» на предметы. Но это не означает, что опыт простого восприятия является теоретическим конструктом, он, скорее, является базовым опытом, так как присутствует в любом другом виде опыта. Но, чтобы его выделить, нужно абстрагироваться от всех других типов опыта (практического, этического, теоретического) и от всех повседневных контекстов, или, выражаясь феноменологически, совершить редукцию.

Именно на этом допредикативном опыте восприятия и базируются предикативные суждения. Рассмотрим общую схему образования категориальных

суждений на примере суждения «Стол – зеленый» (а есть В). Сначала мы воспринимаем стол, потом обращаем внимание на его особенности – цвете, затем совершаем так называемые синтезы совпадения, т. е. накладываем зеленый цвет на целостное восприятие стола. Эти синтезы совпадения могут так и остаться допредикативными, а возможен вариант, когда над ними надстраивается особый акт – категориальное созерцание, в результате которого и образуется суждение «Стол – зеленый». Однако однозначный ответ на вопрос, как происходит категориальное созерцание, в текстах Гуссерля найти нельзя. В разные периоды своего творчества он склонялся к различному пониманию механизма основания категориального опыта в опыте восприятия. Этот вопрос тесно связан с общими принципами понимания функционирования сознания и онтологическими предпосылками. В «VI Логическом исследовании» Гуссерль скорее склонялся к тому, что категориальное суждение – это рефлексивный акт, который «всматривается» в то, что уже дано в чувственных синтезах простого восприятия. Это означает, что категориальная идеальная предметность существует независимо от нашего сознания и дается нам уже в простом восприятии, просто мы этого не замечаем. Но проявляется она только в актах предикативного суждения, причем этот своеобразный рефлексивный акт протекает неосознанно, не тематически.

В отличие от этого, в «Опыте и суждении» Гуссерль утверждает, что предметность категориального суждения (которую здесь он называется предметностью рассудка) принципиально отличается от предметности восприятия. То, о чем говорится в суждении – продуцируется нашим сознанием. В творческой спонтанности производится новый тип предметности. Это – ключевой момент для понимания гуссерлевского отношения к логическому в поздний период: в отличие от вещей, предметности суждения не существуют в окружающем мире, они продукт деятельности сознания. Именно поэтому Гуссерль говорит о действии познания, хотя это действие и отличается от практического действия [2, с. 235]. В рецептивности (то есть в чувственном восприятии) взгляд может оценить только больше / меньше, при этом речь не идет ни о каком высказывании положении дел.

Интересно заметить, что сам Гуссерль не подает тезис о деятельной природе предметности рассудка как новое слово в феноменологии, кардинально ее меняющее. Скорее наоборот, Гуссерль пытается вписать этот тезис в общий контекст предыдущих рассуждений. Так, он использует и для восприятия вещей, и для продуцирования предметностей рассудка один и тот же термин «конституирование». Здесь еще нет ничего неожиданного, термин конституирование может относиться к любому акту сознания. Гораздо неожиданней другое: Гуссерль иногда говорит о «производстве» предметов восприятия и о «преданности» предметностей рассудка. Так, он пишет о предметности рассудка: «Она не предконституируется в чистой пассивности, но предконституируется <...> в предикативной спонтанности. Способом ее изначальной предданности является ее производство в предикативном действии Я, как в спонтанной деятельности» [2, с. 300]. А в сравнительном рассмотрении восприятия он переходит на язык, которым ранее описывал производство логической предметности: «то, что Я в своем действии производит, есть лишь представление о предмете, но не сам предмет» [2,

с. 301]. Таким образом, Гуссерль совмещает, казалось бы, несовместимые вещи, когда пытается показать, что акты предикативных и непредикативных суждений суть конкретизация общих свойств сознания – обладать предданностью, иметь, «производить» предметность (в широком смысле).

Еще на одну особенность предметностей рассудка Гуссерль указывает посредством различения нескольких пониманий времени. В отношении вещей окружающего мира мы можем говорить об объективном времени, в котором они воспринимаются нами в естественной установке. Время, в котором происходит конституирование вещей в сознании, получает название внутреннего сознания времени. Не останавливаясь на особенностях временного конституирования, отметим, что закономерности внутреннего сознания времени не имеют никакого отношения к предметностям рассудка, они в нем не конституируются. Но они не существуют и в объективном времени, так как следование событий и вещей в объективном времени делало бы их (наряду с пространственными следованиями) индивидуальными вещами или событиями, а предикативные суждения лишены всего индивидуального, они существуют всегда и для всех, в любом времени и в любом месте. Их временную форму Гуссерль обозначает как «всевременность». Обратим внимание, что всевременность – это не то же самое, что истинность на все времена: суждение «Этот стол – желтый» после того, как стол перекрасили, может стать ложным, но оно все равно останется всевременным.

Остановимся на этом подробнее. Речь идет о том, что предметность рассудка, по Гуссерлю, это особый род идеальной предметности, наряду, например, с моральными и эстетическими ценностями. Однако эта идеальная предметность не имеет ничего общего с «миром платоновских идей». Хотя упрек в платонизме Гуссерль неоднократно получал после выхода I тома «Логических исследований», в котором он написал, что логические законы существуют, независимо от того, кто их воспринимает: люди, звери или боги. Кроме того, анализируя, как Гуссерль говорит о видовой предметности, можно заключить, что идеальная предметность существует независимо от сознания, так же как и предметы материального мира. Так, он пишет, что и те, и другие предметы «с ясностью выступают для нас в сознании», говорит об актах, в которых «мы полагаем видовое» [1, с. 101] и т. д. «Опыт и суждение» позволяет уточнить статус существования логических законов, а если быть точнее, то статус их не-существования, поскольку для Гуссерля изначально существует только мир вещей и сознание. В отличие от них, логические законы являются продуктом деятельности сознания. Мы имеем дело с одними и теми же логическими законами не потому, что мы их каждый раз заново усматриваем их в сущностном созерцании, а потому, что наш разум с особенностями его восприятия устроен так, что с неизбежностью приводит к этим законам. Тогда безвременность логического переходит во всевременность. Эта мысль, высказанная Элизабет Штрёкер в «Трансцендентальной феноменологии Гуссерля» [5, с. 184], на наш взгляд, безусловно, вытекает из текста «Опыта и суждения».

Эта картина мира окончательно проясняется Гуссерлем (благодаря многим усилиям, в том числе и терминологическим) только в поздний период. Но она, хоть

и является несколько неожиданной², может считаться конкретизацией ранней позиции Гуссерля, выраженной им в «Логических исследованиях». Да, логические законы существуют объективно, но особым образом. Но более странным кажется другое: тот факт, что предметность рассудка продуцируется в особых актах категориального созерцания бессознательно, то есть незаметно для нас, невозможно обосновать, ссылаясь на опыт. В это можно либо верить, либо нет. Например, так же легко можно принять, что логические законы существуют в виде вечных идей, и мы можем их интеллектуально созерцать. А это означает, что тезис о производстве категориальной предметности является предпосылкой Гуссерля, которая им не маркируется в качестве предпосылки. Это противоречит принципу феноменологии: конечно, редукция не может позволить нам избавиться от всех предпосылок, но мы должны хотя бы их называть. Кроме того, в этом вопросе хотелось бы дополнить Гуссерля в следующем. Не вдаваясь в рассуждения о происхождении логических суждений, интересно было бы выявить условия и предпосылки, при которых они могут существовать и функционировать. И эта задача представляется вполне феноменологической.

Мы не можем оценить гуссерлевские размышления о производстве категориальной предметности с точки зрения их соответствия опыту – одному из основных принципов феноменологии, но у нас есть реальный опыт восприятия вещей окружающего мира, поэтому его дескрипция в «Опыте и суждении» представляет особый интерес. Гуссерль стремится к беспредпосылочному исследованию опыта сознания, которое может быть осуществлено только после сознательного отказа от всех предпосылок, то есть после осуществления редукции. Конечно, феноменология – это не позитивизм, и не о каком «чистом», свободном от предпосылок опыте речь не идет. Но смысл редукции состоит в том, чтобы те предпосылки, которые не могут быть отброшены, были названы. С этим солидарен Гуссерль и многие его последователи (Финк, Шпет, Штрёкер и т. д.). Однако, как замечает Финк в своей знаменитой статье «Оперативные понятия феноменологии Гуссерля», ни один мыслитель не может сам назвать все свои предпосылки, это дело его исследователей и последователей.

Далее мы попытаемся выявить предпосылки Гуссерля при описании опыта восприятия в «Опыте и суждении». При чтении этой работы складывается впечатление, что Гуссерль сам иногда забывал о невозможности редукции всех предпосылок и был убежден, что действительно описывает опыт восприятия так, как тот реально протекает. И основания для такого заблуждения есть. В ранний период творчества (в «Логических исследованиях», в «Вещи и пространстве») описание реального опыта (конечно, тоже с определенной позиции) сочеталось у Гуссерля с явным моделированием и конструированием этого опыта (Гуссерль,

² То, что сознание у Гуссерля само производит предметность, пусть даже и категориальную, конечно, противоречит основе феноменологического подхода: иметь дело с данностью мира, исследовать то, что есть. Возможно, именно это является причиной, по которой некоторые современные исследователи, говоря об идеальной предметности у Гуссерля, предпочитают оставаться в рамках неопределенности в отношении статуса существования идеальных объектов.

например, часто использовал модель «чистые ощущения – одушевляющий акт схватывания»). Тогда как в «Опыте и суждении» следы моделирования почти исчезают: модель «ощущения – схватывание» лишь дважды мимоходом упоминается в нем, не играя при этом никакой существенной роли. Поэтому мы не будем на ней останавливаться, наша задача – выявить, какие предпосылки принимает Гуссерль в «Опыте и суждении», описывая реальный опыт восприятия.

Сначала обратимся к предпосылкам описания опыта восприятия в «Логических исследованиях». Проблема восприятия вещи отнюдь не является точкой исходного интереса раннего Гуссерля, в центре внимания II тома «Логических исследований» – природа логического, отправной же точкой исследования являются понятия выражения и знака. Т. е. мир для «раннего» Гуссерля изначально – это не мир вещей и их свойств, а, скорее, мир выражений и знаков. Это наложило свой отпечаток на гуссерлевское понимание восприятия в «Логических исследованиях». По мнению Ранга, к которому мы присоединяемся, «ранний» Гуссерль реализует так называемую «апперцептивную модель восприятия» [4, s. 126–127]. Эту модель также можно назвать знаковой моделью, так в §21 «Логических исследований» Гуссерль сам пишет о знаково-семантическом толковании восприятия. Воспринимающее сознание, в отличие от знакового, рассматривает ощущения как знаки для самого предмета: мы ощущаем отдельные свойства, которые являются знаками предметов и которые должны им соответствовать. В этом случае, как показывает Ранг, Гуссерль оказывается в плену теории отражения (или теории знак / образ), которую сам же критикует и с которой борется. Для нас здесь важно не то, что гуссерлевская модель напоминает модель отражения, а то, что при описании (но уже не моделировании) опыта восприятия у Гуссерля еще остаются знаково-семантические предпосылки. Так, оттенки и перспективы для Гуссерля также являются знаками самого предмета, на что обращает внимание Ранг в [4, s. 131]. По Гуссерлю, предмет конституируется шаг за шагом из содержания актов сознания – перспективистского явления вещи, например, ее передней стенки – и из сигнификативно подразумеваемого предмета. Т. е., Гуссерль здесь действует вполне в рамках кантовского подхода: чтобы воспринимать предмет, нужно уже иметь понятия, характеризующие этот предмет. Только в отличие от Канта, понятие у Гуссерля имеет знаковую природу. Наличие слов-знаков и является предпосылкой, которая обеспечивает восприятие вещей.

Описание восприятия в «Опыте и суждении», по нашему мнению, отличается от подхода к восприятию вещи у раннего Гуссерля. Хотя, на первый взгляд, кажется, что речь идет об одном и том же: описании восприятия отдельного предмета, в ходе которого Гуссерль пытается, в частности, ответить на вопрос, почему, видя лишь переднюю стенку предмета, мы обычно сразу же понимаем, что это за предмет. Однако, несколько меняется исходная установка понимания самого процесса восприятия и, соответственно, решения его проблем. Как было отмечено выше, Гуссерль, фактически, отказывается от моделирования процесса восприятия и стремится к адекватному описанию реального опыта восприятия. Так, описывая то, что предшествует восприятию конкретных вещей окружающего мира, он не обращается к схеме «ощущение – схватывание», а пишет об изначально неясном

поле восприятия, из которого выделяются отдельные вещи. Предданностью теперь выступает «сущий мир вещей», на который мы раньше не обращали внимания. Область предданности не является предметным полем³, но не является и хаосом чистых ощущений: она представляет собой область сгруппированных чувственных данных – запахов, звуков, цветов и т. д. И это поле не является гомогенным, чувственные данные сгруппированы определенным образом по одинаковости и похожести. Гуссерль приводит примеры, которые проясняют его мысль: красные пятна, белые пятна поверхности и т. д. Эти выделенные единичности образуются с помощью ассоциаций, которые функционируют по принципу «нечто напоминает нечто».

Еще один важный момент, которым характеризуется в «Опыте и суждении» гуссерлевский подход к восприятию, заключается в том, что наше изначальное схватывание предметов, даже в их неясных очертаниях, определяется нашим прошлым опытом. Гуссерль использует здесь понятие типического схватывания, которое имеет принципиально неязыковой характер. Я воспринимаю предмет как стол потому, что в своем опыте я уже имел дело со столами и данный предмет отношу к типу столов.

В «Опыте и суждении» одной из предпосылок подхода к восприятию является структурирование Гуссерлем опыта протекания восприятия по образцу логического суждения. Сначала мы схватываем предмет (субъект), затем обращаем внимание на его отдельные особенности (предикаты) или на соседние предметы (дизъюнкция или конъюнкция). Мы не считаем, что это является конструированием опыта – иногда именно так восприятие и протекает. Но это всего лишь один из возможных вариантов описания опыта восприятия, который соответствует конкретной задаче: прояснению логических суждений.

В заключении хотелось бы отметить, что, несмотря на важное место проблемы восприятия в творчестве Гуссерля, его подход к описанию опыта восприятия во многом определялся общефилософскими задачами и установками, разделяемыми им в данный момент и далеко не всегда им осознаваемыми.

Список литературы

1. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч. I. Исследования по феноменологии и теории познания / Пер. с нем. В. И. Молчанова. – М., 2011. – 565 с.
2. Husserl E. Erfahrung und Urteil. – Hamburg, 1999. – 492 s.
3. Lohmar D. Erfahrung und kategoriales Denken. Hume, Kant und Husserl über vorprädikative Erfahrung und prädikative Erkenntnis. – Dordrecht – Boston – London, 1998. – 305 s.
4. Rang B. Repräsentation und Selbstgegebenheit. Die Aporie der Phänomenologie der Wahrnehmung in den Frühschriften Husserl // Phänomenologische Forschung, Freiburg – München, 1975. – S. 378 – 397
5. Ströker E. Husserls transzendente Phänomenologie. Frankfurt am Main, 1987. – 255 s.

³ Гуссерль также утверждает, что в точном смысле слова предметом является лишь предмет предикативного суждения, то есть предмет оформляется только в ходе категориальных синтезов. Но этого строгого различения в терминологии Гуссерль, как правило, не придерживается.

Shiyan A.A. Phenomenological Justification of Logic // Scientific Notes of Crimea Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 1. – P. 172-180.

The article investigates the problem of justifying the logic in Husserl's phenomenology. It is accentuated, by means of comparative analysis of the ideas expressed in the works of Husserl "Logical Investigations" and "Experience and judgment", the specifics of the evolution of the phenomenological approach to the subject of logic. It is also emphasizes that the elaboration of phenomenological problematics on judgment, based on the perception as on the experience for pre-reality to the object contains a number of assumptions being not tracked by Husserl. Among them, the author identifies and analyzes the premise that objectivity of mind is produced by special acts of categorical contemplation unconsciously, making it impossible to justify referring to the experience. The author concludes that Husserl's phenomenological analysis of perception as a basis for judgment is one of the variant of how to describe the experience of perception, which is placed in the context of the specific task of justifying the logic. At the same time it is stressed that despite the problems of perception occupy important place in in the Husserl's phenomenology, his approach to the description of the experience of perception is largely determined by general philosophical goals and attitudes which are accepted at the moment and which are not always perceived by him/

Keywords: phenomenology, the grounds of logic, perception, general concept, judgment, predicative judgment

References

1. Husserl E. Logical Investigations. V. II. Part I. Investigations in phenomenology and gnoseology / Transl. by V. I. Moltchanov. – M.: Akademicheskiy proekt, 2011. – 565 p.
2. Husserl E. Experience and Judgment. – Hamburg, 1999. – 492 p.
3. Lohmar D. Experience and Categorical Thinking. Hume, Kant and Husserl on prepredicative experience and predictive understanding. – Dordrecht – Boston – London, 1998. – 305 p.
4. Rang B. Representation and Self-Givenness. The Aporia of Phenomenology of Perception in the Early Husserl's Writings // Phenomenological Research. – Freiburg – München, 1975. – P. 378 – 397
5. Ströker E. Husserl's Transcendental Phenomenology. – Frankfurt am Main, 1987. – 255 p.

Сведения об авторах

Антипов Г.А. – д-р филос. н., профессор кафедры философии Новосибирского государственного университета экономики и управления. E-mail: Dr-eji2@yandex.ru

Ваккасова М. В. – магистрант Государственного академического университета гуманитарных наук, исторический факультет, профиль «История». E-mail: chess129@mail.ru

Габриелян О.А. – д-р филос. н., декан философского факультета КФУ им. В.И. Вернадского. E-mail: gabroleg@mail.ru

Гринева М.А. – студент философского факультета КФУ им. В.И. Вернадского. E-mail: maria.grinev@mail.ru

Жалдак Н.Н. – к. филос. н., доцент кафедры философии Национального исследовательского университета «Белгородский государственный университет». E-mail: zhnn3@rambler.ru

Карелин В.М. – к. филос. н., кафедра социальной философии, РГГУ. E-mail: v-karelin@mail.ru

Липкин А.И. – д-р филос. н., профессор кафедры философии, МФТИ (ГУ). E-mail: arkadiy.lipkin@gmail.com

Мануйлов В.Т. – к. филос. н., доцент НОУ ВПО «Московский институт государственного управления и права». E-mail: manvict@yandex.ru

Николко В.Н. – д-р филос. н., профессор кафедры философии философского факультета КФУ им. В.И. Вернадского.

Першин Ю.Ю. – д-р филос. н., профессор кафедры психологии труда и организационной психологии Омского государственного политехнического университета. E-mail: pershiny@mail333.com

Пороховская Т.И. – к. филос. н., доцент философского факультета, МГУ им. М.В.Ломоносова. E-mail: 632712@mail.ru

Рыскельдиева Л.Т. – д-р филос. н., заведующая кафедрой философии КФУ им. В.И. Вернадского. E-mail: ryskeldieva@rambler.ru

Семерей А.В. – магистрант кафедры философии философского факультета КФУ имени В.И. Вернадского. E-mail: infiniti1963@mail.ru

Соколова А.Б. – соискатель учёной степени кандидата философских наук. Севастополь. E-mail: nastyam@mail.ru

Столяров А.В. – к. физ.-мат. н.; к. филос. н., доцент факультета вычислительной математики и кибернетики, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова. E-mail: avst@cs.msu.ru

Сулейменов И.Э. – д-р хим. н., к. физ.-мат. н., профессор кафедры АЭС Алматинского университета энергетики и связи.

Сулейменова К.И. – д-р эконом. н., преподаватель департамента экономики Университета Бирмингема, Бирмингем, Великобритания.

Титов А.В. – к. техн. н., доцент МГУ ПС (МИИТ), МГТУ им. Баумана.
E-mail: a.v.titov@mail.ru

Шапиро О.А. – к. филос. н., доцент кафедры философии философского факультета КФУ им. В.И. Вернадского. E-mail: olalesha@rambler.ru

Шиян А.А. – к. филос. н., доцент Учебно-научного центра феноменологической философии философского факультета РГГУ. E-mail: annasamoikina@yandex.ru

Шоркин А.Д. – д-р филос. н., профессор кафедры философии философского факультета КФУ им. В.И. Вернадского. E-mail: alexshorkin@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Антипов Г.А. Традиции, инновации и социальная эволюция	3
Ваккасова М.В. Проблемы культурной безопасности в исследованиях Парижской школы	14
Липкин А.И. Видение социо-культурных инноваций и рисков в многослойной модели культуры	21
Шоркин А.Д. К истории технологической оснащённости человечества (проблема соотношения техники и морали)	29

ФИЛОСОФИЯ КОММУНИКАЦИИ

Гринева М.В. Media map: виртуальная интермедия вечной жизни	38
Карелин В.М. Диссенсус – фактор эффективной коммуникации	46
Рыскельдиева Л.Т. Задачи коммуникативной текстологии	54
Соколова А.Б. Проблема ответственности в философии космизма	62
Шапиро О.А. Конфликты сетевой коммуникации и их преодоление ...	72

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ. ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ

Першин Ю. Ю. «Гибридная война» как интеллектуальная провокация	80
Пороховская Т.И. Моральная риторика в политическом дискурсе	89
Столяров А.В. Концепт информационного насилия и европейская идеология всеобщей толерантности	98

ЛОГИКА И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

Сулейменов И.Э., Габриелян О.А., Сулейменова К.И. Информационные аспекты эволюции сложных систем	106
---	-----

Жалдак Н.Н. Категории методологии социально-гуманитарных исследований	115
Мануйлов В. Т. Методологические принципы «Немецкого конструктивизма».....	126
Николко В.Н. Об одном классе логических функций (функфорах) ...	148
Семерей А.В. К вопросу о классификации видов мышления человека ..	156
Титов А.В. Обобщенный нестандартный анализ и исследование форм логического исчисления на основе структур значений оценки	164
Шиян А.А. Феноменологическое обоснование логики	172
Сведения об авторах	181
Содержание.....	183

About the Authors

Antipov G.A. – Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy Department of Novosibirsk state University of economics and management. E-mail: Dr-eji2@yandex.ru

Vakkasova M.V. – Undergraduate State Academic University for Humanities, the faculty of History, the profile "History". E - mail: chess129@mail.ru

Gabrielyan O.A. – Doctor of Philosophy, Professor of the Culturology and Religious Studies Department of V.I. Vernadskiy CFU faculty of Philosophy.
E-mail: gabroleg@mail.ru

Grineva M.A. – a student of Philosophy Department of V.I. Vernadskiy CFU faculty of Philosophy. E-mail: maria.grinev@mail.ru

Zhaldak N.N. – Candidate of Philosophy, Associate Professor of National research university BGU, Philosophy Department

Karelin V.M. – Candidate of Philosophy, Associate Professor of RSHU, Social Philosophy Department. E-mail: v-karelin@mail.ru

Lipkin A.I. – Doctor of Philosophy, Philosophy Department Professor, MPTI.
E-mail: arkadiy.lipkin@gmail.com

Manuylov V.T. – Candidate of Philosophy, Associate Professor of MISML.
E-mail: manvict@yandex.ru

Nikolko V.N. – Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy Department, V.I. Vernadskiy CFU faculty of Philosophy.

Pershin Y.Y. – Doctor of Philosophy, Professor of Work Psychology and Organizational Psychology of OSPU. E-mail: pershiny@mail333.com

Porohovskaya T.I. – Candidate of Philosophy, Associate Professor of Philosophy Department, M.V. Lomonosov MSU. E-mail: 632712@mail.ru

Riskeldieva L.T. – Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy Department, Head of V.I. Vernadskiy CFU Philosophy Department. E-mail: ryskeldieva@rambler.ru

SemerejA.V. – Undergraduate of Philosophy Department of V.I. Vernadskiy CFU faculty of Philosophy. E-mail: infiniti1963@mail.ru

Sokolova A.B. – Competitor of a scientific degree of a Candidate of Philosophy.
E-mail: nastyam@mail.ru

Stolyarov A.V. – Candidate of Physics and Mathematics Science, Candidate of Philosophy, Associate Professor of Computational Mathematics and Cybernetics faculty, M.V. Lomonosov MSU. E-mail: avst@cs.msu.ru

Suleymenov I.E. – Doctor of Chemical Science, Doctor of Physics and Mathematics science, Professor of AEP Department of AUEC.

Suleymenova K.I. – Doctor of Economical Science, tutor of the Birmingham University Economical Department.

Titov A.V. – Candidate of Technical Science, Associated Professor of Bauman MSTU. E-mail: a.v.titov@mail.ru

Shapiro O.A. – Candidate of Philosophy, Associated Professor of Philosophy Department, V.I. Vernadskiy CFU faculty of Philosophy.

Shiyan A.A. – Candidate of Philosophy, Associated Professor of Phenomenology Philosophy Centre of faculty of Philosophy RSHU. E-mail: annasamoikina@yandex.ru

Shorkin A.D. – Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy Department of V.I. Vernadskiy CFU faculty of Philosophy. E-mail: alexshorkin@mail.ru

CONTENT

TRADITIONS AND NOVATIONS

Antipov G. A. Traditions, Innovation and Social Evolution	3
Vakkasova M.V. Problems of Cultural Safety in the Research of Parisian School	14
Lipkin A. I. The Vision of Social and Cultural Innovation and Risks in a Multicultural Model	21
Shorkin A.D. To the History of the Humanity Technology Availability (the Problem of Technique and Morality Correlation)	29

PHILOSOPHY OF COMMUNICATION

Grineva M. Media Man: Virtual Intermedia of an Eternal Life	38
Karelin V.M. Dissensus – A Factor of Effective Communication	46
Ryskeldyieva L.T. The Objectives of Communicative Textology	54
Sokolova A.B. Issues of Responsibility in Russian Cosmism Philosophy ...	62
Shapiro O.A. The Web Communication Conflicts and Their Overcoming . ..	72

POLITICAL SCIENCE. POLITICAL PHILOSOPHY

Pershin Yu. Yu. «Hybrid War» as an Intellectual Provocation	80
Porokhovskaya T.I. The Moral Rhetoric in Political Discourse	89
Stolyarov A.V. Concept of Information Violence and European Ideology World Tolerance	98

LOGIC AND METODOLOGY OF SCIENCE

Suleimenov I.E., Gabriyelyan O. A., Suleimenova K.I. The Information Aspects of Complex Systems Evolution	106
Zhaldak N.N. Categories of Social and Humanitarian Studies Methodology	115

Manuylov V.T Methodological Principles of «German Constructivism».....	126
Nikolko V.N. On a Logic Functions Set (Funcfors)	148
Semerey A.V. To the Question about the Key Types of Thinking	156
Titov A.V. Generalized Non-Standard Analysis and Study of the Forms of Logical Calculation on the Basis of Assessment of Value Structures	164
Shiyan A.A. Phenomenological Justification of Logic	172
About the Authors	181
Content.....	183